

Министерство просвещения РСФСР
СВЕРДЛОВСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ И ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКА

Сборник
научных трудов

Свердловск
1988

Методы изучения системы и эволюции языка: Сб. научн. тр. / Свердлов. пед. ин-т. Свердловск, 1988. 112 с.

В рамках общей проблемы с позиций современной лингвистики рассматриваются вопросы соотношения лингвистического материала и метода исследования. Обсуждаются результаты применения контекстологического, описательного, трансформационного, типологического, сравнительно-исторического и других методов.

Рассчитан на преподавателей, аспирантов, студентов факультетов и институтов иностранных языков.

Рецензенты: кафедра английского языка и перевода Горьковского ГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, канд. филол. наук А. А. Неелов (МГПИ им. В. И. Ленина), кафедра французского языка Свердловского пединститута

Редколлегия: канд. филол. наук Г. Н. Бабич (отв. редактор), канд. филол. наук В. И. Томашпольский, канд. филол. наук В. П. Хабиров

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СВОЙСТВ СЛОВА (синтагматический аспект)

За последние годы появилось значительное количество исследований, посвященных дискретному семантическому анализу лексических единиц. Изучение семантики слов с точки зрения понимания значения как сущности, имеющей сложный состав и структуру, признается объективным и эффективным методом семантических исследований [5]. Несмотря на широкое использование метода компонентного анализа, имеются нерешенные и не до конца ясные вопросы, отмечаются частые издержки и упрощенное использование данного метода.

Основной посылкой компонентного анализа является понимание значения слова как определенным образом упорядоченной информации о явлениях внешнего мира, состоящей из набора (пучка, комбинации) элементарных семантических компонентов, связанных отношениями иерархической взаимозависимости и подчиненности [1, с. 60—65; 6, с. 207; 7, с. 166; 10, гл. IV, § 2]. Таким образом, целью дискретного семантического анализа является получение структурно организованного набора предельных смысловых единиц (обозначаемых терминами сема, семантический компонент, семантический множитель, нозма, фигура, маркер, смысл и т. п.), которые можно расценивать как минимальные и далее неделимые элементы информации, осуществляемой словом [11, с. 28].

Структурный подход к семантике лексических единиц открывает большие возможности при изучении их языковых свойств. Собственно языковые свойства слова делятся на два типа: парадигматические и синтагматические.

На парадигматическом уровне компонентный анализ является одним из рабочих приемов, используемых для изучения семантики слов, а также для дифференциации и сопоставления их значений. Большинство исследователей считает значение слова отражательной категорией, и поэтому расчлененное представление лексического значения вполне закономерно [4, с. 34, 176]. Вместе с тем значение слова — это сложная структура с определенной иерархией [3, с. 68]. В структуре значения обычно имеются компоненты, общие для всего лексико-грамматического класса слов; это — семантические категории. Ю. Найда выделяет четыре семантические категории, которые отражают в значении определенные аспекты денотата и намечают его каркас [14]. Е. Бендикс описывает значение слов в виде комбинаций элементарных понятий, их он представляет как «схемати-

ческие предложения», составляющие компонентную структуру значения [13]. Несмотря на то, что Е. Бендикс не выстраивает иерархию компонентов, данная методика может успешно использоваться при определении семантической совместимости и валентности глаголов. Итак, компонентный анализ плодотворно используется для изучения семантики языковых единиц, для дифференциации и сопоставления значений при исследовании их парадигматических свойств.

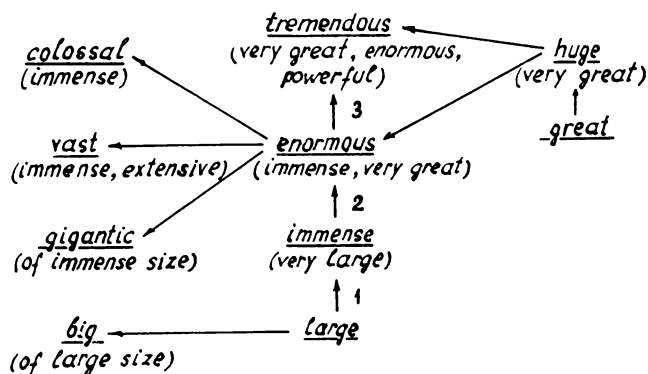
Применение компонентного анализа для описания синтагматических характеристик ограничено, встречается редко, хотя приложение данного метода на этом уровне результативно и дает информацию не только о процессах движения внутри семантической структуры слова, но и отражает закономерности встречаемости слов в речи. Однако некоторые исследователи (например, Ю. Найда [14]) считают невозможным использование компонентного анализа в синтагматике без нарушения чистоты метода, полагая, что «истинное» значение слова существует лишь в системе языка.

Соглашаясь с данным положением и считая его одним из недостатков компонентного анализа, все же нельзя считать и его достаточным аргументом для отрицания возможности успешного применения методики дискретного семантического исследования на уровне линейных отношений лексических единиц. Следует учитывать теоретическую значимость компонентного анализа, а также ту огромную пользу, которую приносит описание синтагматических свойств слова в терминах компонентного анализа для практического освоения языка.

Подвергая компонентному анализу референциональное значение слова в конкретном лингвистическом окружении, нельзя не учитывать неразрывно связанное с ним детерминированное или операциональное значение. Более того, одной из основных целей семантического анализа является установление той степени взаимозависимости, которая связывает парадигматическую характеристику слова с его сочетаемостью. Следует также отметить, что идея привлечения контекста при изучении синтагматических свойств слова изначально заложена в семантической теории Дж. Катца и Дж. Фодора, конечной целью которой является: снятие двусмысленности фраз, комментариев аномалий, перефраз предложений [15].

Таким образом, комплексный подход к описанию языковых свойств слова с позиций компонентного анализа теоретически оправдан и практически полезен. В качестве примера рассмотрим семантические отношения внутри ЛСГ прилагательных *large, great, big, immense, gigantic, vast, colossal, huge, enormous, tremendous etc.*, объединенной отношениями семантической общности. Все конститuentы группы, кроме того, противопоставляются по различным признакам: стилистическому (например, *big* и *large*), семантическому и др. Результаты компо-

нентного анализа значений слов можно представить в виде следующей структуры.

В основе иерархической организации лежит принцип расширения значения лексических единиц. Движение снизу вверх показывает разрастание значения в семантической структуре слов. Можно квалифицировать лексемы *large* и *great* как детерминированные, в то время как все остальные являются детерминируемыми [12, с. 141]. Принцип бинарных противопоставлений, на которых основан метод компонентного анализа, находит применение и при сравнении пар синонимов данной группы, члены которой связаны отношениями спецификации. Иными словами, с точки зрения бинарной оппозиции *immense* = *large* + наслоение. Это абстрактное «наслоение» является новым компонентом, различающим семантические структуры слов *immense* и *large* и определяющим место каждого из них внутри системы. Цифры 1, 2, 3 показывают нарастание качества, которое изменяется при наращении семантических дополнительных компонентов, обогащающих структуру каждой последующей лексемы при ее движении по схеме снизу вверх. Так, если допустить, что набор сем у прилагательного *large* минимален и предельный, т. е. соответствует нулевому показателю нарастания качества, то у следующего члена иерархии *immense* — этот показатель вырастает до единицы с присоединением компонента *very*. Синонимы *colossal*, *vast*, *gigantic* обладают тем же количественным показателем, что и *immense*, структуру которой они «наследуют». Вместе с тем они выступают как лексические единицы, производные от *immense* при наличии у них сем, выражающих дополнительные оттенки значения. В целом же принцип «наследования» вышестоящими лексемами семантических структур нижестоящих, наряду с взаимозависимостью и подчиненностью, является организующим в описываемой системе.

Парадагматическая система организации слов может демон-

стрировать возможности метода и в синтагматическом аспекте, ибо значение слова как совокупность семантических компонентов важно и для синтагматического анализа. При этом следует учитывать, что семы — единицы плана содержания, находят свое «материальное выражение» в сочетаемости. Функционируя в речи и вступая в синтагматические связи, слово в каждом своем употреблении репрезентирует одно из парадигматических противопоставлений. По мнению У. Вейнрейха, актуализация значения полисемантического слова в речи представляет собой дизъюнкцию [2, с. 216]. Если же ЛСВ реализуется вне типичных синтагматических связей, то возникает конфликт между ЛСВ и его окружением. В таких случаях на помощь приходит минимальный контекст или коллокация, напр.: *The fact remains that he's a great artist, a very great artist. Strickland? I exclaimed. It can't be the same man. A big fellow with a red beard. Charles Strickland (S. Maugham).*

Совместная встречаемость лексем *big* и *great* определяет смысловой контраст, на котором основан эффект отрывка. Если в сочетании *a big fellow* реализуется ЛСВ слова *big* — «of large size», т. е. передается его прямое значение, то коллокация *a great artist* является переносным употреблением прилагательного: *of remarkable ability or character*. Одновременная принадлежность лексемы *great* к двум лексико-семантическим парадигмам создает двусмысленность текста, или «омоническую ситуацию» [9, с. 167]. Именно поэтому было бы неверным в данном случае считать комбинацию *a very great artist* эквивалентной *a huge artist*, хотя по формальным результатам компонентного анализа это кажется возможным.

В ряде случаев применение компонентного анализа при изучении синтагматических свойств слова выявляет и более тонкую стилистическую организацию текста: *There were other guests, of course, who were not Europeans: a gigantic stockbroker from New York with a huge wife and three immense children, who spoke not a word when they dined; several family groups from Philadelphia who could be placed quickly by the nasalities of their speech (Doctorow).*

Синонимы *gigantic*, *huge*, *immense* имеют одинаковый показатель нарастания качества, следовательно, их расположение в тексте не направлено на усиление образа. Если сочетание *a huge wife* реализует достаточно нейтральный ЛСВ прилагательного — *very great*, то употребление *immense* с *children*, которое редко сочетается с лицами, играет уже коннотативную роль. И наконец, употребление *gigantic* (дефиниция которого «of immense size» сопровождается пометой *appetite, meals*) в сочетании с существительным *stockbroker* раскрывает подразумеваемое указание на пассивный характер существования персонажей. Таким образом, сема «of immense appetite, meals», не

затрагивая иерархические отношения слов, выделяет слово *gigantic* как опорное.

Рассмотрим еще случай, когда прилагательное *tremendous*, обладающее максимальным показателем нарастания качества, употребляется с конкретным (а не абстрактным, что является его нормой) существительным: *Sitting on the tremendous rocks in the horrid sun, Roger received this news as an illumination* (Golding). В данном предложении актуализируется метафорическое значение лексемы *tremendous*, которое обусловлено появлением окказионального компонента «конкретность» в семантической структуре прилагательного, а также диктуется специальными стилистическими задачами писателя, рисующего образ величественной, но зловещей природы.

Таким образом, применение компонентного анализа для семантического чтения текстов позволяет не только глубоко проникнуть в семантику лексических единиц и избежать двусмысленности при толковании, но и установить, какими «материальными» средствами, а именно компонентами (часто скрытыми) автору удастся создать определенный стилистический эффект.

Исходя из изложенного можно заключить, что применение компонентного анализа при изучении парадигматических и синтагматических характеристик лексем дает представление о системности содержательной стороны языка. Компонентный анализ позволяет организовывать слова в отношения семантической общности и противопоставленности, в лексико-семантические парадигмы разных типов. Значение компонентного анализа заключается еще и в том, что он не только помогает выявить характер системных отношений, но и способствует адекватному описанию форм проявления этих отношений на синтагматическом уровне изучения языка.

-
1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
 2. Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5.
 3. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972.
 4. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.
 5. Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
 6. Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
 7. Селиверстова О. Н. К вопросу об определении значения и методах его описания // Всесоюзн. научн. конф. по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974.
 8. Солнцев В. М. Проблема значения и значимости лексических единиц с точки зрения теории отражения // Вопросы семантики. М., 1971.
 9. Супрун А. Е. Лексика и вероятностный характер языка // Проблемы лексикологии. Минск, 1973.
 10. Теория речевой деятельности. М., 1968.
 11. Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.

12. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
13. Bendix E. H. Componential analysis of general vocabulary: The semantic structure of a set verbs in English, Hindi and Japanese // International Journal of American Linguistics. 1966. Vol. 22.
14. Nida E. Componential Analysis of Meaning. An Introduction to Semantic Structures. The Hague-Paris, 1975.
15. Katz J. J., Fodor J. A. The structure of the semantic theory // Language. 1963. Vol. 39. N 2.

Е. А. Гончарова
ЛГПИ им. А. И. Герцена

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Топонимическая структура литературного текста включает в себя всю систему его неоднородных пространственных отношений и может выступать, как пишет Ю. М. Лотман, «в качестве языка для выражения других, непространственных отношений. С этим связана особая моделирующая роль художественного пространства в тексте» [6, с. 280]. Одна из возможностей членения топонимической структуры художественного текста исходит от действующих лиц произведения. Каждый персонаж обладает своим собственным пространством или — исходя из общей структуры текста — подпространством. Это дало основание И. Р. Гальперину рассматривать персонажей в ряду «пространственных параметров текста» [2, с. 95]. Являясь частью топонимической структуры художественного текста, персонаж в то же время сам получает существенную дополнительную характеристику через придаваемое ему автором пространство художественного действия. Виды сочетаемости художественных пространств персонажей в тексте (пересекаемость, последовательная смена одного другим, смежность или слитность, стабильность — нестабильность художественного пространства персонажа) можно рассматривать, с одной стороны, как лингвостилистические элементы структуры образов персонажей, а с другой — как текстовые компоненты, обеспечивающие его интеграцию.

Например, в романе И. В. Гете «Wilhelm Meisters Lehrjahre» сопоставление характеров Вильгельма и Марианны, мысль автора о невозможности существования Вильгельма в атмосфере провинциального театра усиливается противопоставлением их художественных подпространств, образующих текстовую антитезу. Сравним описание благополучной бюргерской комнаты и связанных с ней изысканных привычек артистичной натуры Вильгельма и называемой повествователем «verworrene Wirtschaft» уборной Марианны:

1. In einem feinen Bürgerhause erzogen, war Ordnung und Reinlichkeit das Element, worin er atmete, und indem er von seines Vaters Prunkliebe einen Teil geerbt hatte, wußte er in den

Knabenjahren sein Zimmer, das er als sein kleines Reich ansah, stattlich auszustaffieren. Seine Bettvorhänge waren in große Falten aufgezogen und mit Quasten befestigt, wie man Thronen vorzustellen pflegt; er hatte sich einen Teppich in die Mitte des Zimmers und einen feinern auf den Tisch anzuschaffen gewußt; seine Bücher und Gerätschaften legte und stellte er fast mechanisch so, daß ein niederländischer Maler gute Gruppen zu seinen Stilleben hätte herausnehmen können [9, S. 58—59].

2. Wie sehr stutzte er daher anfangs, wenn er sich bei seiner Geliebten befand und durch den glücklichen Nebel, der ihn umgab, nebenaus auf Tische, Stühle und Boden sah. Die Trümmer eines augenblicklichen, leichten und falschen Putzes lagen, wie das glänzende Kleid eines abgeschuppten Fisches, zerstreut in wilder Unordnung durcheinander. Die Werkzeuge menschlicher Reinlichkeit, als Kämme, Seife, Tücher waren mit den Spuren ihrer Bestimmung gleichfalls nicht versteckt. Musik, Rollen und Schuhe, Wäsche und italienische Blusen, Etuis, Haarnadeln, Schminktöpfchen und Bänder, Bücher und Strohhüte, keines verschmähte die Nachbarschaft des andern, alle waren durch ein gemeinschaftliches Element, durch Puder und Staub vereinigt [9, S. 59—60].

Приведенные абзацы могут рассматриваться как элементы общей топонимической структуры романа, связанные отношениями антитезы развернутого типа. В этих отношениях участвуют разные лингвистические элементы: лексические антонимы (Ordnung — Unordnung), контекстуальные антонимы (sein kleines Reich — diese verworrene Wirtschaft, stattlich-wild). Художественная информация, передаваемая антиномией, оформлена и дозирована по-разному: в первом абзаце появлению каждого нового объекта информации (Bettvorhänge, Teppich, Bücher und Gerätschaften) соответствует новая синтаксическая единица (синтагма или предложение), связанная с предыдущей отношением смыслового зацепления, в то время как во втором абзаце скопление объектов информации (грамматических субъектов предложений) при одном предикате обуславливает иной тип связности отдельных текстовых единиц: по принципу их частичного смыслового перекрытия [5, с. 49—67].

Существенное значение для топонимической структуры художественного текста имеет тип повествовательной перспективы [3, с. 15—21] и связанный с ним образ автора-повествователя. Рассмотрим закономерности выражения пространственных отношений в объективированном повествовании (ОП), или повествовании от третьего лица, отражающем внеположенность, дистантность повествователя от изображаемого, принципиальную избыточность его кругозора по сравнению с персонажами.

Для ОП характерна относительная автономность художественных пространств персонажей как по отношению друг к другу, так и к художественному пространству повествователя.

Пространство автора-повествователя, как правило, не имеет опоры на определенные лингвостилистические элементы текста. Оно существует в художественной макроструктуре повествования как *синтез* художественных пространств персонажей и имплицитно представленной в тексте «точки зрения» автора-повествователя, позволяющей читателю составить предположительный образ его художественного топоса [7].

Если представить пространственно-временные отношения художественного текста оппозицией *континуум* (нерасчлененный поток движения во времени и пространстве) — *дисконтинуум* (прерывистость, непостоянство пространственно-временных параметров текста), то в повествовании от третьего лица значение маркированного члена приобретает дисконтинуум. Значение дисконтинуума при этом возрастает в емких эпических жанрах повести и романа. Дискретность пространственно-временного континуума выступает в ряду существующих принципов членения художественного текста, как правило, в качестве факультативного способа сегментирования текстового целого, накладывающегося на другие лингвостилистические приемы, хотя значение словоформ с пространственно-временным значением как лингвистических сигналов сегментирования текста несомненно.

Так, анализ литературно-художественных текстов эпического характера показывает, что в начальных предложениях частей, выделяемых автором как самостоятельные композиционно-графические единства, как правило, содержатся лингвистические актуализаторы пространственно-временных обстоятельств изобразяемого. Семантико-синтаксические взаимодействия этих предложений с предшествующим контекстом разнообразны.

Основой для появления очередного композиционного сегмента текста служит *антропоним*, появляющийся в тексте как обозначение нового действующего лица, к нему относится обстоятельственная словоформа со значением места и времени. Семантика «нового», исходящая от обстоятельственной словоформы, входит подчиненной частью в антропоним, несущий информацию, которая имеет основную стилистическую значимость для художественного смысла текста.

Изменение топонимической структуры художественного текста в таких случаях обусловлено заменой элементов в его антропонимической структуре. Отражением этого на лингвистическом уровне можно считать порядок слов в начальных предложениях композиционно-сюжетных частей текста: первое место принадлежит грамматическому субъекту-антропониму, обстоятельственная темпорально-локальная словоформа отодвигается в конце предложения или становится синтаксическим членом следующих предложений, связанных с первым синонимическими или прономинальными повторами семантико-синтаксического субъекта первого предложения. Примером подобного членения художественного текста могут служить романы А. Зегерс «Die

Toten bleiben jung», Л. Фейхтвангера «Erfolg», «Die Geschwister Oppermann», «Die häßliche Herzogin Margarete Maultasch» и другие, для которых характерен широкий охват пространственно-временных отношений и большое число действующих лиц. Сюжетно-композиционное движение повествования в названных романах осуществляется переходом от одного персонажа к другому. Так, пятнадцатая глава романа «Die Toten bleiben jung» состоит из четырех выделенных автором частей. Приведем начальные предложения этих частей:

1. *Die Liese* erkannte den Wilhelm Nadler, den eigenen Mann, nicht wieder, *seitdem* die Deutschen in Polen eingerückt waren und dieses Land in ein paar Wochen erobert hatte.

2. *Elisabeth Lieven* saß auf der Stufe unter den Säulen im alexandrinischen Still vor dem Haupteingang ihres Gutschauses.

3. *Marie* saß mit ihrem Nähzeug, wo sie am liebsten saß, auf dem kleinen Balkon, der wie ein Vogelnest an der Hausfront hing.

4. *Der Leutnant Fahrenberg, Adjutant von Werzlow*, erwartete seinen Vorgesetzten an der vereinbarten Stelle vor dem Gehöft, das man ihnen ursprünglich zum Quartier bestimmt hatte [10].

В приведенных отрывках появление новых элементов сложной топонимической структуры романа обусловлено переходом автора в композиционно-сюжетном развитии текстового целого к новому персонажу; его имя играет роль препозитивного грамматического субъекта во всех четырех примерах. Сопровождающие эти антропонимы обстоятельственные словоформы со значением времени и места играют роль исходной пространственно-временной точки повествования. Их семантико-стилистическая значимость для цельного текста складывается из двух моментов: вместе с антропонимами они участвуют в сюжетодвижении текста и одновременно расширяют панораму зрительных образов, вовлекающих читателя в ход повествования. При этом, по замечанию И. И. Ковтуновой, «обстоятельство может обладать разной степенью данности или новизны, но существенно то, что новизна ... обстоятельства в высказывании закономерна и соответствует стилистически нейтральной структуре повествовательного текста» [4, с. 266]. Схематически отношения элементов в топонимической структуре текстов с подобным взаимодействием антропонимов и словоформ с пространственно-временной семантикой можно, вероятно, изобразить следующим образом:

$$T = t_{N_1} + t_{N_2} + t_{N_3} + t_{N_4} \dots,$$

где T — художественный топос цельного текста; t — художественное подпространство действующего лица; $N_1, N_2, N_3 \dots$ — обозначение действующих лиц.

Относительная самостоятельность отдельных компонентов художественного текста, создаваемая семантико-стилистической опорой на самостоятельные антропонимы, не исключает их

связности, эксплицируемой лингвистическими средствами, и подчиненности топонимических отношений антропоцентрической структуре. К языковым единицам, осуществляющим подобную когерентность, относятся, в первую очередь, лексические единицы с семантикой: 1) темпоральной линейной соотнесенности: *am nächsten Tag, wenige Tage später, wieder zwei Tage später, in derselben Zeit, desselben Abends, am Morgen darauf, in diesen Wochen der Erwartung* и 2) темпоральной «вертикальной» соотнесенности событий, объединенной совокупностью временного и множественности пространственных параметров художественного действия. Например:

1. Als Dr. Gustav Oppermann *an diesem 16. November*, seinem fünfzigsten Geburtstag, erwachte, war es lange vor Sonnenaufgang [11, S. 7].

2. Martin Oppermann *mittlerweile* fuhr ins Geschäft [ibid., S. 17].

3. In der Corneliusstraße *mittlerweile* erwartet man Herrn Jacques Lavende... [ibid., S. 31].

В современных романах XX века много примеров лингвистической реализации «асимметрии» пространства и времени в художественной структуре текста, когда сюжетно рядом стоят действия, происходящие одновременно в отдаленных друг от друга точках пространства. Асимметрия времени пространства подобного типа: единство временной точки и множественность пространственных точек — способна актуализироваться лишь на отдельных повествовательных отрезках эпических текстов, хотя и может быть существенной для общей текстовой структуры. В романе Г. де Бройна «Preisverleihung», например, время действия ограничено одним днем, автор изображает персонажей одномоментно, в разных и общих точках пространства. Темпоральные словоформы: 1) слово *Tag* в различных лексико-грамматических сочетаниях, играющее роль темпорального гиперонима (*in der Beschreibung eines Tages, der damit beginnt* [8, S. 5]; *Bei Schusters beginnt der Tag später also irgendwo* [ibid., S. 48]); 2) обозначение в разных контекстах временных частей дня (*an diesem Morgen* [ibid., S. 18]; *Irene ... verschönt alten Damen mit Morgengrüßen den Tag* [ibid., S. 28]; *Die alte Uhreschlägt rasselnd halb drei. Es ist also eins. Um halb zwei kann sie bei ihm sein* [ibid., S. 74]; *den ganzen Abend* [ibid., S. 154, 164]; *Kühle der Nacht* [ibid., S. 163]) — приобретают стилистическое значение элементов сцепления отдельных композиционных частей и обеспечивают связность всего текста.

Топос художественного текста может быть целиком ориентирован на одно действующее лицо, играющее роль *главного персонажа* литературного произведения. Художественные пространства других персонажей лишены «самостоятельности» и входят в топонимическую структуру текста через этот центральный пространственный континуум. Словоформы с пространст-

венно-временной семантикой играют роль семантического центра начальных предложений отдельной композиционно-сюжетной части, вводя новую информацию в повествование. Антропоним не несет в себе «нового», поскольку неоднократно употреблялся на ближайших отрезках предшествующего текста. Подобные отношения антропонимических и топонимических элементов внутри художественного топоса текста можно проиллюстрировать схемой:

$$T = \begin{array}{c} t_{N2} \\ | \\ t_{N1} - t_{N3} \\ | \quad - t_{N4} \\ t_{N5} \end{array}$$

Наблюдения показывают, что немецкий «роман воспитания» как самостоятельная жанровая эпическая форма изображения нравственно-социального развития личности в своей классической форме тяготеет к подобной топонимической структуре. Поскольку в подобном случае топонимические изменения существуют при континууме основного лица действия, можно говорить не о дискретности континуума и его переходе в дисконтинуум, а о концентрическом развитии пространственного континуума текста.

Анализ топонимических отношений в романе Л. Фейхтвангера «Goya» показал, что абсолютное большинство начальных предложений глав и подглавок романа содержит номинации главного действующего лица — художника Франциско Гойи (Don Franzisco de Goya, er, Francisco, Goya, Francho), а ближайший или широкий контекст содержит лексические единицы, которые, характеризуя частные «локусы» персонажа, создают в совокупности его художественный топос [1]. Характерно, что в ряд наиболее типичных локальных обозначений входят при этом слова, описывающие мастерскую художника:

1. *Er arbeitete. Von der Leinwand schaute eine Dame ...* [12, S. 22].

2. *Er stand vor dem Porträt, allein, und beschaute es ...* [ibid., S. 38].

3. Als am übernächsten Tag *Goya* beim Lever Don Manuels erschien, um das bestellte Porträt zu beginnen, fand er den Vorsaal dicht gefüllt [ibid., S. 52].

4. *Goya* malte an dem heitern Bild der Wallfahrt zu San Isidro. Malte hingegeben, fröhlich. Er war allein. Plötzlich spürte Francisco, daß jemand im *Atelier* war [ibid., S. 202].

5. *Goya* saß in seinem *Atelier* an der Calle de San Bernardino, in der Eremita, und arbeitete [ibid., S. 521].

Появление антропонимов, обозначающих других действующих лиц, обусловлено тем или иным типом их композиционно-

сюжетной связи с главным героем и общностью топоса. Например:

1. *Andern Tages, davon verständigt, daß das Porträt nun fertig sei, stellten sich Don Miguel und Doña Lucia Bermudez in Franciscos Atelier ein* [12, S. 41].

2. *Wenige Tage später, als Goya, übrigens ohne Schwung, an dem Bilde Don Manuels arbeitete, stellte sich ein unerwarteter Besucher ein: Don Caspar Yovellanos* [ibid., S. 81].

В последней части романа (37 главак третьей части книги), начинаемой предложением: *Goya lebte weiter in der Quinta del Sordo, allein mit Augustin und mit seinen Bildern, den gemalten und den nicht gemalten* [ibid., S. 654] — локальные обозначения теряют свою конкретную определенность. Границы «мастерской» художника раздвигаются (Vor ihm lag weit und flach das Land, silbrig im späten Morgen, hinter der dünnglänzenden Heide stiegen die Guadarrama — Berge auf mit ihren Schnee bedeckten Gipfeln [ibid., S. 655]); художник рисует и на песке (Von neuem zeichnete er in den Sand, spielerisch), и в своем воображении. Физическое пространство мастерской как бы переносится в пространство реального бытия и художественного мира художника: Für das Neue, das er da gesichert hatte; taugte keine Leinwand. Es war nichts zum In-den-Rahmen-Spannen und zum Herumtragen. Es war ein Teil seiner Welt und sollte es bleiben. Es gehörte auf keine Leinwand, es gehörte festgebannt an seine Mauer [ibid., S. 656].

Таким образом, иерархическое семантико-стилистическое взаимодействие топонимов между собой и с окружающим лингвостилистическим контекстом углубляет их локальную семантику и выделяет доминанты в структуре образа главного персонажа и художественного топоса всего романа.

Когезия отдельных компонентов топонимической структуры художественного текста, связанных с разными антропонимами, может осуществляться также за счет принадлежности персонажей (при всех их пространственных перемещениях) к единому топосу, имеющему образно-обобщенное значение, которое выходит на уровень художественного смысла текстового целого. Дом Будденброков в романе Т. Манна — цитадель старой буржуазной семьи, куда возвращаются все ее члены после жизненных бурь и странствий. В его описании неоднократно подчеркивается семантическое ядро: *das alte weitläufige Haus in der Mengstraße* [13, S. 6], *das alte Haus in der Mengstraße* [ibid., S. 526], *das Elternhaus* [ibid., S. 529]. Продажа дома семейству Хагенштремов, то есть лишение главных героев единого топоса, — символическая акция в разрабатываемой автором теме распада, гибели старого купеческого рода Будденброков.

Концентрическую структуру имеет художественный топос другого романа Т. Манна «Der Zauberberg». Топоним, вынесенный в заглавие романа, ассоциируется с известной легендой о

рыцаре Тангейзере, который подвергается искушению богиней Хольдой в ее гроте на волшебной горе. Высокогорный санаторий, в котором главный герой романа Ганс Касторп проводит семь лет, становится «волшебной горой», изолирующей его обитателей от реальной действительности. Помещая персонажей в условия полной изоляции от внешнего мира, создавая замкнутость художественного топоса, автор «Волшебной горы» показывает интеллектуальную эволюцию главного героя, его пробуждение от духовной спячки, порожденной благополучным существованием в бюргерской среде.

Идентичность исходного и конечного пространственного параметров художественного действия, иными словами «сомкнутость» художественного пространства литературного произведения, характерна для творческого метода Т. Фонтане. Его роман «Effi Briest» начинается и заканчивается описанием дома и сада Бристов, где читатель впервые видит героиню романа и где она находит свое последнее пристанище.

В рассмотренных произведениях топос текста становится особым художественным образом, «конденсатом» образа, который представлен в тексте укрупненно, расширенно и динамично. Способность топоса стать «конденсатом» образа реализуется широким контекстом, входящим в топонимическую структуру текста, который открывает простор для ассоциативного мышления читателя.

1. Баевский В. С. Художественное пространство в «Евгении Онегине» // Изв. АН СССР. 1985. Т. 44. № 3 (Серия лит. и яз.).

2. Гальперин И. Я. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

3. Гончарова Е. А. Пути лингвистического выражения категорий «автор» — «персонаж» в художественном тексте. Томск, 1984.

4. Ковтунова И. И. Структура художественного текста и новая информация // Синтаксис текста. М., 1979.

5. Кожевникова К. С. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М., 1979.

6. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.

7. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970.

8. Bruyn G. de. Preisverleihung. Halle, 1972.

9. Goethe J. W. Wilhelm Meisters Lehrjahre // Goethes Werke: In 12 Bd. Berlin; Weimar, 1974. Bd. 6.

10. Seghers A. Die Toten bleiben jung. Berlin, 1952.

11. Feuchtwanger L. Die Geschwister Oppermann. Berlin; Weimar, 1976.

12. Feuchtwanger L. Goya oder Der arge Weg der Erkenntnis. Berlin; Weimar, 1975.

13. Mann Th. Buddenbrooks. M., 1963.

Комплексный метод исследования языковых явлений объективен, так как он базируется на достоверных языковых фактах. Понимая под комплексным методом, или анализом материала, всестороннее рассмотрение взаимозависимой цепочки языковых явлений, остановимся на одном из основных элементов комплексного анализа — структурно-семантическом. Выделению упомянутого метода в качестве ведущего способствует несколько моментов: изначальная связь парадигматических и синтаксических отношений и их взаимозависимости; наличие иерархической системы текстовых единиц, а также их уровневая соотнесенность; наконец, стилистическая организация речевых произведений. Тот факт, что лингвисты часто обращаются к описываемому методу, свидетельствует о больших возможностях структурно-семантического анализа текста.

Некоторые из этих возможностей обсуждаются ниже на материале статей французской энциклопедии XVIII в. Дидро и Д'Аламбера. Цель работы заключается в рассмотрении функционирования определенных структурно-семантических типов метафорических словосочетаний в стиле энциклопедической статьи.

Первым структурно-семантическим типом метафорических словосочетаний, как показывают результаты анализа, является словосочетание «существительное + прилагательное». В качестве атрибутов в них употребляются прилагательные или причастия настоящего либо прошедшего времени. Этот тип метафор считается опосредованным, так как в них номинативная соотнесенность прилагательных или причастий опосредуется содержанием опорного слова, которому приписывается определенный признак, благодаря чему происходит изменение пресуппозиции.

Имена прилагательные и причастия, употребленные метафорически, выполняют в предложении синтаксическую функцию определения, согласуемого с существительным.

Что касается их семантики, то здесь необходимо учитывать значение опорного слова. Атрибут может относиться в обычном употреблении: 1) к существительным одушевленным; 2) к существительным неодушевленным — исходно предметным или непредметным. Семантический интерес может происходить по этим двум параметрам соответственно: одушевленное — неодушевленное; предметное — непредметное.

Для стиля статей «Энциклопедии» в основном характерны следующие случаи употребления прилагательных и причастий в переносном значении.

1. Атрибут, относящийся в своем обычном употреблении к

существительному одушевленному, сочетается с существительным неодушевленным:

а) исходно непредметным; в этом случае прилагательное или причастие, характеризующее признак живого существа (обычно человека), переносится на абстрактное понятие. Так, прилагательные и адъективные причастия *aveugle*, *sourd(e)*, *jaloux(se)*, *éclairé(e)*, *orgueilleux(se)* соотносятся с абстрактными существительными *le pouvoir*, *la puissance*, *les lois* и др. Ср., напр., в статье Жокура: ... *la monarchie dégénérerait aisément en pouvoir arbitraire, l'aristocratie en un gouvernement injuste de quelque particulier, et la démocratie en une domination aveugle et sans règles* ... [Gouvernement, ENC, VII, 790].

В статье Верона де Форбонне: *Leur navigation dépourvue du secours de la boussole, étoit timide* ... [Colonie, ENC, III, 649].

Функцию качественных прилагательных выполняют эпитеты в следующем примере: *l'ignorance orgueilleuse et jalouse* [Marmontel, Critique, ENC, IV, 497];

б) исходно предметным; этот тип метафор в статьях энциклопедистов встречается довольно редко. Мы смогли отметить лишь несколько случаев такого употребления. Ср., напр., в статье Д'Аламбера «Женева»: *Cette ville est située sur deux collines ... on voit d'un côté le lac, le l'autre le Rhone, aux environs une campagne riante, des coteaux couverts de maisons de campagne le long du lac* ... [ENC, VII, 579].

Ср. также метаморфическое употребление прилагательного *muet* в следующем примере: *Les monumens muets attendent que l'histoire ait parlé* ... [l'Abbé de Prade, Certitude, ENC, II, 860].

Метафорическое употребление прилагательного *sourd(e)* отмечается в статье Верона де Форбонне: *La France déchirée dans son sein par les guerres de religion, fut sourde a tout autre sentiment qu'a celui de sa douleur* [V. de Forbonnais, Commerce, ENC, III, 693].

2. Атрибут, сочетающийся в своем обычном употреблении с существительным неодушевленным, предметным, соотносится с существительным непредметным. Такие прилагательные и адъективные причастия, как *sec(he)*, *froid(e)*, *lumineux(se)*, *échauffé(e)*, употребляются с существительными *l'histoire*, *l'imagination*, *la logique*, *l'enthousiasme* и т.д. Напр., в статье «Слава» Мармонтель пишет: *On se plaint que notre histoire est froide et seche en comparaison de celle des Grecs et des Romains* [ENC, VII, 720].

В статье Д'Аламбера «Вкус» приводится абстрактное рассуждение о вкусах: ... *l'imagination échauffée par quelques beautés du premier ordre dans un ouvrage monstrueux d'ailleurs, ... nous conduira par degrés à cet enthousiasme froid et stupide ... espèce de paralysie de l'esprit* ... [ENC, VII, 769].

Особого внимания заслуживают случаи употребления прилагательных и причастий в сочетании с существительными *âme, esprit, coeur*, в результате которых образуется очень распространенная в языке XVIII в. синекдоха. Можно отметить следующие словосочетания: *les âmes pieuses, les coeurs bienfaisants, l'esprit droit et réfléchissant, les âmes froides, l'esprit chaud et bouillant*.

Употребление прилагательных в таких сочетаниях сравнительно устойчиво, большинство из них носит узуальный характер.

Второй структурно-семантический тип метафорического словосочетания — предложные конструкции N_1 de N_2 . Их компоненты могут получать синтаксическое распространение благодаря употреблению прилагательного при N_1 или N_2 либо в результате появления глагола, соотносящегося по своей семантике с одним из существительных. Так, в статье «История» Вольтер, рассуждая о трудностях в изучении истории былых времен, пишет: *Pour pénétrer dans le labyrinthe ténébreux du moyen âge, il faut le secours des archives, et on n'en a presque point* [ENC, VIII, 223]. Иначе говоря, использование письменных памятников является единственной опорой для изучения истории — проникновения в глубь «загадочных» средних веков. Метафорическая конструкция получает распространение за счет употребления прилагательного *ténébreux*, являющегося определением существительного *le labyrinthe*, прямое значение которого поддерживается употреблением глагола *pénétrer*. Несмотря на все трудности, учат энциклопедисты, познать историю можно, и этому в значительной степени способствуют как документальные памятники, так и сохранившиеся архивы.

Аббата де Прада также интересует вопрос установления критериев подлинности исторических фактов. В отличие от Вольтера он исходит из того, что для определения истинности происшедшего события достаточно нескольких свидетельств разных людей, но эти свидетельства должны быть на чем-то основаны. Иначе, пишет аббат де Прад в статье «Достоверность», эти свидетельства приведут к обману: *... la chaine des témoignages, quelque bien liée qu'elle soit, ne tenant à rien, ne nous conduira qu'au mensonge* [ENC, II, 853]. В данном примере распространение метафорической конструкции *la chaine des témoignages* происходит благодаря употреблению адъективного причастия *liée*, играющего роль согласованного определения существительного *la chaine*. Такое распространение позволяет автору дать более образное представление описываемых понятий.

В следующем примере, взятом из статьи Жокура «Тирания», автор предупреждает, что всякая деспотическая власть может превратиться в ужасную тиранию, народ должен помнить это и бороться против деспотизма, чтобы его не постигла печальная участь: *... les peuples ne sont pas obligés d'attendre que*

leurs souverains aient ... forgé les fers de la tyrannie ... [ENC, XVI, 786].

Существительное *les fers*, занимающее позицию N_1 в метафорической конструкции *les fers de la tyrannie*, получает в контексте поддержку благодаря употреблению глагола *forger*, согласующегося с ним по своей семантике. С одной стороны, это как бы сглаживает логическое несоответствие между контекстом и существительным *les fers*, а с другой — еще больше подчеркивает образный характер употребленной конструкции. Из анализа следует, что метафорические конструкции типа N_1 de N_2 могут получать распространение за счет использования глаголов или определений (обычно при существительном в позиции N_1), которые несут семантическую нагрузку, а именно конкретизируют переносное значение существительного, способствуют образной характеристике определяемых понятий.

В заключение еще раз отметим, что исследование метафорических словосочетаний в структурно-семантическом аспекте позволило выявить сущность и роль метафоры в статьях французских энциклопедистов. Анализ показал, что метафорические словосочетания типа «существительное + атрибут», а также «существительное + предлог *de* + существительное» конкретизируют переносное значение существительного, способствуют образной характеристике определяемых понятий, отражают идеологические позиции энциклопедистов.

Л. В. Барсук
Свердловский
пединститут

ГИПОТЕЗА ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Понимание различных текстов, письменных и звучащих, необходимо для любой деятельности человека. Постоянно возрастающий поток информации ставит перед человеком задачу быстрого и успешного вычленения из огромного количества разных сведений именно тех, которые ему наиболее необходимы в данный момент для данной цели.

По мнению Б. Ю. Городецкого, при понимании текста «человек использует два основных класса когнитивных средств: собственно языковые и прагматические. Первый класс — это знания, закрепленные в семантике языка, а второй — это цели, направляющие использование внеязыковых знаний в сочетании с языковыми. Упомянутая многофакторность понимания и его активность составляют фундаментальные свойства рассматриваемого процесса» [1, с. 13]. Руководствуясь в процессе понимания теми или иными целями, реципиент строит в своем сознании образ содержания текста, в определенной мере соответствующий этим целям, так как «содержание текста полифо-

нично, многоаспектно. Реципиент видит то, что нужно ему увидеть» [7, с. 24]. При понимании текста индивид активен, он подходит к тексту творчески, избирательно.

Г. Кларк проводит аналогичную идею. Так, например, если при восприятии высказывания «John thought to himself, Mary has just come into the kitchen» слушающего интересовала бы только информация о том, где находится Мэри, он вполне мог бы не обратить внимания на пресуппозицию глагола *come*, на то, что Джон должен быть в кухне, и понять *come* просто как *move*. Но если бы реципиента интересовало, где находится Джон, он не мог бы не обратить внимания на эту пресуппозицию [см.: 10, с. 13].

Такую избирательную позицию субъекта, воспринимающего текст, вероятно, можно назвать «пристрастностью» реципиента по аналогии с «пристрастностью» субъекта, порождающего текст, которая широко освещена в литературе. Под пристрастностью понимается «зависимость психического образа от потребностно-мотивационного отношения личности, создающей этот образ, к реальности» [2, с. 114]. «Личностью, создающей образ», может быть не только человек, порождающий высказывание, но и реципиент.

Активность, творческий характер процесса понимания определяется не только стоящими перед индивидом целями, но и всем прошлым опытом человека, его знаниями об обычных ситуациях окружающей действительности. Каждый человек скорее и проще выделит из текста и поймет ту информацию, которую он уже знает, которая стала частью его мировоззрения. При этом он сможет представить себе целостную картину происходящего, хотя языковые средства могут этого в полной мере и не обеспечивать. Подобные закономерности известны в процессе зрительного восприятия. В сознании человека присутствует усредненная модель ситуации, и при одном только зрительном восприятии, например, яблока, мы с уверенностью можем представить себе, каково оно на ощупь и на вкус.

В. А. Звегинцев в качестве аналогии выдвигает гипотезу для объяснения определенных аспектов восприятия речи. Он утверждает, что «из отдельного высказывания мы извлекаем значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании» [5, с. 206].

При изучении этого явления представляется интересным эксперимент, поставленный Дж. Андерсоном, и предполагающий заполнение испытуемыми пропусков в предложениях [8]. Вполне закономерно предположение автора о том, что высказывание «For breakfast we had bacon and...» скорее всего будет закончено словом *eggs*. Обоснование эффективности этого метода Дж. Андерсон находит в идеях Ч. Фриза о трех уровнях языковых значений: уровне значений грамматических структур, уровне значений лексических элементов и уровне социально-культур-

ных значений. Все три уровня необходимы для понимания текста, причем именно последний играет решающую роль при восприятии данного высказывания. Его можно трактовать как предсказуемость элементов сообщения, выводимую из их статистических характеристик, которые в свою очередь обусловлены практикой поведения людей, их привычками, то есть действительностью. Таким образом, новый смысл может и не присутствовать эксплицитно в тексте, а порождаться эвристически при участии интеллекта.

Собственный опыт человека и энциклопедические знания представлены в его сознании в качестве своеобразных эталонов. Процесс понимания текста осуществляется с помощью сравнения воспринимаемой информации с эталонной. Можно предположить, что эталоны существуют в сознании и вербально, и образно. При понимании информации, выраженной вербально, человек обращается к образу предмета, активизирует в своем сознании как языковые, так и образные модели и сравнивает с ними воспринимаемую информацию. Такая трактовка процесса понимания соотносится с концепцией Н. И. Жинкина о механизме человеческого мышления, который «реализуется в двух противостоящих динамических звеньях — предметно-изобразительном коде (внутренняя речь) и речедвигательном коде (экспрессивная речь)» [3, с. 36].

Представим себе, что мы предлагаем испытуемому или подаем на вход в модель семантической памяти высказывание, содержащее слово «животное». Каким образом будет представлено это значение в сознании, в памяти человека? Согласно гипотезе Р. Андерсона и некоторых других ученых возможно его представление через пример, через более частный термин, то есть то, что они называют instantiation [9]. Но здесь нужно отметить, что идентификация через пример совсем не обязательно происходит во всех случаях без исключения. Иногда люди обходятся без этого и воспринимают высказывание на поверхностном уровне. Представление через пример свидетельствует о более глубоком, творческом осмыслении высказывания, более близком соотнесении его с действительностью, предполагает способность нарисовать в сознании некую «картинку» (сцену), воссоздать ситуацию, соответствующую высказыванию.

Слабая форма данной гипотезы отдает предпочтение утверждению о том, что представление через пример выполняет дополнительную, второстепенную функцию при восприятии предложения, в то время как основную роль играют ядерные значения. Сильная форма гипотезы в том, что идентификация через пример — неотъемлемая часть восприятия и запоминания предложения.

Можно предположить, что чем полнее такое представление, тем больше деталей оно включает, причем таких деталей, кото-

рые могут и не быть существенными для определения понятия.

В модели долговременной памяти, основанной на семантических признаках, принято подразделение последних на определительные и характерные [6]. Первые — более важные для определения понятия, вторые — менее важные. Вероятно, процесс понимания значения через пример можно считать обратным процессу определения понятия, то есть сведения его к более общему. Отсюда ясно, почему характерные признаки, детали, менее важные для определения понятия, начинают играть свою роль при реализации в сознании значения через конкретный пример, причем роль более существенную, чем определительные признаки. Это подтверждается рядом экспериментальных исследований Р. Андерсона с соавторами [9]. Частные термины, предъявлявшиеся испытуемым в качестве ключа, в большей степени способствовали воспроизведению в памяти исходного предложения, чем общие термины, которые были употреблены в данном предложении. Таким образом, представляется важным рассмотрение данной проблемы в терминах семантических признаков с опорой на методику компонентного анализа.

Необходимо также ответить на вопрос, почему тот или иной семантический признак (или набор семантических признаков) играет решающую роль при восприятии слова, какие факторы оказывают влияние на представление значения слова через пример.

В окружающей действительности один и тот же предмет может проявлять разные качества, если он выступает в разных ситуациях. Все многообразие ситуаций находит отражение в речи. Одно и то же слово, употребляясь в разных контекстах, может проявлять различные семантические признаки. Именно контекст оказывает большое влияние на реализацию в сознании значения слова в виде того или иного примера.

Итак, контекст управляет представлением значения слова через пример. Но вместе с тем вне контекста у слова также существуют определенные рамки, в пределах которых возможна подобная идентификация. Эти рамки достаточно широки, но, несмотря на это, на представление значения через пример оказывают воздействие определенные факторы, например степень соответствия конкретного денотата представлению о наиболее типичном члене данного класса. Степень соответствия в свою очередь зависит от того, насколько люди знакомы с данным термином как представителем определенной категории. Известны исследования Э. Рош по оценке типичности отдельных представителей категорий. Существуют словари категориальных норм, в которых отражены наиболее общие тенденции людей по оценке типичности. Однако не исключены и чисто индивидуальные оценки типичности, отражающие особенности знаний отдельного человека. Для большинства людей, например, малиновка более убедительно представляет класс птиц, чем курица,

но не исключено, что отдельный человек вообще может не знать, что малиновка — это птица [6].

Здесь мы снова неизбежно выходим на проблему знаний человека об окружающем мире, в том числе на проблему бытовых, культурных, национальных стереотипов мышления. В связи с этим представляется интересным проследить, как могут сосуществовать в сознании человека, доминируя попеременно одно над другим, отнесения одного и того же предмета к различным категориям в зависимости от того, на каком уровне имеет место дискурс. Например, на уровне энциклопедических знаний, из учебников всем известно, что кит — это млекопитающее, но на определенном эмоциональном уровне, по чисто внешним признакам мы склонны относить его к категории рыб. Таким образом, при изучении данной проблемы, как и при рассмотрении более общей проблемы понимания, важно учитывать не только лингвистический контекст, но и экстралингвистические знания человека, всю его культурную базу, то есть «информационный тезаурус человека» [4, с. 155].

Понимаемые широко, экстралингвистические знания включают в себя и социально-культурные, и специальные знания, и весь практический опыт, накопленный в процессе деятельности, а также все то, что человек получает в результате общения. Речевая деятельность органично вплетается в деятельность, понимаемую более широко, и, преследуя определенную единую цель, обе оказывают влияние на последующую речевую деятельность, в частности на понимание текста. При активном творческом целенаправленном восприятии текста, обусловленном деятельностью, человеческое сознание мобилизует все свои резервы, в том числе и способность идентифицировать значение более общего термина через частный пример.

1. Городецкий Б. Ю. Актуальные проблемы прикладной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12.

2. Ермолаев Б. В., Петренко В. Ф. К вопросу о глубинных семантических структурах // Структуры познавательной деятельности. Владимир, 1976.

3. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопр. языкозн. 1964. № 6.

4. Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.

5. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.

6. Клацки Р. Память человека. Структуры и процессы. М., 1978.

7. Леонтьев А. А. Восприятие текста как психологический процесс // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Киев, 1979.

8. Anderson J. Psycholinguistic experiments in foreign language testing / University of Queensland press. St. Lucia. Queensland, 1976.

9. Anderson R. C. et al. Instantiation of general terms // Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour, 1976. Vol. 15.

В. Е. Ананин
Свердловский
пединститут

МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ЧАСТНЫХ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЛСГ ЭМОЦИЙ

Выявление семантических инвариантов отношений методом синтагматических оппозиций основано на анализе семантической взаимообусловленности контекстно сочетающихся слов. Данный подход к изучению системных отношений в лексике основан на том, что «если две словарные единицы имеют тенденцию к парному употреблению, то в семантических структурах этих единиц есть, по крайней мере, один общий семантический множитель» [3, с. 25]. Регулярная встречаемость двух знаменательных слов на синтагматической оси рассматривается, таким образом, как реализация парадигматической категории. На основе анализа семантических отношений между единицами, имеющими тенденцию к совместному употреблению, установлены следующие типы семантических отношений: интерпретация, противопоставление, конкретизация, градация, оценка [4].

Синтагматический подход к изучению системных отношений в лексике положен в основу построения идеологического словаря-тезауруса [см. там же]. Рубрики этого словаря соответствуют перечисленным семантическим инвариантам отношений. На основе анализа текстов для каждого слова (в одном его значении) выявляются единицы, находящиеся с ним в отношениях интерпретации, градации, противопоставления и т. д. Основные рубрики тезауруса отражают наиболее универсальные типы семантических отношений, охватывающие абсолютное большинство пар совместного встречающихся слов [см. там же]. Вместе с тем то или иное семантическое отношение может носить более частный характер и иметь место только на каком-то участке лексической системы. Поэтому для более полного представления системы связей слов изложенный метод их изучения следует применять не только по отношению ко всему словарю, но и к отдельным его участкам, т. е. к лексике с заданным семантическим параметром. Выявленные таким путем частные типы семантических отношений должны послужить основанием для расширения словаря-тезауруса посредством включения дополнительных рубрик. В настоящей статье отражены результаты одного из таких исследований, проведенного на материале слов, обозначающих эмоции.

В словарном составе языка обычно выделяется два основных

разряда слов, значение которых соотносится с понятием «эмоции». Это слова-названия эмоций и эмоционально-оценочная лексика. Выделение первых производится в связи с предметно-тематической классификацией словаря [1, 5], в основу выделения вторых положена способность лексической единицы выражать своим содержанием эмоционально-оценочное отношение к явлениям и предметам [1, 2].

Выделение названных разрядов лексических единиц производится независимо друг от друга, так как осуществляется по разным основаниям. Поэтому данные группировки слов не могут быть противопоставлены в рамках одной категории. Необходимость же рассмотрения обоих разрядов слов на одном общем основании диктуется следующими соображениями. Слова-названия эмоций выделяются в одну группу как языковые знаки эмоций. Но и слова эмоционально-оценочной семантики также являются знаками эмоций, в противном случае они не могли бы их выражать. С другой стороны, слова-названия эмоций не только называют эмоциональные переживания, но и выражают эмоциональное отношение к предметам и явлениям (напр.: *Я искренне рад Вашему приходу, это большая радость для меня*), т.е. им свойственна та же функция, что и эмоционально-оценочной лексике. Таким образом, слова-названия эмоций и слова эмоционально-оценочной семантики целесообразно рассматривать не как разные семантические разряды слов, а как варианты лексических средства обозначения и выражения одного и того же содержания. В настоящей работе слова-названия эмоций и эмоционально-оценочная лексика рассматриваются как один семантический разряд слов, составляющих план выражения семантического пространства «эмоции».

Изучение текстов показало, что слова-названия эмоций и слова эмоционально-оценочной семантики обнаруживают тенденцию к совместному употреблению на синтагматической оси, что является объективным свидетельством их семантической близости.

В результате анализа синтагматического окружения исследуемых единиц также было установлено, что наряду с парными контекстами, репрезентирующими основные типы семантических отношений: интерпретации (*ennui :: boredom*), градации (*glad :: delightful*), противопоставления (*fascinating :: boring*), конкретизации (*gloom :: dejected*), — рассматриваемые слова характеризуются еще одним типом синтагматических оппозиций, специфичным для лексики исследуемой семантической сферы. Так, слова с корневой морфемой *bore* регулярно встречаются в тексте со словами *dull*, *tedious*, *monotonous*, *(not) interesting* и другими, указывая тем самым на наличие в семантике этих слов соответствующего эмоционального значения. При этом в одних случаях взаимодействующие единицы выступают в качестве предикатов одного и того же актанта семантической ситуа-

ции и не противопоставляются функционально, а в других они предикцируются разным актантам и противопоставляются функционально: *Supply sounds dull*, but it's the Key to waging successful modern war. ... *Supply* isn't as *boring* as it sounds, especially in an armored division (T. Fleming); The unconscious irregular tattoo of a *bored man* performing a *dull task* (R. Ludlum).

В первом примере единицы *dull* и *boring* выполняют одну и ту же семантическую функцию, при этом на общность их семантической функции указывает общая синтаксическая позиция. Во втором случае слова *bored* и *dull* выполняют разные семантические функции: значение слова *bored* предикцируется субъекту переживания, а значение слова *dull* характеризует «предмет» эмоции. Примеры показывают, что слова *bored* и *boring* находятся в разных отношениях со словом *dull* — первое противопоставлено ему функционально, а второе — нет. Оппозиция *boring* :: *dull* воспроизводит отношение конкретизации, в то время как в оппозиции *bored* :: *dull* это отношение осложняется функциональной противопоставленностью единиц. В значении обеих единиц заложен один и тот же эмоциональный признак, но в первом значении этот признак фиксируется как характеристика субъекта эмоции, во втором — как качество предметов и событий.

Функциональная противопоставленность совместно употребляемых единиц, в значении которых заложен один и тот же эмоциональный признак, носит регулярный характер, образуя семантический инвариант отношений единиц с эмоциональным значением. Данный инвариант отношений наиболее отчетливо представлен противопоставлениями однокоренных слов: *bored* :: *boring*, *disgust* :: *disgusting*, *contempt* :: *contemptible*, *shame* :: *a shame*, *surprise* :: *surprising* etc. Он также объединяет такие парные единицы, как:

— *scorn*, *contempt*, *despise* :: *low*, *petty*, *mean*, *dishonest*: “He must learn, however, to *despise petty* adversaries” (W. Scott);

— *astonishment*, *surprise* :: *strange*, *sudden*, *odd*, *queer*: “Then he laughed so *strangely*, that they were hushed, looking at the flash of his spectacles in *astonishment*” (W. Golding);

— *shame*, *humiliation* :: *disgrace*, *foolish*, *improper*: “You dare to sit here with these *disgraceful* clothes on? Things no self-respecting woman would wear in her bed without being *ashamed* of herself” (C. P. Snow);

— *fear*, *alarm*, *afraid* :: *danger*, *peril*, *ominous*: “Then he was poisoned twice and became *afraid* to eat anything in this *perilous* environment” (A. Christie);

— *indignation*, *anger*, *fury* :: *injustice*, *offence*, *outrage*, *insult*: “She came *indignantly*, protesting with vehemence. ‘I object, Monsieur! This is an *outrage!*’” (A. Christie).

Проведенное исследование дает основания для выводов:

— регулярность описываемых противопоставлений лексических единиц позволяет говорить о существовании двух функциональных типов эмоциональных значений — субъектного и предметного;

— функциональная противопоставленность субъектных и предметных эмоциональных значений, содержащих один и тот же эмоциональный признак, представляет собой семантический инвариант отношений, который должен получить отражение в идеологическом словаре-тезаурусе.

1. *Стернин И. А.* Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

2. *Худяков И. Н.* Об эмоционально-оценочной лексике // *Филол. науки.* 1980. № 2.

3. *Шехтман Н. А.* Тезаурус — форма представления семантической информации // *Научно-техническая информация.* 1973. № 2. (Серия 2).

4. *Шехтман Н. А.* Об одном принципе расширения и углубления тезауруса // *Научно-техническая информация.* 1981. № 7. (Серия 2).

5. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

М. М. Каплина
МГПИ им. В. И. Ленина

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРОЦЕССА АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ

Системная организация и семантика узуальных производных слов современного французского языка в настоящее время достаточно хорошо изучены; что касается лексических новообразований, то определить их место в системе словообразования и системе языка в целом, степень их упорядоченности формальной и семантической позволит комплексный подход к их исследованию.

Как известно, авторское новообразование впервые можно наблюдать лишь в определенном тексте. Но появление инновации обусловлено не только семантическим согласованием и в некоторых случаях материальной обеспеченностью непосредственного линейного окружения. Новое слово возникает всегда в кругу его смысловых партнеров и антиподов, т. е. в рамках лексического класса и одновременно в условиях смысловых противопоставлений, разнообразных семантических оппозиций и отталкиваний. «Условия существования слова имеют тройственный характер» [6, с. 143—144], т. е. лексическая единица «всегда существует одновременно в контексте класса, в контексте текстовой последовательности и содержательном («обстановочном контексте речевой ситуации»)» [там же, с. 146]. Контексты, находясь в органической связи, не только создают условия для формирования новой лексической единицы, но и служат декодированию семантики новообразования и в некоторых случаях экспликации его материальной структуры.

В данной работе исследование ограничивается описанием двух типов контекста, а именно контекста класса, или парадигматического, и контекста текстовой последовательности, или синтагматического.

Контекст класса позволяет исследовать парадигматические связи лексической инновации. Он определяет место слова в кругу близких ему единиц: это есть абстракция не от непосредственных употреблений, а от осуществленной самим языком систематизации своих ресурсов, т. е. от отношений лексических единиц друг к другу [см.: 6].

С точки зрения материальной структуры, новообразование представляет собой нечто новое, необычное в плане морфологического строения, т. е. является словесным изобретением. Известно, что языковое творчество не может быть абсолютно произвольным, напротив, оно последовательно регламентируется как морфологической, так и словообразовательной системой языка. Создающий новое слово оперирует всегда морфологическими элементами данного языка: «точно так же, как и звуки речи, обычно не выдумываются и корни или приставки и суффиксы, т. е. носители частных языковых значений» [1, с. 12]. Как нельзя изобрести материального элемента слова, так нельзя придумать и такую комбинацию этих элементов, которая не могла бы быть объяснена с точки зрения словообразовательных связей. Следовательно, любое новое соединение морфем при образовании лексической инновации в какой-то степени предопределено: это соединение по аналогии со словами, ранее созданными, или сочетание, отступающее от структуры словообразовательного типа [5].

Так, в словарях современного французского языка не фиксируются (этот критерий является основным для включения новообразований в исследование) следующие существительные: *commerciste* (m), *branchiste* (m), однако комбинация значимых элементов в данных словах с формальной точки зрения известна словообразовательной системе французского языка. Анализируя подобные инновации, исследователь опирается на знание модели осн. им. сущ. + *iste* → им. сущ., существование большого количества узуальных слов, образованных по данной модели, а также неологизмы, зарегистрированные словарями, как, напр.: *bagagiste* (m), *Juilletiste* (m). Производные с данным суффиксом продолжают обозначать человека по какой-либо его характеристике. Как отмечает Н. М. Штейнберг, производные с суффиксом характеризуют лицо: 1) по профессиональной деятельности; 2) по привычному, излюбленному и характерному занятию (иногда состоянию); 3) как сторонника, последователя какой-либо доктрины [7, с. 42—43]. В случае с новообразованием *branchiste* (m) наблюдается отклонение от семантической структуры модели, так как инновация обозначает лицо лишь по его кратковременному положению. Окончательно экс-

плицировать семантику такого авторского новообразования позволяет обращение к контексту текстовой последовательности.

Среди новообразований широко представлены глаголы с суффиксом *-is-*: *accordéon* → *accordéoniser*, *doctor* → *doctoriser*, *Bengali* → *bengaliser*; а также инновации, образованные по одной из самых продуктивных моделей современного французского языка, осн. им. сущ. (осн. им. прил.) + *er(ir)*: *orange* → *orangir*, *arc-en-ciél* → *arc-en-ciêlir*, *boutique* → *boutiquer*, *bûcheron* → *bûcheronner*, *grapillon* → *grapillonner*, *Cicéron* → *cicéroner*, *extravagant* → *extravaganter*. Инновация и узуальное слово могут быть связаны не только отношениями словообразовательной производности, как в перечисленных выше случаях, но также и отношениями словообразовательной аналогии или однотипности: *russophile* (adj) → *américanophile*, *lessivophile*; *semi-conducteur* (m) → *semi-campagne* (f); *mi-clos* (adj) → *mi-parisen*, *mi-hostile*, *mi-sévère*, *mi-autoritaire*; *demi-mort* (adj) → *demi-évanoui*, *demi-caché*; *ex-ministre* (m) → *ex-femme*.

Значение нового слова занимает вполне определенное место в лексико-семантическом классе; раскрытие семантики инновации, отдельных его компонентов происходит при сравнении с остальными членами класса. Основной тип противопоставления предлагает сравнение семантической структуры лексической инновации и узуального слова, члена класса. Минимальное проявление такого сравнения — словесная оппозиция. Анализ оппозиций позволил выделить следующие случаи:

1) инновация включает в свою структуру семантическую надбавку по сравнению с уже существующим словом класса: *cousine* → *cousinette* (f), *surce* → *surcette* (f) — сема уменьшительности; *pilote* → *pilotesse* (f) — сема женского рода; *moustache* → *moustachon* (m) — сема уничижительного отношения к предмету наименования;

2) члены оппозиции связаны синонимическими отношениями: *pétrolier* (m) → *pétrolman* (m), *commerçant* (m) → *commerciste* (m), *flic* (m) → *flicmane* (m), *tropical* (adj) → *tropicaliste* (adj);

3) члены оппозиции связаны контрадикторными отношениями: *compendieusement* (adv) → *incompendieusement* (adv), *silence* (m) → *silence-non* (m), *épouse* (f) → *ex-épouse* (f).

Одним из самых распространенных способов образования лексических инноваций в современном французском языке является также словосложение: *homme-caméléon* (m), *vert-anxieux* (adj), *aquagazeux* (adj), *téléphonctionner* (vi). По сравнению с аффиксальным словообразованием в словосложении оба компонента, участвующие в композитном акте, принадлежат открытой системе, и сочетаемость основ предопределяется преимущественно логико-смысловыми связями между понятиями, передаваемыми компонентами сложного слова. Отсюда и такие важные явления, как менее регулярная лексическая наполняе-

мость композитной модели по сравнению с аффиксальной и значительно меньшая предсказуемость значения слова [3]. Однако сложные слова остаются неиссякаемым источником пополнения словарного состава современного французского языка, в этой связи уместно привести слова И. И. Срезневского о том, что «в сложении слов и в образовании выражений всего более, всего разнообразнее высказывается зиждательная сила каждого языка» [4, с. 245]. В случае с лексическими сложными инновациями исследователь отталкивается от материально знакомых элементов, чтобы выяснить их новое семантическое взаимодействие внутри новообразования.

Взаимодействие инновации и линейного окружения может быть раскрыто на примере контекста текстовой последовательности, или синтагматического. «Синтагматический контекст наиболее близок к употреблению, наиболее естественен, очевиден: он непосредственно отражает реальные связи в тексте как постоянно повторяющиеся единичные данности», — пишет Н. Ю. Шведова [6, с. 146]. В качестве разновидности синтагматического контекста в данной работе при исследовании текстовых новообразований с определенной словопроизводственной структурой выделяется словообразовательный контекст (в дальнейшем СК). СК является закрытой самодостаточной структурой, единицей соответствующего уровня и качества, благодаря тем видам информации, которую он несет, а именно: словообразовательную, семантическую, грамматическую, эмоциональную. СК — это такая структурная текстовая единица, которая не членится на себе подобные и выступает как единое целое. СК может стать также микроконтекстом, т. е. иметь форму одного предложения, если в нем имеются все необходимые лексические и грамматические средства для экспликации смысла нового слова. Следует подчеркнуть, что именно словообразовательный микроконтекст довольно распространен в текстах художественной литературы, так как новообразование является тщательно обдуманной приемом.

По степени участия в экспликации семантики инновации представляется возможным выделить следующие виды СК. Так, напр.: *Sa perruque rousse rejetée en arrière démasque les rides soucieuses qui accordéonisent son front de penseur* [9, p. 402]. СК такого рода можно назвать нулевым, так как лексическая инновация не подготовлена текстовой последовательностью в плане материального состава компонентов. В данном типе контекста на первое место выступают элементы парадигматического порядка, а именно словообразовательная модель новообразования, знание узуального слова — члена класса, лежащего в его основе. Текстовая последовательность актуализирует, в свою очередь, один из семантических компонентов узуального слова, обратившись к его переносным значениям, что позволяет новому слову вступить в согласование с линейным окружением.

Очень часто лексическая инновация в тексте встречается рядом со своей производящей базой, находящейся, как правило, в дистантной позиции по отношению к новому слову соответственно с прогрессивной или регрессивной последовательностью данных компонентов: *Les grandes idées sont très élémentaires, toutes! Sinon, elles ne seraient pas de grandes idées. Mon mérite et mon orgueil c'est de leur conserver leur élémentarité* [8, p. 286]; — *Mais enfin, qu'est-ce que c'est, Chanceville? — Comme son nom l'indique, voulut bien répondre Michel, c'est la ville de la chance* [10, p. 105]. Данный тип СК условно обозначается как формально-диагностирующий, но при этом следует особо подчеркнуть, что новообразование ориентировано как на формальную структуру производящей базы, так и непременно на ее семантику.

В ряде случаев декодирование лексической инновации основано на отношениях чисто семантической общности с элементами текстовой последовательности, где новообразование содержит в качестве компонента значения сему родства семантического объема с предшествующим или следующим за ним узуальным словом. Общий семантический признак определяет принадлежность нового слова к той же части речи, что и сравниваемое с ним узуальное слово. Так, журнал «*Vie et langage*» в рубрике «*Courrier des lecteurs*» объясняет следующим образом появление лексической инновации: *Aoûtians — ceux qui restent à Paris le mois d'août ou encore ceux qui prennent leurs vacances en août, peuplent alors les stations touristiques Juilletiste vient d'apparaître* [12, p. 717]. Новообразование *jilletiste* получает в приведенном контексте окончательную экспликацию своего значения.

Очень часто «эффект ожидания» нового слова основан на перечислении в тексте слов с общими семантическими компонентами. Автор как бы подготавливает читателя к восприятию новообразования, стремится к нему для придания речи определенной экспрессии с целью более полно выразить свою мысль: *Non seulement elles se font obéir docilement . . . par tous ces mixeurs-centrifugeurs, broyeurs, malaxeurs, hacheurs, batteurs, émulsionneurs et aspirateurs à grand et petit suceur . . .* [11, p. 26].

В другом СК автор наряду с перечислением слов, зарегистрированных словарями, *auto-coat (m)*, *trench-coat (m)*, *duffel-coat (m)* ставит в ряд свои собственные образования, объединенные с узуальными как формально, так и семантически: *storgu-coat (m)*, *winter-coat (m)*, *school-coat (m)*.

Новое слово в подобных условиях может создаваться также как носитель различного рода стилистических сем: *Des rîges gras! Des gloussades! Des rouffements!* [8, p. 259]. Новообразование не только логически завершает мысль автора, но становится тем пунктом, к которому стремится все высказывание, сосредоточивая в себе максимальную экспрессивность и эмоцио-

нальность. Описанный тип СК можно обозначить как семантико-коррелирующий.

1. *Винокур Г. О.* Маяковский — новатор языка. М., 1943.
2. *Кубрякова Е. С.* Специфика словообразовательных правил и проблема их регулярности // Проблемы соотношения словообразования с другими языковыми уровнями в германских языках. Смоленск, 1985.
3. *Мешков О. Д.* Словосложение в современном английском языке. М., 1985.
4. *Срезневский И. И.* Замечания об образовании слов и выражений // Записки императорской Академии наук. Спб., 1873. Т. 22. Кн. 2.
5. *Хохлачева В. Н.* Индивидуальное словообразование в языке XIX века // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М., 1962. Т. 5.
6. *Шведова Н. Ю.* Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982. (Виноградовские чтения XI).
7. *Штейнберг Н. М.* Аффиксальное словообразование во французском языке. Л., 1976.
8. *Dard Frédéric Bérú et ces dames.* Paris, 1967.
9. *Dard Frédéric Bérú-Bérú.* Paris, 1970.
10. *Pierre Dac Du côté d'ailleurs.* Paris, 1974.
11. *Pierre Daninos Sonia ou le dictionnaire des maux courants.* Paris, 1962.
12. *Vie et Langage.* Paris, 1973. N 261.

Е. И. Киктева
Воронежский
политехнический
институт

РАЗВИТИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА В НОВОАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

Формирование и развитие английского литературного языка эпохи нации и обогащение в его пределах национальной фразеологии в значительной степени определялось и стимулировалось письменной разновидностью литературного языка. В различные периоды развития по-разному реализуется язык художественной и научной литературы, поэзии и драматургии, публицистики, что обусловлено причинами как внешнего, экстралингвистического плана, так и внутренними, чисто лингвистическими условиями развития самого языка.

Специфические черты новоанглийского периода определили ведущую роль языка художественных текстов в процессе развития английской фразеологии. Возникнув в живой разговорной речи, выразительные речевые обороты в большинстве своем приобрели статус фразеологизмов благодаря авторитету определенных писателей или их произведений [см: 1, 2, 3, 4, 5].

В популяризации образных выражений, в придании им статуса языковой единицы исключительно большое значение имело творчество выдающихся мастеров слова, таких как Дж. Свифт, А. Поп, Т. Смоллет, С. Ричардсон, О. Голдсмит, Р. Бернс и др.

Исследование фразеологических единиц, обозначенных в лексикографических источниках пометой «Свифт», показало, что Дж. Свифт способствовал популяризации 88 устойчивых выражений образного характера. Что же касается вообще использования существовавших к тому времени выразительных ресурсов английского языка, то на страницах «*Polite Conversation*» находится около 450 устойчивых оборотов, обладающих яркой эмотивной окрашенностью. В качестве примеров приведем несколько фразеологизмов, вошедших в английский литературный язык благодаря Дж. Свифту: *to have shot one's bolt* — «растрелять все свои заряды, исчерпать свои возможности»; *bad blood* — «враждебность, враждебные отношения».

Характерной чертой фразеологии новоанглийского периода является развитие полисемии. В качестве примера можно рассмотреть путь эволюции фразеологизма *there's no love lost between them*. Первоначальным значением этой фразеологической единицы было «они любят друг друга». По данным Т. Перси, появление этого выражения относится к XVII столетию. В XVIII веке в этом значении фразеологизм употреблялся Т. Смоллетом и О. Голдсмитом. В это же время происходит развитие еще одного значения — «они друг друга терпеть не могут». О популярности фразеологизма в новом значении в современном английском языке свидетельствуют многочисленные примеры.

Наряду с явлением полисемии в новоанглийский период широко используется и образование фразеологизмов по аналогии. Так, к примеру, фразеологизм *a man of the world* в XIII веке имел значение «мирянин», в XVI столетии использовался по отношению к неверующим, а в XVIII веке Г. Филдинг употребил данный оборот в значении «светский человек», которое закрепилось на многие годы. В XX веке этот фразеологизм приобретает еще одно значение — «человек, умудренный опытом, утративший иллюзии, бывалый». В современном языке оба значения существуют. Интересен тот факт, что по аналогии с фразеологизмом *a man of the world* в значении «светский человек» в XIX веке образуется фразеологическая единица *a woman of the world* — «светская дама». Несколько позже у этого фразеологизма появляется значение «умудренная опытом женщина; женщина, знающая людей и жизнь».

В новоанглийский период происходит расширение денотативного аспекта значения многих фразеологизмов. Продемонстрируем это на следующем примере. Хорошо известно, что в социальной структуре Англии тремя сословиями считаются традиционно лорды духовные, лорды светские и члены палаты общин. Выражение *the fourth estate* по отношению к народным массам первым употребил Г. Филдинг. В XIX веке это образное выражение стало обозначать также прессу. В современном английском языке фразеологизм *the fourth estate* употребляется только в значении «пресса».

Характеризуя фразеобразовательный процесс новоанглийского периода, особо следует остановиться на таком важном явлении, как создание образных выражений самими мастерами слова. При этом надо помнить, что создание выразительного оборота и употребление его в письменном произведении не означает еще, что в языке сразу появилась новая языковая единица. Для того чтобы индивидуально-авторский оборот стал общезначимым, актуальным, необходимы соответствующие условия. В новоанглийский период значительное количество индивидуально-авторских образований приобрели все необходимые свойства фразеологичности.

Динамика развития фразеологических новообразований индивидуально-авторского происхождения на протяжении новоанглийского периода передает тенденцию расширения грамматической сочетаемости большинства фразеологизмов, развития полисемии, расширения денотативного аспекта значения, появления фразеологических вариантов. Например, созданная Т. Смоллетом фразеологическая единица *to fly off at a tangent* — «неожиданно отклоняться от темы разговора» в XX веке широко используется в своей вариативной форме *to go off at a tangent*. Фразеологизм *a cup that cheers (but not inebriates)* — «напиток веселящий, но не пьянящий, чай» впервые употреблен У. Каупером в 1784 году и дается автором во множественном числе. В этом значении оборот постепенно вошел в общелитературное употребление и используется преимущественно в единственном числе. Метафорическое выражение *under somebody's thumb* — «всецело в руках, под влиянием или во власти кого-либо» встречается в романе С. Ричардсона «История кавалера Грандиссона». У С. Ричардсона это выражение употребляется с глаголом *to have* и используется только по отношению к женщинам. Постепенно происходит расширение как значения, так и структуры оборота. Он начинает употребляться с глаголом *to be* в основном по отношению к мужчинам. Выдающимся государственным деятелем и видным представителем эпистолярного жанра лордом Честерфилдом было создано выражение *small talk* — «разговор о пустяках, о погоде, о том о сем». Причем самим автором это выражение воспринималось, очевидно, как сложное слово, о чем свидетельствует его первая письменная фиксация. Со временем оборот стал употребляться без дефиса, фразеологизировался и приобрел популярность.

Характерной чертой индивидуально-авторских оборотов новоанглийского периода является то, что их превращение во фразеологизмы протекает быстро. Как правило, к концу XVIII века индивидуально-авторские обороты приобретают все необходимые качества фразеологичности и активно используются в английском языке. Характер фразеологических новообразований в новоанглийский период в значительной степени определялся творчеством лучших писателей эпохи.

1. Дмитриева О. Д. Функционирование и развитие устойчивых словесных комплексов, содержащих в своем составе компоненты — имена родства в языке новоанглийского периода: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

2. Карпова И. П. Становление и развитие фразеологии с XIV по XX век (на материале фразеологических единиц с глаголами hold и keep): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

3. Свиридова Л. Ф. Обогащение английской фразеологии шекспиризмами: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.

4. Стыцына С. Х. Стилистическое использование фразеологических единиц в произведениях Дж. Свифта: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.

5. Терентьева Л. Ф. Образование фразеологических единиц на основе индивидуально-авторских оборотов (на материале английской художественной литературы и публицистики XVIII — XX вв.): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

Е. М. Лазарева
Свердловский
пединститут

ВЫЯВЛЕНИЕ СКРЫТЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ СЛОВА МЕТОДОМ КОНТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В последние годы проблеме сочетаемости уделяется значительное внимание в лингвистических исследованиях. Это не случайно. Установление закономерностей сочетаемости слов представляет большой интерес как для развития науки, так и для практического овладения языком. Интересно проследить использование лексической сочетаемости как критерия разграничения слов. Исследование конкретных речевых моделей имеет большое значение для практики преподавания языка в вузе и школе, помогает определить основные сочетаемостные модели слов, действующие в языке. Практическое изучение сочетаемостных моделей в свою очередь обогащает и теорию сочетаемости.

В настоящей статье рассматривается отдельный ряд синонимичных существительных *affair, business, matter, thing* в инвариантном значении «something done or dealt with» с целью исследования характера лексической сочетаемости синонимов для выявления общего и особенного в их семантике.

Синонимы исследуются от парадигматики к синтагматике, т. е. от потенциальной возможности слов, заложенной в их семантической структуре, к конкретному проявлению этих возможностей при функционировании слов в речи. Ведущие методы анализа — компонентный и контекстный. Есть все основания пользоваться контекстным методом не только на парадигматическом, но и на синтагматическом уровне, так как именно в области синтагматики находит конкретное выражение план со-

держания, проявляясь в сочетаемости слов. Кроме того, сочетаемостные модели часто позволяют выделить скрытые семантические компоненты, которые проявляются в контексте, в реальных речевых употреблении слова.

Изучаемый ряд синонимов *affair, business, matter, thing* обладает способностью взаимозаменяемости в определенных контекстах, что свидетельствует о семантической близости существительных. Взаимозаменяемость проявляется при реализации идентичных сем «дело» или «происшествие, событие» в следующих контекстах: *It's one's own affair (business); To mind (attend to) one's own business (affairs); The whole affair (business, matter, thing); To arrange affairs (matters, things); A state of affairs (matters, things).*

Прямое номинативное значение группы синонимов можно определить как «дело, история». Синонимической доминантой изучаемого ряда является существительное *affair*, а значит, в нем инвариантное значение ряда выражается в наиболее простой и общей форме. Нужно, однако, отметить, что, по данным нашего анализа, существительное *affair* характеризуется самой низкой частотностью употребления в речи из всего синонимического ряда.

Наибольшее количество словосочетаний существительные образуют с прилагательными. Известно, что существительное обладает функцией денотации. Прилагательные, с которыми существительные часто вступают в связь, определяют их и обозначают признаки предметов и явлений, выраженных существительными. Следовательно, в атрибутивных сочетаниях существительное является семантически и синтаксически ведущим. Притягивая к себе определенные прилагательные, существительное использует их для выражения имплицитных сем. Именно это обуславливает важность изучения атрибутивных сочетаний для разграничения синонимов. В атрибутивных словосочетаниях прилагательные придают дополнительные характеристики существительным, а именно, указывают на характер происходящих событий, их продолжительность или значимость, а также выражают отношение говорящего к этим событиям, напр.: *I came to talk about the unfortunate affair which happened next door (A. Christie); Extraordinary business altogether it seems to be; at least from what I read in our local paper this morning (A. Christie); He seemed deeply interested in Church matters (Le Carre); But then one does read of such terrible things nowadays (A. Christie).*

Дополнительные характеристики изучаемым существительным придадут постпозитивные определения. Особое значение имеют постпозитивные определения для реализации лексикосемантического варианта лексемы *matter*, так как в данном случае семантическое окружение указывает на выражение двух различных лексикосемантических вариантов. Стоящий в пост-

позитивном определении герундий несет в себе идею продолжительности или неоднократности совершающегося события. Это подкрепляется и использованием неопределенного артикля. Можно, следовательно, говорить о реализации лексико-семантического варианта «дело, вопрос» в вышеуказанных случаях. В остальных примерах идея длительности или неоднократности отсутствует, здесь реализуется другой лексико-семантический вариант — «случай, происшествие, ситуация», чему способствует употребление определенного артикля, сужающего семантику существительного, напр.: *It isn't a matter of liking people* (I. Waugh); *Another time it was the matter of press photographers ...* (A. Christie).

Морфологическими указателями на семантику изучаемых существительных являются глаголы, сочетающиеся с ними. Так, существительное *affair* вступает в сочетания с глаголами *to have to do with*, *to gossip*, *to speculate*, указывающими на личный, семейный характер происходящих событий; существительное *business* — с глаголами *to see*, *to be up to the neck in*, *to happen*, в сочетании с которыми реализуется лексико-семантический вариант «случай, происшествие» и многочисленной группой глаголов по линии лексико-семантического варианта «дело»: *to conduct*, *to transact*, *to expand*, *to do*; существительное *matter* чаще всего встречается в сочетании с глаголом *to happen*, указывающим на лексико-семантический вариант «происшествие, случай» лексемы *matter*.

Итак, сочетаемость лексических единиц тесно связана с их семантикой. Этим и обусловлен путь исследования — от анализа лексико-семантических свойств синонимов (сопоставлением словарных толкований) к анализу лингвистических условий реализации их значения. Контекстологический анализ позволил определить характерные для существительных лексико-семантические варианты. Все члены синонимического ряда реализуют два основных ЛСВ, ЛСВ-1 — «событие, происшествие, случай»; ЛСВ-2 — «дело, предприятие». Данные лексико-семантические варианты характеризуются довольно широкой сочетаемостью; семантического содержания ключевого слова оказывается достаточно для их актуализации.

Существительные изучаемого ряда характеризуются наличием общей сочетаемости и сопоставимых условий реализации их ЛСВ, но абсолютного тождества между ними нет. Окружение каждого слова не совпадает даже у очень близких по значению слов, так как сочетаемость каждого отдельного слова сугубо индивидуальна. Анализ сочетаемости позволил выделить следующие отличительные особенности синонимов: лексема *affair* описывает события, связанные с личной или общественной жизнью, в основном в процессе их развития; слово *business* отличают негативные оценочные характеристики описываемых событий; *matter* несет в себе идею важности, серьезности про-

исходящего, thing намеренно скрывает природу описываемых событий.

Семантическая структура слова определяется и парадигматическими и синтагматическими связями. Семантическая структура как комбинация семантических компонентов релевантна для синтагматического анализа. Каждая сема должна иметь свое «материальное выражение», которое, на наш взгляд, проявляется в сочетаемости. Определяя сочетаемостные возможности слова, необходимо принимать во внимание взаимосвязь семантической структуры слова и его сочетаемости. Таким образом, сочетаемость является средством разграничения синонимов.

О. Г. Скворцов
Свердловский
пединститут

СООТНОШЕНИЕ КОНКРЕТНЫХ И АБСТРАКТНЫХ ЛСВ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА shade

Проблема логических связей между значениями многозначных слов тесно связана с проблемой одного из интереснейших способов номинации: развитие новых значений слова. Тема эта актуальна и недостаточно изучена.

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать содержательные связи между абстрактными и конкретными значениями в семантической структуре многозначного существительного shade и выявить модели, по которым такие связи строятся.

Данное слово может быть охарактеризовано как многозначное с разветвленной и сложной, неоднородной по признаку конкретность/абстрактность семантической структурой. В многозначных именах существительных происходит дальнейшее усложнение семантической структуры не только за счет увеличения числа лексико-семантических вариантов (ЛСВ), но и вследствие взаимодействия разных типов связей ЛСВ.

В дальнейшем изложении будет использован ряд терминов, нуждающихся в некоторых пояснениях, так как в лингвистической литературе они употребляются неоднозначно.

Вслед за Г. В. Колшанским, считаем, что семантика слова в своей основе «относится к сфере мышления и может рассматриваться как понятийная сторона комплекса «слово — понятие» [2, с. 29], а также согласно М. В. Никитину, что фундамент значения образует «концепт, связанный знаком» [5, с. 6].

Отдельные значения полисемантического слова ЛСВ, по А. И. Смирницкому, образуют в своей совокупности семантическую структуру слова [см.: 6]. ЛСВ занимают неодинаковое

положение в семантической структуре слова, между ними существует определенная иерархия отношений, проявляющаяся в наличии главных и второстепенных значений [4, с. 132—134].

Главенство одного значения относительно других может быть определено ранжированием значений по методике, разработанной Л. С. Шестопаловой. Под главным значением она понимает «значение, обладающее самым высоким языковым статусом в семантической структуре слова и в системе номинативных средств языка» [8, с. 41].

Языковой статус значения определяется по таким признакам, как номинативная способность, частотность, лексическая и синтаксическая валентность, количество словообразовательных связей, конкретность/абстрактность, количество содержательных связей в семантической структуре слова и др. [там же, с. 175—176].

При исследовании смысловых связей между отдельными значениями лексемы будем опираться на концепцию М. В. Никитина [см.: 5]. Он выделяет два основных типа содержательных связей между значениями в слове: импликационный и классификационный. Импликационные связи отражают реальные взаимодействия и зависимости сущностей объективного мира. Основанием импликации, по мнению М. В. Никитина, являются следующие виды связи: материал/изделие, причина/следствие, исходное/производное, часть/целое, смежность в пространстве, смежность во времени и пр.

Что касается классификационных связей, то их основанием является «общность сущностей объективного мира по обнаруживаемым ими признакам» [5, с. 56]. Такие связи устанавливаются в сознании, но отражают «не какую-то реальную связь ... между соответствующими сущностями, а общность присущих им признаков» [там же].

Для идентификации абстрактных ЛСВ использовались следующие ключевые слова по принципу, предложенному в работах И. В. Арнольд и А. М. Комаровой. В семантике этих слов зафиксированы абстрактные понятия о состоянии, свойстве и т. д.: *quality of being Adj, feeling of; position of; sense of etc.*

Особый интерес представляют несколько ЛСВ, входящих в семантическую структуру исследуемого существительного, обозначающих мифические, фантастические существа и образы: *ghost, phantom, spirit, apparition*. Абстрактны или конкретны такие значения?

Интересным представляется подход, предложенный М. Е. Осолковой при рассмотрении формирования понятия о кентавре [6]. В окружающей нас мире существуют конкретные объекты: человек, лошадь. На чувственно-конкретном этапе познания они воспринимаются как отдельные, ничем не связанные друг с другом объекты окружающей нас действительности. Затем в результате абстрагирующей работы мысли в этих объектах

вычленяются определенные отдельные свойства, а при дальнейшей отражательной деятельности человеческого мозга, когда формируются конкретные понятия на основе синтеза абстрактных определений, как раз и становится возможным отлет фантазии от действительности, в результате чего отдельные свойства, принадлежащие разным объектам, соединяются в одном мысленно-конкретном, т. е. целостном, едином, объекте.

Говоря о значении таких слов, А. И. Смирницкий подчеркивал, что они не могли бы существовать, не будь определенных материальных предметов и явлений и их более или менее верных или более или менее искаженных отражений в сознании людей. Он писал: «В основе самых фантастических представлений мифологических образов, религиозных воззрений и проч. — лежат элементы реальной действительности, абстрагированные от нее сознанием и фантастически скомбинированные им ... в образы, уже не соответствующие в целом никакой действительности» [7, с. 150].

Сделав эти предварительные замечания и пояснения, перейдем к рассмотрению типов содержательных связей абстрактных значений (АЗ) и конкретных значений (КЗ) в семантической структуре существительного shade.

Анализ структуры значения лексемы shade проводился по Оксфордскому словарю английского языка [12], словарям Вебстера [11], Хорнби [9], Фаулера [10] и И. Р. Гальперина [1]. На основе дефиниций данных словарей в структуре значения shade можно выделить 30 ЛСВ [см. табл.], а также выделить ядерные семы, присущие этой лексеме.

ЛСВ	Дефиниция	Семантические компоненты			Конкрет. (К) Абстракт. (А)
		общие	дифференциальные	дополнительные	
ЛСВ-1	Partial or comparative darkness	явления природы			А
ЛСВ-2	Absence of complete illumination	явления природы			А
ЛСВ-3	The comparative darkness caused by a more or less opaque object intercepting rays of the sun	физическая причина возникновения			А
ЛСВ-4	Comparative obscurity (to be in retirement, to be little known)	социальное положение			А
ЛСВ-5	a fleeting look of displeasure	эмоциональное состояние			А

ЛСВ	Дефиниция	Семантические компоненты			Конкрет. (К) Абстракт. (А)
		общие	дифференциальные	дополнительные	
ЛСВ-6	The growing darkness after sunset	явление природы			А
ЛСВ-7	The darkness of the nether world				А
ЛСВ-8	The abode of the dead; Hades				К
ЛСВ-9	Applied to the condition of the present life in contrast to that of Heaven				А
ЛСВ-10	Absence of complete illumination as presented pictorially	цветовое применение	искусство	метафорическое употребление	А
ЛСВ-11	the parts of a picture representing absence of complete illumination	цветовое применение	искусство		К
ЛСВ-12	The darker colour expressing absence of illumination	цветовое применение	искусство		К
ЛСВ-13	The sadder portions of a person's history		лицо		А
ЛСВ-14	A patch of darker colour on the wing of a moth	цветовое применение	одушевленный объект	метафорическое употребление	К
ЛСВ-15	a tint	цветовое применение	искусство		А
ЛСВ-16	A dark figure «casts» upon a surface by a body intercepting light	физический способ возникновения тени			А
ЛСВ-17	an unreal appearance; smth fleeting	психическое представление			К
ЛСВ-18	An inseparable follower or companion	лицо			К

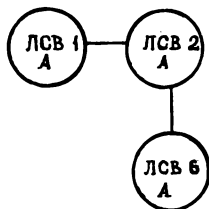
ЛСВ	Дефиниция	Семантические компоненты			Конкрет. (К) Абстракт. (А)
		общие	дифференциальные	дополнительные	
ЛСВ-19	a ghost	психическое представление			К
ЛСВ-20	The world of disembodied spirits				К
ЛСВ-21	a spectre; phantom	психическое представление			К
ЛСВ-22	The shelter from the sun afforded by trees	не-лицо			К
ЛСВ-23	a place sheltered from the sun	не-лицо	объект		К
ЛСВ-24	a retired spot; a quiet habitation	не-лицо	объект		К
ЛСВ-25	a drinking bar	объект		метафорическое представление	К
ЛСВ-26	a window blind	объект			К
ЛСВ-27	a lace-scarf for the head	объект			К
ЛСВ-28	a dome-shaped cover of glass to protect ornaments	объект			К
ЛСВ-29	a globe placed over a candle or lamp	объект			К
ЛСВ-30	the peak of a cap	объект			К

Из анализа дефиниций следует, что все ЛСВ, входящие в семантическую структуру shade, могут быть объединены вокруг следующих выделенных в результате анализа ядерных сем:

- 1 — явление природы;
- 2 — физическая причина возникновения тени;
- 3 — эмоциональное состояние;
- 4 — цветовое применение (обозначение);
- 5 — лицо;
- 6 — не-лицо объект действительности;
- 7 — сема вторичной номинации;
- 8 — различные психические представления;
- 9 — социальное положение.

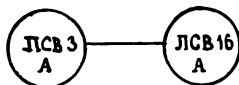
Графически это можно представить следующим образом.

Ядерная сема 1*
«явление природы»

Ядерная сема «явление природы» имеет в своем составе три абстрактных ЛСВ и соотносятся между собой по типу импликационной связи.

Ядерная сема 2
«физическая причина возникновения тени»

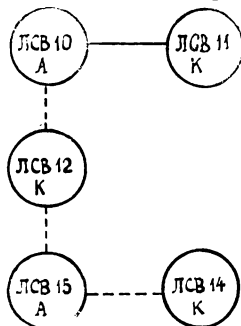
Ядерная сема «физическая причина возникновения тени» имеет в составе два абстрактных ЛСВ, соотнесенных между собой по типу импликационной связи.

Ядерная сема 3
«эмоциональное состояние»

Ядерная сема «эмоциональное состояние» представлена одним абстрактным ЛСВ.

Ядерная сема 4
«цветовое обозначение (применение)»

* Сплошной линией обозначаем импликационные связи, а пунктирной — классификационные.

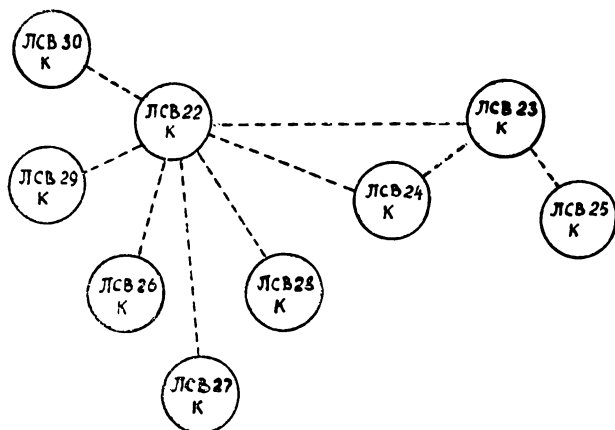
Ядерная сема «цветовое обозначение» включает в себя 5 ЛСВ, два абстрактных, три конкретных; ЛСВ-10 и ЛСВ-11 соотносятся между собой по типу импликационной связи, а ЛСВ-12 и ЛСВ-10, ЛСВ-15 и ЛСВ-12, ЛСВ-14 и ЛСВ-15 — по типу классификационной связи.

Ядерная сема 5
«лицо»

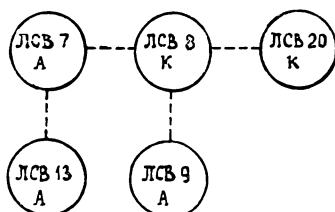
Ядерная сема «лицо» представлена одним конкретным ЛСВ.

Ядерная сема 6
«не-лицо объект действительности»

Ядерная сема «не-лицо объект действительности» включает в себя девять конкретных ЛСВ, соотнесенных между собой по типу классификационной связи.

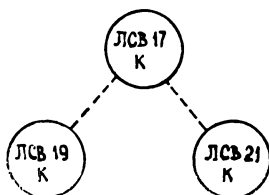
Ядерная сема 7
«вторичная номинация»

Ядерная сема «вторичная номинация» представлена в своем

составе пятью ЛСВ: тремя абстрактными и двумя конкретными, соотнесенными по типу классификационной связи.

Ядерная сема 8
«различные психические представления»

Ядерная сема «различные психические представления» включает в себя три конкретных ЛСВ, соотнесенных по типу классификационной связи.

Ядерная сема 9
«социальное положение»

Ядерная сема «социальное положение» представлена одним абстрактным ЛСВ.

Проведенное исследование парадигматических свойств существительных, в семантической структуре которых варьируются абстрактные и конкретные значения, позволяет сформулировать некоторые выводы.

Абстрактные и конкретные ЛСВ имеют различный языковой статус в семантической структуре существительного shade. Было установлено, что абстрактным ЛСВ присущ более высокий языковой статус, чем конкретным.

Анализ содержательных связей абстрактных и конкретных ЛСВ показал, что данные связи строятся как на импликационной, так и на классификационной основе.

Отмечена зависимость между типом содержательных связей абстрактных и конкретных значений и ранжированием ЛСВ в семантической структуре существительного shade. Если ведущее положение в структуре значения занимает АЗ, то содержательные отношения строятся по импликационному типу; если главное значение — конкретно, то содержательные связи, как правило, классификационные.

1. *Большой* англо-русский словарь: В 2 т. / Под ред. И. Р. Гальперина. М., 1977.

2. Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965.
3. Комарова А. М. Категориальное соотношение в семантике абстрактных имен существительных в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
4. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974.
5. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании: Спецкурс по общей и английской лексикологии. Владимир 1974.
6. Осколкова М. Е. Соотношение абстрактных и конкретных лексико-семантических вариантов слова в парадигматике и синтагматике: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
7. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
8. Шестопалова Л. С. Соотношение и ранжирование лексических значений в семантической структуре слова в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.
9. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. London, 1978.
10. *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. Oxford, 1956.
11. *The New American Webster Handy College Dictionary*. N.-Y., 1972.
12. *The Oxford English Dictionary*. Oxford, 1978. Vol. VI.

О. С. Цимеринова
Свердловский
пединститут

ПУТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ МАКРОСИСТЕМ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Для всех исследований в области лексической семантики основополагающим является принцип единства и классификации, заложенный Ф. де Соссюром [8]. Этот диалектический принцип всеобщих связей проявляется в языке в виде особых семантико-парадигматических образований — семантических полей. Микро-системы внутри них (ЛСГ, синонимические и антонимические ряды), а также элементы в пределах последних взаимосвязаны и взаимообусловлены разнообразными семантическими отношениями подчинения или соположения.

Самыми общими и универсальными в построении иерархических структур в лексике являются отношения подчинения, гипонимические отношения. В литературе также используются другие термины: родовидовые отношения, привативные отношения, инклюзия и пр. Как отмечает Дж. Лайонз, гипонимия, наряду с несовместимостью ($A \neq A$), представляет собой «фундаментальные парадигматические смысловые отношения, посредством которых структурирован словарный состав языка» [5, с. 478]. Таким образом, гипонимия, основываясь на принципе включения единиц низшего иерархического уровня в структуры высшего уровня (так называемый принцип односторонней импликации), является одним из основных связующих в системе лексики.

Для существования внешней структуры лексико-семантического объединения гипонимические отношения должны быть основополагающими, для внутренней структуры эти отношения

играют роль необходимого «многомерного каркаса», который заполняется отношениями более низкого уровня обобщения (синонимическими, антонимическими и др.)

В нашем исследовании семантического поля глаголов, обозначающих познавательные процессы человеческой психики, под гипонимией понимаются отношения между глаголами, обеспечивающими видовую конкретизацию общего родового понятия. По мнению В. И. Кодухова, такие отношения можно еще назвать отношениями односторонней синонимии, при которых маркированной является лишь одна сторона оппозиции [4].

Членение лексико-семантической системы на отдельные фрагменты обусловлено реальной действительностью, то есть онтологически значимо, поэтому при вычленении объекта исследования и определении характера гипонимических отношений внутри семантического поля на начальном этапе анализа необходимо обращаться к внеязыковому фактору, а именно к познавательным процессам психики. Известно, что на основе знаний экстралингвистики, распределения явлений и предметов и их отражения в лексической системе, а также исходя из интуиции исследователя, происходит выделение определенных тематических групп, объединенных сложными родовидовыми ассоциациями.

Психика как отражение действительности в мозгу человека характеризуется разными уровнями. Сознание является высшим уровнем психики, свойственным только человеку. В структуру сознания входят важнейшие познавательные процессы, с помощью которых человек постоянно обогащает свои знания. В своих ранних работах К. Маркс писал: «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это — *знание*» [1]. Среди познавательных процессов, конституирующих сознание, психологами выделяются восприятие, память, мышление, воображение, внимание и целеполагающая деятельность [см.: 3, 7 и др.]

Применяя дедуктивный метод логического рассуждения, всегда основывающийся на истинности посылок, в нашем случае на объективности структуризации сознания, можно предположить существование гипонимической структуры лексико-семантического поля глаголов познавательной деятельности (при этом не обязательно тождественной внеязыковой структуризации).

На первом этапе ступенчатой идентификации глаголов познавательной деятельности, проводимом в рамках ономастического метода, основным источником данных является материал тезаурусов, в которых отражена логика познания мира человеком и слова группируются на основе ассоциативных связей, на своеобразном «притяжении» слов друг к другу. Можно говорить, что такие идеографические словари представляют собой семантическое членение универсального «смыслового континуума» применительно к конкретному языку.

Так, исследуя тезаурусы П. М. Роже в разделе *Intellect* и его подразделах I — *Formation of Ideas*, II — *Communication of Ideas*, можно заметить, что если для обозначения конкретных видовых понятий, познавательных процессов в современном английском языке существуют лексико-семантические группы глаголов (см. статьи с заглавными *Thought*, *Attention*, *Knowledge*, *Memory*, *Imagination*, *Teaching*, *Learning*) и, следовательно, признается лингвистическая структуризация семантического поля, то для общего, родового понятия отсутствует слово, принадлежащее к той же части речи, что и гипонимы, и выражающее в совокупности в своем значении все познавательные процессы психики. Таким образом, для лексико-семантического поля глаголов познавательной деятельности не существует глагола-гиперонима. Однако отсутствие такой единицы само по себе не отрицает наличия гипонимических отношений в данной макросистеме, а лишь свидетельствует об особенном характере гипонимической структуры семантического поля познавательной деятельности и необходимости основываться в нашем исследовании на соответствующем этой системе принципе толкования связей, существующих в ней.

Вероятность отсутствия гиперонима отмечается рядом исследователей, которые считают совсем не обязательным присутствие в лексико-семантической группе слова, обозначающего родовое понятие [9]. Аналогичное суждение выдвигается в монографическом исследовании Л. М. Васильева, посвященном изучению обширного семантического поля психической деятельности в современном русском языке. Автор считает, что некоторые семантические классы этого поля, среди них глаголы памяти, глаголы внимания, интереса и другие, не имеют стоящей над ними «архипарадигмы» (термин Л. М. Васильева) и, таким образом, не имеют и родового глагола, включающего их в парадигму высшего порядка [2]. Принимая во внимание тот факт, что лексическое членение «смыслового континуума» в конкретном языке происходит специфично, мы не можем автоматически переносить концепцию, построенную Л. М. Васильевым на базе русского языка, на семантическое поле глаголов познавательной деятельности в современном английском языке. Хотя нами не отрицается возможность межъязыковых совпадений на более высоком уровне абстрагирования, так как, рассматривая гипонимические отношения, исследователь в большей степени оперирует понятиями, то есть общечеловеческой категорией, зависящей, правда, от степени развития мышления, а не значениями глаголов, то есть категорией, бытующей в пределах данного языка. Такая возможность языкового тождества не отрицается еще и потому, что нами не было обнаружено глагола-гиперонима семантического поля познавательной деятельности на материале разного типа словарей.

Существует точка зрения, согласно которой предполагается,

при отсутствии гиперонима нужной части речи, вероятность его выражения иной частью речи, чем гипонимы, либо целым словосочетанием [6] *. Анализ тезаурусов, показавший отсутствие глагола-гиперонима для семантического поля познавательной деятельности, подтверждает также невозможность определения всех познавательных процессов одновременно каким-либо словосочетанием.

Факт объединения всех познавательных процессов в психологии термином «сознание», а также логико-ассоциативная группировка глаголов, обозначающих познавательные процессы в разделе *Intellect*, позволяет нам использовать существительное *Intellect* (и его синоним *mind*₁) в роли гиперонима лексико-семантического поля глаголов познавательной деятельности. Этот гипероним, представляя собой семантический стержень поля, является полифункциональным. С одной стороны, гипероним *Intellect*, отражающий родовое понятие, обеспечивает функционирование и дифференциацию семантического поля глаголов познавательной деятельности в семантическом поле высшего порядка, единицы которого передают в целом логическую, волевую и эмоциональную сферы психической деятельности человека. С другой стороны, гипероним *Intellect* играет роль интегрирующего элемента внутренней структуры поля, позволяющего путем характерной для гипонимии многоступенчатой абстракции, отвлечения от своеобразных различающих свойств отдельных познавательных процессов, объединять их в одну макросистему. Значимость гиперонима для внутренней структуры проявляется также и в том, что он служит словом-индикатором в дефинициях глаголов на начальном этапе выделения единиц и определения границ исследуемого семантического поля глаголов познавательной деятельности.

В результате ономазиологического исследования конкретной макросистемы глагольной лексики можно прийти к выводу о гипонимическом характере ее структуры и представить таксономию семантического поля глаголов познавательной деятельности в современном английском языке:

INTELLECT

ATTENTION

observe
notice
note
remark
regard
heed
view
etc.

LEARNING

learn
study
master
teach
cram
coach
implant
etc.

MEMORY

memorize
remember
recall
recognize
recollect
remind
forget
etc.

* Л. Б. Лебедева приводит примеры существительного-гиперонима *colour* для отдельных прилагательных цветообозначения и гиперонима-словосочетания *unit of time* для слов *day*, *week*, *year* etc.

KNOWLEDGE

know
apprehend
realize
understand
experience
appreciate
comprehend
etc.

THOUGHT

think
reflect
consider
meditate
speculate
ponder
muse
etc.

IMAGINATION

imagine
fancy
conceive
dream
create
devise
invent
etc.

1. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956.
2. *Васильев Л. М.* Семантика русского глагола. М., 1981.
3. *Выготский Л. С.* Вопросы теории и истории психологии. М., 1982.
4. *Кодухов В. И.* Рассказы о синонимах. М., 1984.
5. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
6. *Лебедева Л. Б.* Типы семантических связей слов в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
7. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. М., 1979.
8. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 1933.
9. *Филин Ф. П.* Очерки по теории языкознания. М., 1982.

М. В. Лукичева
Свердловский
пединститут

СИНОНИМИЧЕСКИЙ СТАТУС РАЗГОВОРНЫХ УНИВЕРБОВ И КОНДЕНСАТОВ

Общепринят в лингвистике тезис: разговорное слово (словосочетание) является и воспринимается таковым лишь на фоне нейтрального эквивалента в лексике литературного стандарта (В. Д. Девкин, Е. А. Земская, О. Б. Сиротинина, Ю. М. Скребнев и др.). Иными словами, коллоквиализмы, как стилистически отмеченные единицы, обязательно должны коррелировать с не отмеченными в этом плане средствами, нейтрально именуемыми то же самое. Называние того же самого разными средствами представляет собой не что иное, как синонимию в ее общеязыковом понимании: выражение идентичного содержания разными средствами [20, с. 217]. Из признания нейтральной корреляции, обязательной для разговорных единиц, автоматически следует вывод об отношениях синонимии между разговорным и нейтральным. Обычно в лексикологических работах этот вопрос именно так и решается: отмеченные в функциональном, нормативном и/или эмоционально-экспрессивном плане единицы (к ним относятся и коллоквиализмы) безоговорочно объявляются стилистическими синонимами общелитературной лексики. От более детального рассмотрения особенностей, да и вообще возможности, синонимии такого рода авторы отказываются, считая все разговорное периферийным, ненормативным, лишенным прав литературного гражданства. Но разговорными элементами в разном объеме и с неодинаковой интенсивностью пользуются все носители языка. Более того, проигрывание че-

ловеком многих социальных ролей предполагает использование коллоквиализмов, что является требованием данного функционального стиля, а не досадным отклонением от литературной нормы [8, с. 51].

К синонимии как лингвистической категории, не являющейся, правда, строго определенной, предъявляется ряд жестких требований. До 20—50 обязательных и факультативных критериев синонимичности насчитывается в работах по синонимике. Наибольшее число сторонников — у двух критериев: семантическое тождество (или сходство) и способность к взаимозаменам (Ю. Д. Апресян, Л. М. Васильев, В. Г. Вилюман, А. П. Евгеньева, И. Филипец, А. Черч и др.). Как по этим основным показателям синонимии выглядят разговорные единицы, однозначно сказать невозможно, так как коллоквиальный лексический фонд неоднороден, и не только в экспрессивно-стилистическом плане, но и, в первую очередь, в характере денотации. По соотношению объемов значений нейтральных и коллоквиальных единиц последние распадаются на: 1) диффузы — слова размытой семантики, потенциально синонимичные в контексте именам самых различных референтов (*Ding, Zimt, Mist, Biest* etc.); 2) аналогии — вторичные номинации, экспрессивно называющие уже названный объект по одному из признаков, общих для всех представителей соответствующего ряда объектов; внутривидовые синонимы (*Musikholz — Gitarre, Quetschkommode — Akkordeon, Rachenputzer — Schnaps* etc.); 3) универбы — единицы, объем значения которых больше объема значения нейтрального [3], отличающиеся от своего нейтрального партнера как по коннотативной, так и по денотативной линиям, относясь к нему как видовое к родовому (*fachsimpeln — ein Fachgespräch führen; Seelenkäse — kitschiger, schnulziger (Liebes) film; Wuchtbrumme — Superfrau* etc.); 4) конденсаты — слова, значения которых находятся со значениями нейтральных коррелятов в отношении частичного перекрещивания — наложения; это целые симбиозы смысла, концентрирующие в себе семантическую сумму высказывания или даже ситуации (*Schwatz-Piknik — ergebnislose Diplomatenbesprechung; Stimmen-Leihanstalt — Fernsehsendung, bei der die Schauspieler den Gesang mimen und Sänger, die nicht im Bild erscheinen, die Singstimmen singen* etc.). В статье рассматриваются синонимические потенции двух последних разрядов коллоквиализмов — универбов и конденсатов.

От нейтральных коррелятов как универбы, так и конденсаты отличаются стилистическими и нестилистическими (собственно семантическими — денотативными) моментами. Семантическая уникальность таких слов воспринимается часто как обстоятельство, не позволяющее рассматривать эту лексику с позиций синонимии. И это не лишено оснований, так как по традиции считается, что синонимами могут называться лишь единицы одного языкового уровня, относящиеся к одному морфологическому

классу — части речи. Универбы и (тем более!) конденсаты никогда не имеют однословных эквивалентов в нейтральной лексике. Нейтральные средства могут передавать их значения лишь описательно: как минимум, атрибутивным сочетанием. Возникает вопрос: что должно рассматриваться как синоним коллоквиализма — все нейтральное описание или лишь его ключевое слово, представляющее обычно ту же часть речи, что и универб (или конденсат)? Что следует сопоставлять в случаях *Schlafpille* — «langweiliger Film» и *Mischpenne* — «Gymnasium für Knaben und Mädchen»? В атрибутивной части толкования («langweiliger», «für Knaben und Mädchen») заключена существенная часть значения разговорных единиц: именно скучный, а не какой-либо иной фильм может быть назван словом *Schlafpille*, лишь гимназию, в которой совместно обучаются мальчики и девочки, справедливо называть *Mischpenne*.

Еще больше сомнений вызывает возможность рассматривать как синонимы конденсат и ключевое слово (слова) его толкования. Конденсат, образуясь на пересечении нескольких предметных рядов объективной действительности, может быть подведен под разные понятия, что подтверждается и данными словарей: одна и та же единица попадает с идентичным толкованием в несколько разных словарных статей. Через какое нейтральное слово следует трактовать, например: *Hohlroller* — «Mensch, der nicht viel kann, aber angibt, als wäre er der Größte», *Räuberzivil* — «alltägliche Kleidungsstücke, in denen man sich wohlfühlt, die aber nicht besonders schön sind»; *Konservenchrist* — «Christ, der seine Religion nur aus Zweckmäßigkeiten bekennt». Принадлежность слов к одной части речи, безусловно, является показателем синонимичности, но не основным, а второстепенным, вспомогательным. Главное требование к синонимам — их семантическая общность и взаимозаменяемость. Следовательно, неправомерно считать синонимами разговорный универб или конденсат и ключевое слово нейтрального описания. При этом универб и конденсат отличаются от нейтральной единицы не только коннотативной, но и предметно-логическими — дескриптивными — моментами, к которым следует отнести и оценочную сему, входящую в понятийное ядро предиката и образующую неразрывное единство с денотатом.

Наиболее сложен для перевода на нейтральный язык присущий разговорным единицам стилистический компонент. «Стилистическая значимость представляет собой информацию, в принципе не сводимую к вербальной... Эстетическое и эмоциональное восприятие нечленимо ... индивидуальное впечатление от текста невозможно исчерпывающе охарактеризовать словами... Именно здесь самой природой объекта поставлены пределы точности его вербального описания» [7, с. 143]. Чрезвычайную сложность описания стилистических явлений не только в лингвистических терминах, но и вообще словами Ю. М. Скребнев объ-

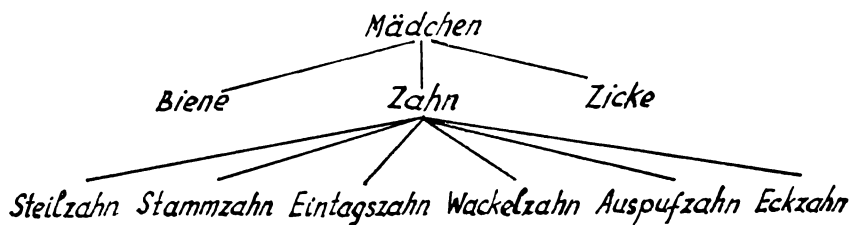
ясняет тем, что эти явления «не всегда презентированы в сознании и нередко не выходят за пределы диффузных ощущений и реминисценций» [10, с. 244]. И тем не менее, утверждает Т. Г. Винокур, «словом можно выразить то, что нужно, пусть длинно, пусть неуклюже, но можно» [5, с. 16].

Нейтральные описания разговорных универбов и конденсатов передают то же содержание, но менее компактным способом: *Seelenmassage* — 1) «*psychiatrische Behandlung*»; 2) *abwertend* — «*hartnäckige Überzeugungsarbeit*»; *Dünnbrettbohrer* — «*Mensch, der über geringe Kenntnisse verfügt und nur Aktivitäten durchführt, wo er weiß, daß er bestehen kann (er bohrt das Brett an der dünnsten, bequemsten Stelle)*». Эти описания, конечно, не в состоянии передать экспрессивную, эмоциональную информацию, заключенную в разговорном слове, так как она рождается непосредственно самим семантическим способом создания таких единиц (различные переносы значения, псевдо- и неологизация, логическая несовместимость компонентов сложного слова, семантическая аномалия, парадоксальность внутренней формы и т. п.). Экспрессивность такой лексики не требует для своей актуализации особых условий в виде контекста, порядка слов, интонации, игры слов и т. п., так как сама их семантическая структура является микроконтекстом, необходимым и достаточным для реализации экспрессивности. В ситуации эти неденотативные моменты проявятся и будут адекватно восприняты.

Употребление в идентичном контексте нейтрального описания разговорного универба или конденсата более расплывчато, пространно, менее выразительно и ярко назовет, характеризует и оценит именуемый референт, вызовет у коммуникантов идентичные чувства и ассоциации. Конечно, предпочтительнее и вероятнее для достижения коммуникативной цели употребление компактных единиц, аккумулирующих в минимальном материальном объеме максимум фактологических и дополнительных моментов: эмотивных, волюнтативных, экспрессивных и т. п. Стремление к семантической конденсации значения А. А. Брагина объясняет «потребностями коммуникации (экономный эквивалент) и требованиями эмоционально-стилистического разнообразия (синонимический ряд)» [4, с. 95]. Указанные выше неденотативные моменты по-разному квалифицируются различными исследователями. Так, О. С. Ахманова считает, что оценочно-эмоционально-экспрессивные моменты «не являются составной частью собственно смыслового содержания, самой семантики ...» [1, с. 238]. В свою очередь, Д. Н. Шмелев полагает, что «по-видимому, наиболее целесообразно, говоря о «лексическом значении», включать в это понятие только те экспрессивные элементы, которые устойчиво и однозначно характеризуют самое явление, которое отображает слово (кляча, донос, гордыня, хлипкий, уплетать и т. д.), не включая в него

тех стилистических элементов, которые характеризуют стиль и назначение речи говорящих (архаизмы, диалектизмы, профессионализмы и т. д.)» [9, с. 252]. Для него экспрессивно-стилистическая окраска — это призма, сквозь которую воспринимается смысл, связанный с данным звуковым комплексом. Универбы и конденсаты имеют, таким образом, экспрессивно окрашенное значение, которое «отображает прорыв эмоционального, субъективного, личностно заинтересованного отношения в семантику слова, что и составляет экспрессивный эффект этого значения и его целесообразность в языке» [там же]. Итак, если и возможно рассмотрение универбов и конденсатов под синонимическим углом зрения, то лишь в сопоставлении со всем нейтральным описанием его значения, а не только с ключевым словом. Такой тип синонимии можно обозначить как разноуровневый (коррелируют слово и словосочетание, слово и предложение) и межстилевой (экстенсивный).

Особенность семантики универбов — номинация объекта не по родовому или видовому признакам, а по индивидуальному, отличительному свойству. В видах они фиксируют подвиды, более дробно дифференцируя, рубрицируя объективную реальность:

Образование универбов — это своего рода вторичная гипониминация. Их появление объясняется отчасти спецификой разговорного слова как знака: слово в разговорной речи обычно имеет четкую донативную направленность, обозначая, как правило, конкретный предмет окружающего мира. Сигнификат как бы отодвигается на второй план. В сознании коммуникантов возникают не понятия, а конкретные предметы, явления, действия. Именно поэтому большая часть универбов — слова конкретной, а не абстрактной семантики: Meermädchenkleid — «Plastikkleid, dessen talergroße Teile durch Metallösen verbunden sind»; Kummerkasten — «Briefkasten für Bittschreiben Hilfsbedürftiger»; Gasfuß — «rechter Fuß»; Pennerkissen — «lang in den Nacken fallendes Haar (es könnte den Obdachlosen gewissermaßen als Kopfkissen dienen)». «В сфере действия обиходного стиля преобладает конкретное содержание, в состав которого наряду с содержательной информацией входит эмоциональная, субъективно-оценочная и модально-императивная информация. В этом

содержании может присутствовать довольно большой объем информации, однако глубина его незначительна, носит довольно поверхностный характер, ибо в бытовом обиходе человек, как правило, обобщает опыт познания окружающего мира с позиций своего частного опыта. Поэтому в данном стиле преобладает конкретное над абстрактным» [11, с. 56]. На лексическом уровне конкретность связана с обозначением круга предметов, действий, явлений из бытовой сферы. Разнообразие этого круга требует точных и конкретных названий. Универбы способствуют реализации полиономии — многоименности. Их цель — как можно полнее и как можно экспрессивнее отразить существенные признаки объекта, см., например, ряд коллоквиализмов для обозначения автомобилей: *Adventsanto*, *Chromkreuzer*, *Ami* etc.

Конденсаты, в отличие от универбов, чаще обозначают абстрактные явления. Концентрируя в своей семантике разноплановые, нередко противоречащие друг другу признаки, они конструируют тем самым новый объект, существующий иногда лишь идеально, в сознании человека. Объединение в значении одной единицы признаков разных рядов действительности не позволяет считать такие семантически «тяжелые» слова гипонимами относительно какого-то нейтрального гиперонима.

Источниками возникновения как универбов, так и конденсатов являются все три пути, традиционно выделяемые при изучении развития лексического состава языка в целом: 1) различные словообразовательные процессы: словосложение, аффиксация, аббревиация, контаминация и т. д.; 2) семантическая деривация, то есть возникновение новых единиц вследствие изменения значений известных в языке слов; 3) заимствования, в том числе кальки, то есть «обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации имеющихся и неизвестных прежде предметов (нередко сами эти предметы и явления становятся известными носителями данного языка лишь вследствие контактов с теми народами, из чьих языков заимствуются соответствующие слова)» [2, с. 150]. Хотя количественно преобладает первый путь, более значительной представляется роль семантической деривации, так как отдельные ее разновидности (метафорические и метонимические переносы, паронимия, псевдо- и неологизация, десемантизация и специализация и т. п.) помимо самостоятельного источника могут быть охарактеризованы как сопутствующее средство при появлении универбов в результате словообразования или заимствования. Доминирование семантической деривации в процессе лексической универбации и конденсации связано с тем, что в основе любого переосмысления (а это и есть семантическая деривация) лежат различные ассоциации, а они порой настолько далеки, неожиданны и непредсказуемы, что просто не знают потенциальных границ [6]. Отсюда новые значения у старых слов: *abnabeln* — «zur Selb-

ständigkeit erziehen»; Keimfreiheit — «Freiheit von Anstößigkeiten»; neugebacken — «kürzlich ernannt»; Nachteule — «feindliches Beobachtungsflugzeug in der Nacht». Определенную роль в переосмыслении могут сыграть омонимия, омофония, полисемия нового значения и его этимона, возможность свежей, нестандартной, шутливой расшифровки внутренней формы: Vergissmeinnicht — «Anschreibebuch mit Notizen über pflichtwidriges Verhalten»; Hausmann — «Ehemann, der Hausfrauenarbeit verrichtet»; aussteigen — «mit dem Fallschirm abspringen»; Bürgerkrieg — «Kampf des Bürgers gegen Behörden».

Большинство универбов-заимствований служит целям рекламы. Нередко они обрастают производными единицами, частично или полностью онемечиваются. Широко известны и популярны сегодня следующие англо-американизмы: der Spot — рекламный ролик (der Fernsehspot, Superspot, 30-Sekunden-Spot); der Nonstop — «беспосадочный полет» (сема «непрерывность» вызвала к жизни такие слова, как Nonstopvorführung, Nonstop-Melodie, Nonstop-Musik, Nonstopvorstellung; der Boom — «бум, стремительное развитие чего-либо» (Video-Boom, Baby-Boom, Porno-Boom, boomen: das Gewerbe boomt); der Shop — «магазин» (shoppen, Spezialitäten-Shop, Intershop, das Shopping, der Shopper); der Selfmademan — «человек, достигший всего сам»; der Rap-Sprechgesang (der Rapper, die Rapperin).

Буквально в последние годы в западногерманской прессе замечали следующие слова, которые по специфичности и объему значения следует также отнести к универбам и конденсатам: joggen — «заниматься спортивным бегом» (der Jogger, das Jogging, das Joggen, Jogging-Schuhe, der/die Jogging-Dreß, Joggingkleid); Oldtimer — «старые машины, песни»; der Ghostwriter — «специалист, пишущий речи для высокопоставленных персон»; der Single — «одинокый путешественник, солист, клиент в гостинице» (Single-Urlaub, Single-Traveller, Single-Woche, «Single-Travel» — BRD-Reisebüro für Solo-Reisende; «Ein Herz für Singles» — dessen Werbeslogan, Single + Single = Reisedouble; Single-Paar — 2 Alleinreisende, die sich im Urlaub kennenlernen).

Иногда внутренняя форма заимствований подвергается неологизации. Хрестоматийным примером стали слова der Spätnik и der Kaputnik, возникающие на базе заимствованного из русского языка слова «спутник» и обозначающие неудачные запуски американских искусственных спутников Земли. Аналогичную лексическую реакцию вызвала в 1985 году трагическая гибель американского космического корабля многоразового использования и членов его экипажа: в прессе появилось слово «Challenger»-Schüttler (Shüttler — неэтимологизация английского слова shuttle — «челнок, которым обозначается технический тип конструкции этого корабля»). Конечно, это слово

совых наряду с предметно-логической информацией передать оценочную и эмоциональную реакции (индивидуальные и коллективные), то есть слов, в значениях которых «денотат переходит в коннотат и наоборот» [20, с. 161], напр.: *Gehirnwäsche*; *Konservenschritt*; *Ghostwriter*, *Gesichtsbild* (eines Politikers); *Torschlußpanik*; *Meinungsdespoten* — «Nachrichtenagenturen, die eine Monopolstellung haben»; *Schleudersitz* — «hoher, respektabler, aber sehr gefährlicher Posten, den man leicht verlieren kann»; *Senkrechtstarter* — «Mensch, der sehr rasch und problemlos Karriere macht»; *Bumbomber* — «Flugzeug, das die reichen, respektablen Touristen zu den Kurorten befördert, die durch das gut entwickelte Prostitutionsservice bekannt sind» (впервые слово появилось во времена американо-корейской и американо-вьетнамской войн: так стали называть самолет, которым американские солдаты после двухнедельного пребывания на передовой доставлялись в Таиланд «для отдыха»). Значение конденсатов никогда не бывает простой суммой компонентов. Характерен для них прирост неожиданного смысла, не вытекающего из семантики компонентов. В их форме непременно заключена тайна, требующая разгадки. Так, внутренняя форма отсубстантивных коллоквиальных глаголов *buttern*, *fenstern*, *ehepaaren* указывает лишь на то, что это действия, каким-то образом связанные с объектами, от имен которых они образованы: *buttern* — *die Butter*, *fenstern* — *das Fenster*, *ehepaaren* — *das Ehepaar*, но что за связь, какое действие подразумевается — неясно. В таких глаголах помимо указания на объект «законспирирована» дополнительная информация денотативного и коннотативного плана: *buttern* — «*Butterbrote essen*»; *fenstern* — «*durch das offene Fenster einbrechen*»; *ehepaaren* — «*trügerisch als Ehepaar ausgehen*». Конденсатов немного в разговорном лексическом арсенале, но их весомость определяется не количественно: они позволяют компактно именовать сложное явление, попутно его оценивая. Коннотация, как обязательный компонент их значения, — это «нечто дополнительное... — своего рода ярлык, прикрепленный к вещи, фирменная этикетка, указывающая место и время изготовления товара и его стоимость» [9, с. 21].

Универбы и конденсаты не дублируют, как аналоги, лексику литературного стандарта, обладают самостоятельным номинативным статусом. Не имея равных себе по значению нейтральных единиц, они при условии распространения и стабильности обозначаемых явлений значительно устойчивее других разрядов коллоквиализмов и имеют больше шансов «дорости» до уровня литературного стандарта [3].

1. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
3. Беляева Т. М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка. Л., 1985.
4. Брагина А. А. Синонимы в литературном языке. М., 1986.

случайно и недолговечно, слово-реакция на потрясшее весь мир событие. Но законы, которые действуют в языке, едины для узуального и окказионального. В данном случае это закон экономии за счет компрессии смысла, языковой точности и усиления выразительности.

Значение универба всегда может быть представлено в виде суммы: значение универба складывается из значения ключевого слова нейтрального описания и значения индивидуального конкретного признака, причем оба слагаемых могут быть как прямыми, так и переосмысленными, напр.:

Mordseifer, Biereifer = Eifer + groß;
Frühstücksbluse = Bluse + dekolletiert;
Giftspritze = Droge + stark anregend;
Bettenburg = Krankenhaus + groß;
Uni-Jungfer = Frau + Hochschule + unverheiratet;
Falschparker
Parksünder
Parkrowdy } = (Autofahrer) + parken + falsch.

Значения же конденсатов невозможно представить в виде суммы значений компонентов. В них переплетаются, прорастают друг в друга значения признаков многих явлений, предметов, качеств, относящихся порой к логически несовместимым, неограниченным сферам жизни человека. Метаязык словарных толкований конденсатов всегда предельно подробен, стремится к абсолютной прецизации, точному учету всех нюансов: Onkelehe — «Haus-, Lebensgemeinschaft mit einer Witwe, die den Mann nicht heiratet, um ihren Pensionsanspruch nicht zu verlieren (die Witwe gibt ihn für ihren Onkel aus)»; Gehirnwäsche — «politische, weltanschauliche Umschulung; nachdrückliche Prüfung der menschlichen und staatsbürgerlichen Qualitäten; seelisch-geistige Umstimmung mit psychologischen Mitteln (dem anglo-amerikanischen «brain-washing» entlehnt)» etc. Конденсаты создаются обычно намеренно, часто приходят в обиход из публицистики, где существует постоянная потребность в острых, семантически «прозрачных», хлестких, идеологически однозначно ориентированных выражениях. Почти всегда конденсаты привязаны к актуальным социальным, политическим явлениям. Их оценочный компонент детерминирован системой коллективных, общественных (не индивидуальных!) ценностей, практической деятельностью, общественной практикой, условиями жизни, социальным строем, религиозными, политическими, идеологическими, социально-экономическими, культурными, морально-этическими нормами, культурными и духовными идеалами классового общества [16]. Эти слова понятны, употребительны и популярны лишь в том языковом коллективе, где распространены соответствующие явления.

Многие конденсаты неологичны, ибо именно новые, важные, животрепещущие события и явления требуют наименований, спо-

5. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
6. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М., 1979.
7. Колшанский Г. В. Соотношение объективных и субъективных факторов в языке. М., 1975.
8. Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
9. Кузнецов М. Д., Скребнев Ю. М. Стилистика английского языка. Л., 1960.
10. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.
11. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
12. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
13. Duden. Des grosse Wörterbuch der deutschen Sprache: In 6 Bd. Mannheim; Wien; Zürich, 1976—1981.
14. Duden. Sinn- und sachverwandte Wörter und Wendungen. Mannheim; Wien; Zürich, 1972. Bd. 8.
15. Klappenbach Rh., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: In 6 Bd. Berlin, 1961—1978.
16. Klaus G., Buhr M. Philosophisches Wörterbuch. Leipzig, 1976.
17. Küpper H. Hochdeutsch — Umgangdeutsch. Gesamtwortverzeichnis. Hamburg, 1965.
18. Küpper H. dtv-Wörterbuch der deutschen Alltagssprache: In 2 Bd. München, 1971.
19. Küpper H. Illustriertes Lexikon der deutschen Umgangssprache: In 8 Bd. Stuttgart, 1982.
20. Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1984.

Э. Ф. Махова
Свердловский
пединститут

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В АСПЕКТЕ ДЕНОТАТИВНОГО И КОННОТАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Исследование материалов, затрагивающих проблему оценки в слове, обнаруживает разногласие авторов в понимании природы этого явления в языке [9]. Выделяются такие аспекты рассмотрения проблемы: оценка и эмоции, оценка как категория лексическая и стилистическая, оценка в ее отношении к экспрессии, образности и к денотативной стороне языковых единиц, оценка как коннотативное явление. Коннотации помещаются авторами на различных уровнях: они обозначаются как семантические или стилистические признаки. Само понятие «коннотация» неоднозначно. Под коннотацией понимается эмоциональная и стиливая окраска, но не оценочные и экспрессивные признаки [4]. Некоторые авторы включают в коннотативные значения эмоциональные, экспрессивные и оценочные элементы [1]. Иногда к коннотации относят, кроме перечисленных значений, еще и образность [5]. С понятием коннотации связывают и оценки

чувств и ассоциативные элементы, побочные представления, функциональные признаки языкового употребления, касающиеся стилевых уровней, а также социальных, временных, региональных и других маркировок слова. Иногда такие качества слова получают название прагматических или истолковываются как отношения. Где заключена оценка: в коннотативном или денотативном слое значения? Можно ли ответить на этот вопрос однозначно?

В данной работе сделана попытка проследить механизм оценивания и его проявление в текстах с определенной идеологической окраской. Исследовались тексты из газеты «Wahrheit», органа Социалистической единой партии Западного Берлина. Обобщенным содержанием этих текстов являются события в «горячих точках» планеты, т. е. вопросы войны и мира в их оценке корреспондентами газеты «Wahrheit» в разделах «Информация», «Актуальное», «Политика».

Текст как действительность языка дает возможность анализировать «поведение» оценочных понятий в их взаимодействии, т. е. в движении, как этого требует логика исследования, и получить информацию об их статусе в аспекте денотации и коннотации. Оценка в текстах идеологического содержания представляет собой партийную оценку, т. е. оценку с точки зрения определенного класса, партии, общества. Категория партийности как одна из основополагающих категорий марксистско-ленинской философии рассматривается здесь как категория стилистическая, как разновидность стилиевой черты «оценка» [13].

В качестве исходных положений нами выдвигаются следующие.

1. Идеологическая оценка как и любая другая оценка является осознанием ценности (в данном случае мировоззренческой). Ценность понимается нами как значимость какого-либо явления, события, процесса, т. е. сущего, для жизнедеятельности субъекта, класса, общества [3].

2. Коннотации представляют определенные общественно закрепленные условия коммуникации, при которых понятие употребляется особым образом. Они отражают, следовательно, не денотат, а коммуникативные факторы словоупотребления.

3. Оценка есть определенная сторона денотации, а не коннотации. Оценочный элемент есть элемент сигнификативного содержания, он закреплен в понятии [12]. Оценочный оттенок — это прагматический вес любого понятия, не отдельного от него и не являющегося отдельной значимостью [4], другими словами, эмоциональные элементы не включаются в понятие в форме семантических признаков, а вызываются через значение семы, имеющей положительную или отрицательную семантику [11]. В этой связи представляется не совсем верным

обозначение распределения сем у И. В. Арнольд, напр.: *giggle* — обязательные семы «смех прерывистый, глупый», отрицательная сема [2]. Правильнее было бы: «смех прерывистый, глупый». Отрицательная сема сама по себе не существует, не обладает отдельной значимостью. Отрицательная реакция на слово заключается в семе «глупый».

Исследователи не обходят своим вниманием оценку в идеологическом плане, при этом определяются формы ее выражения, подчеркивается значимость удачного и тонкого выражения оценки для формирования и укрепления социалистического мировоззрения. Авторы констатируют также, что для идеологической оценки в большинстве случаев употребляется лексика, уже имеющая в узусе языка оценочный компонент. W. Schmidt отмечает тот факт, что некоторые слова приобретают окказиональную оценочную семантику в результате придания им признака, не зафиксированного в комплексе его дифференциальных признаков [13]. Так понятие «Bildung» (W. Schmidt анализирует текст, посвященный образованию в ФРГ) становится отрицательным в силу признаков: «систематически оглупляющее», «свободное от разума и человечности» и «отравляющее детские умы». Соотнесенность такой оценки со сферой коннотативного несомненна: оценка в значении этого понятия не закреплена здесь общественным сознанием на основе субъектно-объектных отношений, она přidается добавочными признаками, вызывающими у реципиента отрицательные эмоции.

Другой автор делит слова с оценочным компонентом на три группы: понятия, вызывающие положительную/отрицательную реакцию: 1) у всех носителей языка; 2) у определенной группы лиц, ср.: *imperialistisch*, *Kommunismus*, *got*; 3) у отдельных лиц [8, S. 51]. Этот факт достаточно очевиден. Нельзя, однако, согласиться с утверждением [см.: 7, S. 71], что отрицательность такого понятия, как *Kommunismus*, возникает у реципиента средств массовой информации на Западе из-за постоянного употребления его в отрицательных контекстах, с негативным контекстуальным партнером, что отрицательная атрибутивизация влияет на понятийное содержание так, что он становится не адекватным денотату.

На наш взгляд, подобные языковые манипуляции понятием только потому и возможны, что в самом понятии *Kommunismus* есть сема, которая в ходе общественного развития, в ходе возникновения непримиримой борьбы между двумя идеологиями приобретает резко отрицательную окраску для тех, кто не приемлет этой общественной формации, а именно сема «общественная собственность на средства производства» (со всеми вытекающими отсюда последствиями). Атрибуты *советский*, *русский*, *восточный*, *московский*, употребляемые в западной прессе с понятием «коммунизм», должны внушить мысль, что не «коммунизм» сам по себе не хорош, а его конкретные реализации.

На наш взгляд, именно эти определения являются средством языковой манипуляции, их негативность носит вторичный характер: *русский* (Россия), *московский* (Москва), *восточный блок* (страны социалистической системы), *восточные немцы* (ГДР), *Кремль* (резиденция правительства СССР) именно тем и не хороши для антисоветчиков, что там строят коммунизм. Антисоветизм во всех его проявлениях связан в первую очередь с наиважнейшим элементом буржуазной идеологии — антикоммунизмом.

Оценочная семантика, возникающая как результат переосмысления понятия какой-либо группой людей, превращает его из ценностно-нейтрального в ценностно-значимое. Коммуникативный фактор играет здесь решающую роль; происходит приращение смысла, слово обретает «способность» оценивать — выражать ценности определенной группы людей. Такая оценка лежит, вне сомнения, в сфере коннотативного. Подобный механизм оценивания действует также в основе понятий, употребляемых для выражения индивидуальных ценностей любого плана.

При оценивании каких-либо предметов и явлений оценивающий субъект исходит из своих представлений о «хорошем» или «плохом» в мировоззренческом отношении. Известно, что любое оценочное суждение должно быть сводимо к формуле: *das ist gut/schlecht* («это — плохо/хорошо»). «Плохо»/«хорошо» представляя предикат суждения, называемого в логике ассерторическим (по Гегелю), ср.: «дом плох» [6, с. 179]. Понятия *schlecht/gut* выступают наиболее отвлеченным выражением положительного (ценности) и отрицательного (антиценности). В конкретных высказываниях они заполняются понятиями, семантика которых соответствует ценностным представлениям оценивающего субъекта, ср.: *Die Aktionen der Vereinigten Staaten gegen Nicaragua sind ein Verbrechen am nicaraguanischen Volk; Sie sind eine direkte Bedrohung der Sicherheit und der Souveränität aller Staaten Lateinamerikas*. Приведенные предложения представляют собой сокращенный силлогизм — энтимему: «действия США — это преступление, следовательно, это плохо». Первое предложение восстанавливается в силлогизме: «все, что является преступлением, — плохо» (общая посылка), «действия США против Никарагуа — преступление» (малая посылка), «следовательно, это плохо» (вывод).

В большинстве исследуемых примеров оценочное суждение присутствует в предложении (в рематической или тематической части) в свернутом виде как атрибутивная группа и может быть трансформирована в ассерторическое суждение, ср. в логике: «черный стол — стол черен». В анализируемых нами атрибутивных группах атрибуты представляя оценочные понятия и могут быть сведены к суждениям с формулой: *das ist gut/schlecht*, ср.: *subversive Aktionen — die Aktionen sind subversiv* («дей-

ствия носят подрывной характер и, следовательно, не приемлемы»). Дальнейшие примеры: die imperialistische und neokolonialistische Herrschaft, expansionistische Absichten, der antikomunistische Kreuzzug, der imperialistische Staat, die menschenfeindliche Politik, das US-imperialistische Lager, ein scharfmacherischer Vortrag etc. Иногда определение, выраженное прилагательным с отрицательной семантикой, представляет плеоназм, так как повторяет основную сему определяемого понятия, ср.: aggressiver Einbruch (сема «насилие»), der brutale Polizeiterror (сема «жестокость»), то же самое можно сказать о сочетаниях: friedensgefährdende Expansionspolitik; die aggressive Machtpolitik.

В качестве второй разновидности свернутых оценочных суждений рассматриваются также и сложные существительные, где определяющее слово содержит оценку, ср.: Expansionspolitik, Revanchepolitik, Konfrontationspolitik, Spionageoperationen, Hitler-Generale, Revanchistenverbände, Kriegsführungsmittel, Rüstungspolitik, Banditenüberfall etc.

Третьей разновидностью оценочного суждения можно назвать сочетания, которые в качестве оценочного определения содержат существительные в родительном падеже или существительные с предлогом: die Politik der Konfrontation, die Politik der Hochtüftung, Bereitschaft zur hemmungslosen militärischen Aggression, Politik des Staatsterrorismus, die Verhandlungen aus der Position der Stärke, Unterstützung der USA für konterrevolutionäre Banden, das Programm der US-Regierung zur Militarisierung des Weltraumes, die tödliche Variante des Wettüftens etc.

Значительное число предложений, имеющих статус «суждение с негативной оценкой», содержит в рематической части глагольные словосочетания типа: das Völkerecht verletzen, die nationalen Friedensinteressen mißachten, Rassismus und Diskriminierung verschärfen, das Söldnertum begünstigen etc.

Понятия с отрицательной семантикой наполняют конкретным содержанием маловыразительный предикат суждения schlecht («плохо») и означают неприемлемость действий идеологического противника. Преобладающее большинство таких понятий имеет знак минус в узусе языка, т. е. они осознаются как отрицательно-оценочные всеми носителями языка, вызывая у реципиента отрицательные эмоции, ср.: Banditen, subversiv, aggressiv, Konfrontation, Terror, Revanche, Neokolonialismus, Söldnertum, Rassismus etc. Оценка в этих понятиях входит в д е н о т а т и в н у ю сферу значения.

Суждения, содержащие понятия с отрицательной семантикой, обнаруживают определенное родство, что в некоторой мере сигнализирует о закономерности их появления. Механизм этой закономерности скрыт. В чем это родство и что служит регулятивом такого отбора? Совершенно очевидно, что в системе ценно-

стей каждого субъекта, класса, партии существуют понятия, которые являются центральными, они передают идею ценности/антиценности в наиболее отвлеченном виде. Именно эти ценностные/антиценностные доминанты (назовем их так) регулируют отбор понятий, «способных» оценить, т. е. выразить ценности оценивающего субъекта. Каждое центральное понятие создает силовое поле, которое высвечивает ту сему употребленного для оценивания понятия, которая у них является общей.

Одной из высших ценностей, признаваемых всеми коммунистическими партиями, является «мир», его логическим антиподом и, следовательно, антиценностью является понятие «война». Одной из основных сем этого понятия выступает сема «насилие», ср.: Krieg — «организованное военное противостояние для насильственного достижения политических целей» [10]. В первом витке поля притяжения с понятием «война» в центре располагаются понятия, которые имеют сему «насилие» в интенционале, ср.: Invasion — «насильственное проникновение военных соединений на территорию другого государства»; Intervention — «насильственное вмешательство во внутренние дела другого государства»; Subversiv — «подстрекающий к перевороту, т. е. насильственному изменению существующего положения»; Militarismus — «система господства и организации классового общества, которая признает за применением силы ведущую роль в политике»; Aggression — «нападение в нарушение международного права на другое государство»; Unterdrückung — «препятствовать кому-либо в защите своих прав на основе обладания властью»; Rassismus — «человеконенавистническая теория для оправдания угнетения и эксплуатации других народов, в экстремальных случаях — для их уничтожения»; Repressalien — «ответная реакция на что-либо, связанная с насилием»; Terror — «направленное против общественного прогресса систематическое распространение ужаса и страха с помощью актов насилия, убийства с целью осуществления власти реакционным классом или группой людей»; Umsturz — «насильственное устранение существующего государственного устройства»; Kolonialismus — «система, политика угнетения и экономической эксплуатации народов в колониях». Частота оценок такого рода доказывает их значимость для оценивающего субъекта. В своей совокупности эти отрицательные понятия выражают часть системы понятий, представляющих мировоззренческую антиценность для партии коммунистов Западного Берлина.

Наряду с этими понятиями в анализируемых текстах употребляются понятия, содержащие сему «насилие» в потенциале. Контекст проявляет эту сему, прибавляя ее к центральному оценочному понятию, что придает ей новое качество — способность выражать идеологическую оценку, ср.: Expansion — «расширение влияния или территории (за счет насильственных дей-

ствий)»; Konfrontation — «противопоставление (с целью угрозы силой)»; Einmischung — «вмешательство (с использованием силы)»; Diskriminierung — «ущемление прав и достоинства людей (насиленным путем)»; Söldnertum — «наемники (для осуществления грубого насилия)»; Bande — «группа людей, объединяющихся для достижения антиобщественной цели (силой)».

То же самое можно сказать о понятиях Regime, Kreuzzug («крестовый поход»), Feldzug («военный поход»). Эти понятия образуют своеобразный второй виток в поле силового притяжения с ценностной доминантой в центре. Допустимо существование и других витков, когда связь с регулятивом оценивания будет происходить опосредованным путем через цепочку двух и более сем.

Оценочная значимость указанных выше понятий для всех партий социалистического лагеря подтверждается даже беглым просмотром публикаций советской прессы (и прессы ГДР), в которых дается оценка агрессивному курсу внешней политики США, ср.: *годы насилия, беспрецедентная гонка вооружений*.

Итак, отрицательные оценочные понятия образуют своеобразное семантическое поле для выражения антиценности «война» как проявление насилия. Оценочность закреплена в понятийной части значения, существует в узусе языка, воспринимается таковой носителями языка. Оценка здесь, вне сомнения, в сфере денотативного. Однако в тексте, выполняя определенную коммуникативную задачу, эти понятия получают дополнительное свойство, некое приращение смысла: способность выражать мировоззренческие ценности какой-либо политической группы, партии, в данном случае Социалистической Единой партии Западного Берлина,— и тем самым оценка выводится в сферу коннотативного. Антиценность «война» как воплощение насилия является только одной из ценностных доминант со знаком минус, образующих в совокупности с центральными понятиями положительной оценки в диалектическом единстве системы ценностей данной партии.

-
1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973.
 2. Арнольд И. В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте // Иностран. языки в школе. 1970. № 5.
 3. Василенко В. А. Ценность и оценка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1964.
 4. Филиппов А. В. К проблеме лексической коннотации // Вопр. языкозн. 1978. № 1.
 5. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Вопр. языкозн. 1976. № 3.
 6. Церетели С. Б. Диалектическая логика. Тбилиси, 1971.
 7. Heine M.-J. Zur Sprachmanipulation in der englischsprachigen bürgerlichen Presse (dargestellt an der Berichterstattung über die DDR und UdSSR) // Imperialistische Sprachpolitik. Leipzig, 1983.
 8. Ludwig K. D. Zu einigen Fragen der Verhältnisse von Sprache, Wertung und Emotionen // Sprachpflege. 1974. N 3.

9. Ludwig K. D. Zum Status des Nicht-Denotativen und seiner Darstellung in einsprachigen Wörterbüchern der deutschen Gegenwartssprache // LS/IJSW. A 109. 1983.

10. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1969.

11. Probleme der semantischen Analyse // Studia Grammatica XV. Berlin, 1977.

12. Schippan Th. Konnotationen und Ideologiegebundenheit im lexikalischen Bereich // LS/IJSW. A 51. 1979.

13. Schmidt W., Harnisch H. Zum stilistischen Aspekt der Kategorie der Parteilichkeit // Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Dr. Th. Neubauer. Erfurt; Mühlhausen. 1970. Heft 2.

Л. М. Минкин
Харьковский
пединститут,
И. А. Макеенко
Саратовский
университет

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Определение синтаксического статуса бессоюзных сложных предложений (БСП) является одним из дискутируемых вопросов синтаксиса. Принято считать, что по типу формально-структурной связи основное различие между паратаксом и гипотаксом лежит в союзной сфере [10]. В семантическом плане, по мнению ряда исследователей, разграничение только сочинения и подчинения применительно к паратакису оказывается невозможным. При таком подходе существенны следующие точки зрения: 1) паратакис не является грамматической связью [9, с. 465], и, следовательно, БСП не образует автономных синтаксических построений (сложных предложений), а представляет лишь последовательно независимые конструкции, объединенные какими-либо логическими отношениями [13, с. 30—31]. В отдельных случаях БСП могут быть экспрессивными и позиционными вариантами сложносочиненных и сложноподчиненных предложений (ССП и СПП) [9, с. 465]; 2) бессоюзие — особый тип грамматической связи, отличной от сочинения и подчинения. Общий недифференцированный характер смысловых связей при бессоюзии может уточняться только в контексте [3, с. 201]; 3) авторы книги «Русская разговорная речь» разграничивают выражение в бессоюзных полипредикативных высказываниях дифференцированных и недифференцированных смысловых отношений [4]. Дифференцированные при бессоюзии смысловые отношения в точности соответствуют союзным и могут быть эксплицированы союзами [там же, с. 235]. Недифференцированные смысловые отношения включают значение нескольких союзов или союзных слов: *Я окно открываю спать ложимся (когда,*

если; так, что). Недифференцированные смысловые отношения не могут быть точно эксплицированы союзами [там же].

В соответствии с синтаксической традицией в русском и во французском языках БСП рассматриваются по отношению к признанным автономными грамматическими структурами ССП и СПП. Отсутствие специализированного средства связи, наподобие союза, снимает вопрос о непосредственном соотношении в БСП аспектов синтаксической структуры и смыслового. Коррелятивные, анафорические, совмещенные, редуцированные и другие речевые показатели играют определенную роль в связи предикативных частей БСП. Однако в отличие от подлинного союза они, во-первых, не могут быть типизированы, поскольку далеко не равнозначно используются в БСП, а во-вторых, совмещающая основную и связывающую функции, эти члены функционально не равнозначны союзу¹.

Непризнание бессоюзия грамматической связью со структурной точки зрения имеет некоторые основания. Выделение же недифференцированных (в сравнении с сочинительными и подчинительными) смысловых отношений свидетельствует, что БСП имеет свое собственное обобщенное семантическое значение. Возникает вопрос, какая синтаксическая форма выражает недифференцированные смысловые отношения? Очевидно, такая форма не должна быть отмечена только отсутствием союза (или его субститута). Необходимо учитывать и другие параметры организации БСП. Кроме структурного и смыслового аспектов для БСП (как, вообще, для любого предложения), релеванты также аспект коммуникативной установки и аспект актуального членения. Оказывается, что в БСП и ССП аспект целевой установки регулирует взаимоотношение структурного и смыслового аспектов. Однако поскольку в структурном аспекте не могут быть выделены самостоятельные типовые модели БСП, для них релевантно разграничение функциональных (в аспекте целевой установки) типовых моделей. В многомерной организации предложения структурный аспект — основной, он служит для выражения других существенных сторон строения предложения. Приспособленный для выражения целевых установок предикативных частей, структурный аспект БСП соотносится со смысловым. В ряде типовых моделей БСП он ограничивает смысловые отношения. Так, для модели «частный вопрос + общий вопрос» характерно потенциально однозначное отношение смысловой зависимости: *Pourquoi l'avons-nous ce journal, est-ce que l'attente ne suffit pas?* (A. Langfuss).

Предложения модели «частный вопрос + частный вопрос» передают всегда значения смыслового равноправия: *Combien*

¹ Ж. Антуан отмечает, что отсутствие союза компенсируется другими средствами связи [11, р. 557—558].

vivent-ils, de quels instruments se servent-ils? (l'Humaité). Оба вида смысловых отношений (равноправия и зависимости) реализуют, например, предложения модели «сообщение + вопрос»: *La grande harmonie, le souverain idéal après lesquels j'avais tant aspiré à Avranches, mon coeur s'était-il vidé de tout cela?* (G. Mercier); *Elle mit la main sur mon front.— C'est un peu chaud, tu n'aurais pas de la fièvre?* (C. Rochefort).

Среди восьми типовых функциональных моделей БСП для четырех характерны оба вида потенциальных смысловых отношений (равноправия или зависимости). Эти отношения остаются недифференцированными в языковой системе. Четыре типовые модели БСП, которые реализуют в речи раздельно отношения смысловой зависимости (три модели) или смыслового равноправия (одна модель), отличаются своей потенциальной дифференциацией в смысловом аспекте [6]. В процессе актуализации типовых моделей происходит дифференциация виртуальных недифференцированных значений (отношений) БСП. При конечной дифференциации в речи возможно поставить один или несколько союзов между предикативными частями БСП: *Un cheval hennit, des vaches meuglent, des poulets caquètent dans la cour de ferme* (союз *et*). *Tu as aimé ce film, moi, il m'a ennuyé* (союзы *mais, alors, que, si bien que*). *Je dormais, je n'ai rien entendu* (союзы *donc, de sorte que, si bien que*). *Je n'ai rien entendu, je dormais* (союзы *car, puis, parce que*).

Примеры показывают, что смысловая дифференциация в речи может осуществляться в пределах одной категории (сочинения или подчинения), а также охватывать близкие значения области сочинительных и подчинительных отношений. Выявление характера смысловых отношений путем постановки между предикативными частями БСП союзов возможно только при синтаксическом эксперименте, но как основной способ описания едва ли целесообразно, поскольку речь идет о разных структурах сложных предложений. Кроме того, бессоюзные и союзные комплексы не всегда взаимозаменяемы [12]. Смысловые отношения, которые невозможно эксплицировать сочинительными и подчинительными союзами, могут устанавливаться в различных типовых моделях. Сравните, например, БСП моделей «сообщение + вопрос» и «побуждение + сообщение»: *Il soupira: qu'y a-t-il de bon dans la vie? Elle faillit de demander* (L. Aragon); *Adressez-vous à l'escale précédente: cet avion-là vient d'en arriver* (A. Saint-Exupéry).

В этих предложениях первая предикативная часть более завершена в смысловом плане, и только при соединении со второй частью можно выявить отсутствующее звено. Имплиcitное звено со значением акта восприятия, мысли становятся существенным в содержании сложного предложения «прерывистой структуры» [7, с. 341].

Смысловые отношения между предикативными частями бес-

союзного сложного предложения, которые нельзя точно передать союзом, не всегда укладываются в рамки смысловых отношений категорий сочинения и подчинения. Поэтому справедливо С. И. Базанова включает, например, пояснение в число отношений, которые могут устанавливаться между частями в бессоюзном сложном комплексе: *Elle devina tout: Servin cachait un proscrit* (Balz., *Vendetta*, 100) [2].

Изложенные соображения о степени разграничения в языковой синтаксической системе и речи смысловых значений БСП подтверждают выводы исследователей, считающих бессоюзие, наряду с сочинением и подчинением, самостоятельным типом грамматической связи, которая используется для оформления разных смысловых отношений — недифференцированных и дифференцированных. Термины «недифференцированные» и «дифференцированные» смысловые отношения неоднозначны в языковой синтаксической системе и речи. Их содержание зависит от степени смыслового разграничения, конкретизации. Так, в языковой системе типовые модели с потенциальными смысловыми отношениями равноправия и зависимости отличаются большей степенью недифференцированности, чем типовые модели БСП, передающие в речи раздельно отношения смыслового равноправия или же зависимости. Поэтому вполне оправдана предлагаемая лингвистами характеристика недифференцированных и дифференцированных смысловых отношений в языке и речи [3, 4]. Недифференцированные смысловые отношения непосредственно отвечают бессоюзной синтаксической связи предикативных частей, модели с этими отношениями располагаются в центре всей совокупности моделей БСП.

Таким образом, разграничение в языковой системе потенциально-смысловых отношений бессоюзных сложных предложений связано с тем, что одни типовые модели (однозначные) постоянно выражают отношения смыслового равноправия или смысловой зависимости, другие (многозначные модели) могут выражать оба вида общественных смысловых отношений.

Смысловая однозначность типовой (системной) модели предполагает дифференцированное соответствие (симметрию) ее смыслового аспекта и аспекта целевой установки. В потенциально-многозначной типовой модели симметричное соответствие смыслового аспекта и аспекта целевой установки не дифференцированы в соотношении 1 : 1. При передаче собственно речевых значений (не входящих в сферу смысловой зависимости или равноправия) в бессоюзных сложных предложениях возникает асимметрия между смысловым аспектом и аспектом целевой установки, поскольку в языковой синтаксической системе фиксируется только их соответствие.

Французский термин «*juxtaposition*» соответствует русским терминам «бессоюзие» и «соположение», отражающим разные виды отношений предикативных единиц с пропозициональным

содержанием². Бессоюзие в сфере сложных предложений — это вид синтаксической связи, коррелятивной синтаксической связи посредством союзов (или их субститутов). Бессоюзие в сложных предложениях маркируется двоеточием, запятой, точкой с запятой. Соположение обозначает расположение (линейное следование) предложений через точку³. Разные знаки препинания сигнализируют не только о размере интонационной паузы, но также и о границах синтаксических построений. Точка завершает предложение как основную (базовую) синтаксическую и коммуникативную структуру. Другие знаки обозначают внутреннюю границу предикативных частей в рамках одного сложного предложения. Бессоюзие как вид синтаксической связи — отличительный признак типовых моделей БСП в языковой системе и их конкретных реализаций в речи. Соположение, будучи отношением отдельных предложений в сверхфразовом единстве (СФЕ), относится только к области речи [8]. Смысловые отношения при бессоюзии и соположении могут быть идентичными. Несмотря на формальную близость соположения предложений бессоюзному сочетанию предикативных частей сложного предложения, в структурной иерархии текста соположение выше, чем бессоюзие.

В БСП, которые являются единицами языка и речи, смысловая структуризация осуществляется в формальных границах синтаксической модели. СФЕ, объединяющее и соположенные предложения, структурируется прежде всего семантически. Между тем семантические границы СФЕ могут быть отмечены грамматическими и лексическими «формальными» сигналами.

² Во французских грамматиках этот термин используется для обозначения отдельного вида синтаксической связи (отношения), наряду с сочинением и подчинением [12, р. 107—109]. В специальных словарях этим термином обозначается соположение языковых единиц [4, с. 291] или же «...паратаксическое объединение элементов...» [1, с. 442].

³ Авторы *Grammaire Larousse* не различают бессоюзие и соположение и приводят примеры с линейным следованием предложений через точку [12, р. 107].

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Базанова С. И. О бессоюзном сложном предложении в современном французском языке // Романские языки: Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1956. Т. LII.
3. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1981.
4. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
5. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
6. Минкин Л. М. К вопросу о многоаспектности предложения и композиции языковой синтаксической системы // Иностр. языки в школе. 1980. № 4.
7. Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
8. Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. М., 1983.

9. *Русская грамматика*. М., 1980, Т. 2.
10. *Скелская Г. И.* Введение в синтагматику. М., 1979.
11. *Antoine G.* La coordination en français. P., 1959.
12. *Chevalier J.-C., Blanche-Benveniste C., Arrivé M., Peytard J.* Grammaire Larousse du français contemporain. P., 1964.
13. *Warthburg W. V., Zumthor P.* Précis de syntaxe du français contemporain. Berne, 1958.

Е. В. Морозова
Московский
полиграфический
институт

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ВИД ПИСЬМЕННОСТИ КАК ОСОБАЯ СИСТЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА

Дифференциация языка в зависимости от сферы его употребления общепризнана. Установление корреляций между коммуникативным типом сообщения (или текста) и его языковым выражением привело к вычленению речевых, или функциональных, стилей, представляющих собой своеобразные системные группировки, основанные на отборе, организации и реализации значений определенных лингвистических единиц. Основой языка как инструмента коммуникации является слово, «слово как смысловая единица языка, отражающая тот или иной кусочек действительности» [2, с. 24]. Исходя из этого для каждого стиля речи осуществляется свой особый отбор слов и их комбинации. Поэтому слово — главная коммуникативная единица языка выступает в качестве основного стилеобразующего элемента.

Наиболее общая классификация выделяет два класса слов: знаменательные и служебные. Из них первые обладают способностью обозначать предметы и явления окружающей действительности, что определяет их ведущую роль в формировании функционально-стилистического облика текста. В состав знаменательных слов традиционно включают четыре основные части речи: существительное, глагол, прилагательное и наречие. Данное деление имеет универсальный характер [3] и признается важным стилеобразующим фактором [4].

Функциональные стили сформировались сравнительно поздно, в национальный период развития языка. Современным функциональным стилям предшествовали функциональные виды письменности, понимаемые как «некая совокупность текстов, объединенных тематической и функциональной общностью» [5, с. 47]. При исследовании различных видов письменности предлагается объединить квантитативный (количественный) метод с описательным лексико-семантическим анализом материала. Данные статистического распределения знаменательных частей речи создают своего рода фон из непосредственно «качественно ориентированных симптомов» [1, с. 65], лежащих в основу лингвистической интерпретации полученных числовых результатов.

Соединение качественного и количественного анализа позволяет не только определить формальную (элементную) структуру функционального вида письменности, но и принцип связи между ее компонентами, т. е. представить системный характер коммуникативного ориентированного употребления языка.

Статистический анализ провансальской деловой письменности, представленной разнообразными административно-юридическими текстами XII—XIII вв., показывает преобладание в ней существительных, в среднем 62 %, соответственно глагол — 28 %, прилагательное — 3 %, наречие — 6 %. Процентное соотношение знаменательных частей речи практически не зависит от объема обследуемого материала (максимальная выборка — 10 000 словоупотреблений, минимальная — 3 000).

Среди существительных наблюдается обилие названий лиц и собственных имен. В одном из первых разделов юридического акта, называемом *suscriptio*, и в заключительной его части, *эсхатоколе*, поименно перечисляются лица, в интересах которых составлен данный документ: *...en Guillem Peire, bisbe de la cieutat d'Albi ac contrast et dissentio ab los cossols de la cieutat d'Albi, so es asaber am Peire Alludier, am W. de Montagut, am W. Rotgui ...* [9, p. 84]. Презентация лиц по качественным признакам практически не встречается, зато часты именованья по роду деятельности. При этом используются имена, образованные путем субстантивации причастий: *claman, suferat, elegit*. Самыми частыми существительными, обозначающими лица, являются *seigneur* и *ome*, два основных понятия в феодальной иерархии, первое из которых обозначает владельца (хозяина, сеньора), а второе является наименованием основной массы населения: *Si om del seignor fer ome de la vila o om de la vila fer lui, istar en devunt al regart del seignor* [8, p. 179].

Большим удельным весом обладает специальная лексика — юридическая терминология и номенклатурные обозначения. Среди последних выделяется группа названий различных форм земельной собственности как основного типа имущественного владения: *usufructaria, cens, alo, benefidi, feu*, виды владений, именуемые в зависимости от характера выплачиваемых податей. Общим названием имущества, выраженного в земельных угодьях и постройках (недвижимости), выступает *опог (honor)*, смещающее свое значение в текстах иной тематики в сторону большего абстрагирования: «почести», «достойное слово, речь». Большим числом лексических вариантов обладает понятие права: *costuma, usatge, lei, dreit, razo, jurisdictio, ban*. Границы его в социальной практике не имели достаточно четкого определения, и это нашло свое отражение в языке. Лексемы, достаточно широко трактующие данное понятие, изменяют свое значение в текстах иной коммуникативной направленности: *lei* — «закон», «всеобщий закон», также «вера» (в религиозной дидактике), также «правило» (в научной дидактике).

К особенностям глагольного сказуемого относится частое использование форм пассива, устраняющего семантический субъект действия, и конструкций с модальными глаголами *podre* и *dever*. Это обусловлено тем, что основное содержание рассматриваемых текстов состоит в определении обязанностей и регламентации действий лиц-адресатов: *Mar se alcus davant dich lairos ab sac o ab vaissel non poira pagar la dicba peinora, sera pausat al postel* [9, p. 96]. Лица-адресанты, приводящие приговор в исполнение, выделяются из общей ситуации организации правосудия.

Глагольно-именная перифраза, в целом характерная для языка представленного периода, часто выступает своего рода разъяснением к простому глаголу: *Cals es aquil persona qui pcomes, zo es qui fai promessios* [7, p. 214]. Подобное использование перифразы относится к маркированным, так как с его помощью кодификатор стремится полнее выразить понятие, недостаточно точно переданное глаголом.

Глаголы качественно детерминированного действия уступают в употребительности широкозначным глаголам *aver*, *faire*, *tenir*, *donar*, *prendre*, что связано с частым применением синонимических формул, основным компонентом которых являются данные глаголы: *Eu Bernartz et eu Guillems sui fil vendem e donam et ab aquesta present carta liuram als fraires del Temple ...* [6, p. 88]; *Le seigneur de Saint-Bonet dona et autreia al cuminal de Saint-Bonet ...* [8, p. 179]. Наиболее употребительны формулы передачи, владения и волеизъявления; они отражают разнообразные аспекты этих действий и являются неотъемлемым структурным компонентом средневекового документа (составляют клаузулы).

Основной тип наречий — детерминативные, качественные наречия практически отсутствуют. Единичны примеры оценочного употребления наречий: *fizelment gardaran los obventios del pont* [9, p. 95].

В вводной части параграфов и статей часто используются наречия времени: *E dissero mai si luinhc homes estrainh se madava ad Albi* [9, p. 86]. Многочисленны синонимические формулы со значением неопределенного времени: *per aras e per jasse, aras i so ni adenant i sserau*. Высокий удельный вес именно служебных наречий отвечает коммуникативным целям деловых текстов: наиболее полной детерминации действий в пространстве, времени в соотнесенности с другими действиями.

Прилагательных в исследуемых текстах в два раза меньше, чем наречий; деловые тексты — единственные, где наречие преобладает над прилагательным. Среди последних большинство представляют относительные прилагательные, содержащие обязательный информативный компонент высказывания; они выражают существенный специфический признак объекта, выделяющий его среди себе подобных: *gleisa romana, feu preveiril, notari*

public. Группа относительных прилагательных пополняется также за счет переосмысления качественных: *espatla vermelha*, *vielhs cossols* и *cosselhiers*. Часть прилагательных в сочетании с существительными образуют названия специфических объектов, определяемых как номены: *maiso cuminal*, *causa movabla*, *non movabla*.

В документах значительно чаще, чем в иных текстах, встречаются прилагательные со страдательным значением: *(ome) jutgador*, *(pa) vendedor*, *(ome) punidor*. Использование таких определений согласуется с расширенным употреблением пассивных форм глагола и представляет одну из характерных черт стилистического своеобразия юридических актов.

Употребление качественных прилагательных связано почти исключительно с формулами, синонимическими или клише. В последних таковым прилагательным выступает оценочное *bon*: *per bona voluntat e sas engan*, подтверждение честности намерений лиц, заключающих договор; *per zo que aquest do sio ferm et estbail* [6, p. 42] — синонимическая формула, подтверждающая прочность договора.

Анализ структурно-семантической реализации знаменательных частей речи в старопровансальских административно-юридических текстах выявляет структурирующую роль коммуникативного фактора. Предписывающие и регламентирующие функции деловых текстов определенным образом организуют языковые средства, влияя на их отбор. Предметно-понятийный характер содержания определяет преобладание номинативных единиц (существительных), среди которых наиболее разнообразны существительные конкретные. Имена признаков (глаголы, прилагательные, наречия) часто входят в состав формул — моделей, значение которых в целом обусловлено контекстным использованием, а не конкретным лексическим наполнением.

Таким образом, функциональный вид письменности выступает как особым образом организованное языковое употребление в типовой ситуации общения. Вычленение в старопровансальском языке функциональных видов письменности, в частности деловой письменности, позволяет говорить о его полифункциональности на данном этапе исторического развития.

1. Адмони В. Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений // Теоретические проблемы современного языкознания. М., 1964.

2. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. М., 1977.

3. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1968.

4. Матезиус В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

5. Семенюк Н. Н. Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. М., 1972.

6. *Les plus anciennes chartes en langue provençale*. P., 1952.

7. *Lo Codi*. Eine Jumma Codicis in provenzalischer Sprache aus dem XII Jh. Zürich, 1974.

8. *Coutume de Saint-Bonnet-le-Chateau* // Meyer P. Recueil d'anciens textes bas-latins, provençaux et français. P., 1877.

9. *Coutumes d'Albi* // Giraud c. Essais sur l'histoire du droit français au Moyen Age. P., 1846. T. 1.

А. Д. Огуй
Черновицкий
университет

СТАНОВЛЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ХРАБРЫЙ, МУЖЕСТВЕННЫЙ» В РАКУРСЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДОВ

Семантический анализ основных тенденций в развитии лексико-семантической группы (ЛСГ), поиск оптимальных методик для их определения представляет собой актуальную задачу исторической лексикологии и семасиологии. Предметом настоящего исследования является ЛСГ немецких прилагательных со значением «храбрый, мужественный» (в диахронии), а также сходные прилагательные восемнадцати индоевропейских и других языков. Работа проводилась на материале древневерхненемецких, средневерхненемецких и ранненововерхненемецких (далее соответственно ДВН, СВН, РНВН) источников, объем выборки 5,6 млн. слов.

Метод исследования можно назвать комплексным: он включает элементы описательного, сравнительно-исторического и типологического методов, применяемые и при изучении цельной лексической системы [1]. Подобный подход позволяет провести более глубокий анализ системного развития слов в каком-либо языке (на основании реконструкции лингвистических фактов посредством сравнительно-исторического метода), а результаты, полученные на материале этого языка, могут обогатить лингвистику пониманием еще одной типологической особенности лексического развития.

Для определения семантических тенденций в развитии ЛСГ нами проанализировано на подготовительном этапе около 500 микроконтекстов 17 прилагательных. Затем была установлена семантика исходных форм языковых единиц, т. е. их этимологические значения [3] и семантическая структура исследуемых слов с набором основных сем. Кроме того, на подготовительном этапе исследования были реконструированы основные семантические процессы между компонентами группы: притяжение, давление, отталкивание [2]. При этом на ЛСГ определенное влияние оказывал и экстралингвистический фактор — система общественной идеологии, ориентирующая лексику на отражение новых моральных ценностей.

В результате проведенного анализа было установлено, что в ДНВ-периоде (750—1050 гг.) характеристика «мужественный» передавалась тремя различными способами:

— прилагательными с недифференцированной семантикой, указывающей на выражение высших личностных качеств (guot) со схемой семантического развития этимологического значения «пригодный, подходящий» — «такой, каким следует быть в бою» — «мужественный»;

— прилагательными со значением «сильный» — «мужественный»: elanhaf^ht, kreftig^h, fasti, strangi;

— прилагательными, восходящими к самому денотату — лицу (gomali^h — thegan^hli^h, т. е. кальки лат. virilis со значениями этимонов gomo-thegan: лицо-воин), напр.: er ist ellens guat und nuola quekes muate [Otfrid, I, 57]; sîn selbes creftig ellen [M. Capella, 112, 6]; mit komelichen worten [Boetius, 5]; uuanda sie [apostoli] gomelicho an imo [Christo] uuârun [Notker. 132, 2].

Первые два пути развития лексемы, трактовавшие внешнюю сторону проявления мужества, не смогли утвердиться в истории немецкого языка. Так, ДВН guot уступает в средневековой куртуазной литературе (1200—1220) давлению прилагательных v^umt (со значением «первый») и biderbe (со значением «нужный»), которые, обладая смежной семой «такой, каким следует быть рыцарю в бою», утвердились в значении «мужественный», напр.: die biderben sturben alle [Nibelungenlied, 2071, 3].

Следует также отметить, что сходным образом развивалось и англосаксонское forma («первый») и старофранцузское proz (к ром. *prodis — «нужный, полезный»). Однако с утратой рыцарством своего общественного положения сфера употребления немецких прилагательных изменяется; на основании смежной семы и системной потребности они приобретают значение «такой, каким следует быть истинному верующему», «богобоязненный»: der hat eins pidern mannes muot, wer Got furicht [Teichner, 251, 7].

Другие прилагательные, выражавшие также внешнюю характеристику «сильный, мужественный» (СВН ellenthaf^t; ellent^riche, ellentliche; (ge)streng^e, veste), сохранили в рыцарской литературе ведущие позиции лишь до утверждения куртуазного идеала «mâze» — меры в личностных чертах и поведении героя. Сходный путь развития прослеживается и в лат. fortis, ср. fortitudo — «доблесть», ст. фр. fort, исп. valiente, valeroso («здоровый»); firme («стойкий»). Немецкий язык (как и большинство других языков) выбрал третий путь образования прилагательных со значением «храбрый, мужественный» — от обозначений лица. Вследствие этого притяжение и противоборство ДВН gomali^h — thegan^hli^h продолжалось и в СВН-оппозиции degenlich (haf^t) — werlich (haf^t) — manlich (haf^t).

В куртуазной литературе (1200—1220 гг.) последние из вы-

шеуказанных компонентов ЛСГ отличались наибольшей употребительностью, поскольку их этимон Манн включал в свою структуру семы «мужчина» и «муж, воин». В ряде неиндоевропейских прилагательных до сих пор сохранилось некоторое противоборство этимонов, ср. венг. *ferfias-bator*; тур. *erkek-jigit*.

Следует отметить, что большинство германских языков пошло по пути образования производных от основы этимона Манн (см. дат, швед., норв.: *man(d)haftic*, англ. *manly*). Это же относится и к славянским языкам (рус. *мужественный*, укр. *мужній*, срб. *мѹжеван*, болг. *мѹжествен*, пол. *mezny*; чеш. *mužny*; *zmužily*). В романских языках, кроме дериватов от исконных этимонов (рум. *bărbat* (-esc), (-toc), исп. *varonil*), используется и заимствованная латинская форма *viril*(e).

Параллельные германские формы на *-haft(ic)* и *-lich* специализируются в различных языках, согласно сложившимся в них интралингвистическим условиям, т. е. системным парадигматическим и синтагматическим отношениям. В середине XIII в. значение «храбрый, мужественный» (о воине) выражает форма *manhaft*, частично отеснившая родственное *manlich* на определение абстракций: *den sege hâte he gewunnen mit manlicher deginheit* [Oberge, 1671]; *zuo aller ir kraft, so sint si ze manhaft daz in iemer dehein man den sige müge behalten an* [Iwein, 6374].

Данный процесс полностью завершился только в РНВН (XV—XVII вв.), когда *manchaft* выражало значение «храбрый, мужественный», а *manlich* возвратилось вследствие отталкивания к семам «мужской по половым признакам», «мужественный» (телом), «такой, каким следует быть мужчине»: ... *daz Montfort ein ritterlicher mannhafter man gewesen ist* [Schwäbische Chronik, 18]; *doch ist zu manlich sein gesicht* [Weckerlin, 23, 8].

Сходная дифференциация форм наблюдалась и на материалах других германских языков: гол., швед., норв. *man(d)haftic* обладают значением «мужественный», в то время как параллельные формы (за исключением датск. *mandig*) приобрели значение «мужской по половым признакам» (см. англ. *manly*, гол. *manlijk* и т. д.).

В итоге внешние по форме проявления физические качества перестают ассоциироваться с понятием «мужественный». Более того, в семантической структуре *manhaft* начинает выделяться вследствие воздействия экстралингвистического фактора и первоначально нетипичные для него семы «мужественный духом», «мужественный характером». Однако дальнейшему развитию значения препятствует связь с конкретным этимолом Манн. Поэтому в конце XVI — начале XVII вв. прилагательное *manhaft* несколько уступает давлению экспрессивных *darfer* («тяжелый») и *mutig* («расположенный»), более точно выразивших новое содержание старой категории «мужественный»: *der notfesteste und tapferste Held* [Simplizissimus, 1, 268]; *ein ser junger degen*

so mutig ward und so verwegen, das er sein Leben wolt dran wagen [Froschmäuseler, 1, 30].

В итоге *dapfer* стало передавать семы «сохраняющий выдержку, стойкость в опасности», а отсюда «храбрый», «мужественный», в то время как *mutig* выражало дифференциальные семы «обладающий свойственным мужчине расположением духа», вследствие чего *manhaft* становится к концу XIX в. малоупотребительным архаизмом.

Подобный процесс затронул все германские языки: форма *man(d)haftic* в датском и норвежском языках не только устарела, но и приобрела негативную коннотацию «мужеподобный». В остальных же языках производное от *Man* уступает доминирующую позицию либо национальным эквивалентам нем. *mutig* и *dapfer* (см. гол., норв., дат., швед. формы), либо соответствующим заимствованиям из французского (см. англ. *brave*, *coourageous*). Подобное явление может иметь следующее объяснение: сосуществование членов системы и их этимонов различно в каждом отдельном языке. Так, если в финском языке прилагательные *miehullinnen*, *miehekäs* абстрагируют свои значения за счет некоторой фонетической отдаленности от существительного *mies*— «муж, мужчина», то в большом количестве индоевропейских (особенно германских) языков происходит частичная замена старой лексики новыми компонентами ЛСГ, обладающими другим этимологическим значением, менее конкретной внутренней формой. Сходная тенденция к более абстрактному содержанию прилагательного прослеживается и в сербском языке, где *srčan* («имеющий мужественное сердце») оттолкнуло конкретное *мужеван* (ср. также РНВН *beherzt*, *geherze*, *herzehaft* со значением «имеющий мужественное сердце»; НВН *mutig* со значением «преисполненный мужественного духа», «расположенный»).

Таким образом, комплексное применение элементов описательного, сравнительно-исторического и типологического методов позволяет выделить определенные закономерности в развитии группы немецких прилагательных со значением «храбрый, мужественный», характерным также для многих других языков: в основе семантики ДВН прилагательных, выражавших понятие «мужественный», лежали три признака «сильный», «хороший» и «мужской», первые два из которых оказались отвергнутыми уже в XIII в. в силу объективных и интралингвистических причин.

Семантическая структура прилагательных, образованных третьим способом, изменилась в ходе исторического развития от выражения внешней характеристики «мужественный видом, поведением» (750—1350 гг.) к внутренней каузативной «мужественный духом, характером» (XVI в.). В результате этого последовала замена конкретных слов *manlich*, *manhaft* более

абстрактными *mutig, dapper*. Аналогичные процессы с учетом национальной специфики языковых систем наблюдались и в других языках.

1. *Кодухов В. И.* Методы языкознания // *Кодухов В. И.* Общее языкознание. М., 1974.

2. *Левицкий В. В., Пелевина Н. Ф.* О внешних и внутренних факторах семантических изменений // Материалы XIX научной сессии. Черновцы, 1963.

3. *Маковский М. М.* Что такое этимология // Иностр. языки в школе. 1986. № 1.

Н. В. Пестова
Свердловский
пединститут

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА В ГРАММАТИКЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

По замечанию Л. А. Булаховского, «никогда, ни в какую эпоху не были и не могли быть использованы до конца все формальные возможности, предоставляемые языком» [2, с. 130]. Заполнению «пустых клеток» системы языка, устранению дефектности парадигм тех или иных языковых единиц препятствуют требования языковой нормы. Эти требования накладывают жесткие ограничения на возможности формо- и словообразования, образования и употребления различных синтаксических конструкций, на реализацию семантической избирательности и синтаксической валентности и другие грамматические аспекты. Соотношение системных и нормативных языковых единиц иначе можно представить как соотношение возможного и действительного в языке. Лингвистический опыт убеждает, что система языка допускает больше материальных реализаций, чем отображено и закреплено традицией в данном обществе (данной литературной норме). В диалектическом противоречии возможного и действительного в языке кроется природа всякого языкового творчества, появление новаций самого различного характера.

Сферой наиболее полной реализации потенциальных возможностей, заложенных в системе языка, по общему признанию, является поэтический текст. Коммуникативно-прагматические особенности поэтического текста таким образом определяют его языковой облик, что он в значительной степени отличается от всех других сфер коммуникации, где арсенал языковых средств весьма ограничен.

Поэтическая речь — категория эстетическая и поэтическая, она, по мнению В. В. Виноградова, во всех своих трансформациях «сохраняет одну и ту же основу, состоящую в максимальном и всестороннем использовании всех качеств языка и речи на всех структурных уровнях в эстетическом плане» [3, с. 207], «язык нужен поэзии весь, всесторонне и во всех своих моментах» [там же, с. 46]. Поэтическая речь создает свои позитивные

языковые ценности, расширяющие семантические возможности языка и превращающие речь в язык искусства. Именно в поэтической речи с предельной полнотой воплощаются смысловые потенции языка, не реализованные в других языковых сферах.

Функциональное предназначение поэтической речи заключается в том, чтобы служить языком искусства. Эта функция определяет особые черты организации поэтических текстов. Среди них нужно отметить, прежде всего, специфическую емкость потенциально любого элемента, необычайную сгущенность поэтических формулировок, передающих внутренний опыт. Сравнительно большая программа стремится к осуществлению в самых жестких рамках минимума текстового пространства, «в величайшей тесноте и скученности, тесноте стихового ряда» [7, с. 66]. Лаконизм и высокая информативная насыщенность поэтического текста, способность передавать большой объем информации в небольшом по размерам тексте — одно из существеннейших внутренних требований, предъявляемых к поэтическому тексту.

Эстетическое воздействие всякого художественного произведения базируется на особенности нашего мышления, заключающейся в способности воспринимать действительность сразу в нескольких плоскостях (так называемое бисоциативное мышление). Одновременно актуализируется буквальное и переносное значение, происходит их переосмысление, ведущее к особой образности. Возникновению дополнительной информации способствуют различные сдвиги в значении слов, многочисленные приращения смысла, нестандартное формообразование и словопотребление.

Творческий характер высказывания в поэтическом тексте обретает особую ценность и значимость. Требование новизны возникает именно потому, что поэзия, как и всякое искусство, есть специфическая форма познания, соотношение известного и неизвестного. Новое в поэзии утверждается в процессе изменения общезначимого, в соотношении традиции и новаторства.

Ассоциативность творчества и восприятия заложена в самом существе поэзии. Это ее качество реализуется в метафоричности как органическом свойстве мышления всякого большого поэта. По выражению Б. Пастернака, метафора — «стенография духа большой личности», это не узуальный знак, несущий готовое понятие, а «мгновенное озарение» [цит. по: 4, с. 141]. Эта ассоциативность мышления, выражающаяся в неожиданных, смелых образах, метафорах, взламывает рамки самых жестких правил, в том числе и грамматических, не признает никаких ограничений внутри них и тем самым порождает огромное количество поэтических окказионализмов на уровне слова, словосочетания и предложения, ставших неотъемлемым атрибутом поэтического текста, своеобразным маркером, отличающим его от любого другого текста.

Одним из примеров широкого языкового творчества в грамматике поэтического текста может служить область аффиксального словообразования (отнесение словообразования к грамматике возможно на том основании, что оно тоже моделируется и имеет в грамматике свои синтаксические параллели), которая изобилует окказиональными единицами. Наиболее ярко и убедительно системность грамматических окказионализмов проявляется в так называемых потенциальных словах. Под ними понимаются слова, создаваемые постоянно по весьма продуктивным моделям с четкой семантической мотивированностью, с закономерной сочетаемостью элементов, но не обязательно зарегистрированные в словарях [6, с. 181]. Потенциальные слова представляют собою нестандартное заполнение традиционных моделей, регулярно реализующихся в системе языка. Их появление есть ни что иное, как заполнение «пустых клеток» системы, источник развития и обогащения языка. Кроме того, существование и функционирование потенциальных слов убедительно говорит в пользу того, что система языка значительно шире его нормы — тезиса, который, как известно, по-прежнему дискутируется советскими и зарубежными лингвистами.

Проиллюстрируем изложенные теоретические положения стихотворными примерами из современной немецкой поэзии.

Schwer wie Gold lag das Licht über der Juliflur.
Aus verschwiegenem Strom grüßte der Widerschein;
Und die Berge umfingen
Treu des Tales *umgrünte* Trift.
(E. Sieburg)

Das Mühlenwehr ging nieder;
Und wie ein Spiegel staut
Der sanfte Strom sich wieder,
Vom Himmel ganz *umblaut*.
(E. Sieburg)

Schnee *ummantelt* noch junges
Blatt im hinsterbenden Ast.
(G. Schramm)

Ich weiß, sooft mein Denken mißt
wie tief, wie lang, wie weit —
du aber bist und bist und bist,
umzittert von der Zeit.
(R. M. Rilke)

Der Juni, ganz im Golde,
Umzittert Blatt *um* Blatt,
Das auf den Glast die holde
Rose gebreitet hat.
(E. Sieburg)

Поэтические окказионализмы *ummanteln*, *umblauen*, *umgrünen*, *umzittern* построены по модели с абсолютно прозрачной грам-

матической и лексической семантикой по аналогии с глаголами типа *umgängen* («окружать кольцом, обступать»); *umgauschen* («шуметь вокруг»); *umnebeln* («покрывать туманом, окутывать»); *umleuchten* («освещать со всех сторон»); *umgürten* («опоясывать»), которые содержат сему «действие, происходящее вокруг предмета, или производимое вокруг него» (носителем ее является префикс *um-*). Такие поэтические окказионализмы с полным правом можно рассматривать как потенциальные слова.

Особенно выразительной представляется форма *umzittern*. В ней ярко реализована характерная для поэзии ассоциативность творчества и восприятия. Образ дрожащего на ветру листа становится толчком к грамматической метафоризации. Стилистический потенциал структур такого типа является результатом сочетания аффиксов с непривычными для них основами. Осмысление подобных структур происходит путем ассоциативного домысливания из контекста с помощью процедуры, которую Н. Н. Золина, исследовавшая принципы ненормативной комбинаторики в поэзии английских авторов О. Хаксли и Д. Томаса, назвала трансформацией семантического развертывания [5, с. 20]. Именно благодаря такому развертыванию становится зримым и реальным образ человека, окруженного трепещущим временем (*umzittert von der Zeit*). Таким же богатым ассоциациями становится окказионализм *j-m etw. vorschweigen*, созданный по аналогии с глаголом *etw. vorsagen* в поэтическом отрывке:

...der Magister
wartet, *schweigt*
einer Knospe
das Blühen
vor.
(J. Börner)

Его без труда можно интерпретировать как «молчаливое предсказание цветения».

Как потенциальное слово можно рассматривать и глагол *forttönen* в следующем стихотворном примере:

die verklungenen Romanzen
tönen fort —
das sagt man so.
(R. Malkowski)

Использование префикса *fort-*, за которым закреплена совершенно конкретная грамматическая семантика («удаление, отдаление»), в нетипичной для него комбинации порождает ряд новых ассоциаций, акцентирует значение интенсивности действия, результативности, усиливается экспрессия.

По такому же принципу построены следующие поэтические окказионализмы:

Windpeitsche schlägt Schnee
um schwarzgespitzte Ohren
entsommerter Bäume.
(G. Schramm)

Dann schimmert wie Erleuchtung grün, und eine Seejungfrau
spielt in den Schichten wie mit leichten Bällen,
schwimmt still davon, *entsternt*, enttrohnt.

(W. Scholz)

Очевидно, что глаголы *entsommern*, *entsternen* представляют собою системные окказионализмы, созданные по продуктивной словообразовательной модели, по аналогии с такими глаголами, как *entblättern* («лишать листьев»), *entblößen* («обнажать, оголять»), *enttrohnen* («свергать с престола»), *entfesseln* («освобождать от цепей») с общей для всех семантикой «лишить кого-то, что-то чего-либо», заключенной в префиксе *ent-*.

Словосочетание *entsommerte Bäume* емко и образно воссоздает картину унылости голых и темных деревьев поздней осенью; *eine entsternte Seejungfrau* воспринимается как развенчанная, лишенная ореола величия и таинственности женщина.

Подобные новообразования обладают способностью к высокой степени компрессии, отвечая коммуникативно-прагматическим требованиям поэтического текста. Интересным примером использования такой краткой поэтической формулы для создания яркого образа, глубокого смысла и сильного эстетического воздействия может служить стихотворение П. Цаля, посвященное героизму поэтов Пабло Неруды и Назыма Хикмета. Стихотворение построено на многократном повторении глагола *vernienanden*.

War Dichter nur bewaffnet mit seiner Stimme
seiner Liebe
der Träger des Lebens
also des Widerstandes
Aber die *vernienanden* sie
die die singen...
(P.-P. Zahl)

Окказиональный глагол *vernienanden* — точно найденное слово, означающее «унизить», «морально уничтожить», «обезличить».

Такой же яркой образностью обладает существительное *die Gefühlin* («подруга, чувствующая так же, как ты») в стихотворении Р. М. Рильке «Седьмая элегия». В составе существительного префикс *ge-* присоединяется как к субстантивным, так и глагольным основам. Такое существительное может иметь собирательное значение или означать действие и его результат, а также человека, производящего данное действие или связанного с ним, при некотором оттенке совместности. Опираясь на семантику этого префикса, поэт создает окказионализм, полный внутренней экспрессии, драматизма, отличающийся компактностью и поражающий точностью.

Очевидно, что во всех приведенных новообразованиях строго соблюден критерий понятности — непременно условие всякой коммуникации. Подобные окказиональные единицы повторяют структуру и семантику общеупотребительных нормативных слов, хотя и образованы на базе других производящих основ. Будучи уникальными и встречаясь, как правило, в творчестве одного поэта, они тем не менее являются системными, так как соответствуют по структуре продуктивным моделям современного литературного языка и закономерностям их заполнения. Существование и функционирование таких единиц демонстрирует творческую мощь языка, его неиспользованные резервы.

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Киев, 1952. Т. 1.
3. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
4. Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978.
5. Золина Н. Н. Полуотмеченные структуры и их стилистические функции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977.
6. Степанова М. Д., Фляйтер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М., 1984.
7. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М., 1965.

Н. А. Пирогов
Свердловский
пединститут

ФУНКЦИОНАЛЬНО- СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ДИАЛЕКТАХ

В настоящей статье рассматриваются функционально-синтаксические синонимы, служащие для выражения обстоятельства цели в литературном немецком языке и в нижненемецких диалектах. Изучение синонимичных конструкций позволяет установить общее и различное в их значении и функционировании. Для определения употребительности каждого из синтаксических синонимов цели использовались количественный и сопоставительный методы. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания немецкого языка в школе и вузе, а также для создания контрастивной грамматики литературного немецкого языка и нижненемецких диалектов.

Важнейшие критерии синонимичности синтаксических единиц — общность их синтаксической функции и разноструктурность этих единиц [см.: 3, 4, 5, 7, 10]. Мы исходим из определения грамматических синонимов как «разных грамматических структур или моделей, имеющих близкое значение или выражающих однородные отношения и связи между явлениями реальной действительности» [7, с. 8].

Изучению синтаксических конструкций, служащих для выра-

жения обстоятельства цели в литературном немецком языке, посвящено несколько работ [1, 2, 5, 6, 9]. Авторы, как правило, выделяют четыре средства выражения целевой характеристики действия: сложноподчиненные предложения с придаточным цели, инфинитивный оборот с *um ... zu*, зависимый инфинитив с *zu*, отглагольное существительное с предлогом *zu*.

Для сопоставительного исследования способов выражения обстоятельства цели было взято 200 примеров из произведений современных немецких авторов и 100 предложений из современной нижненемецкой диалектной литературы. Оказалось, что кроме перечисленных конструкций обстоятельство цели может быть выражено бессоюзным сложным предложением, зависимым инфинитивом после глагола движения, а в диалектах еще и конструкциями *un + Infinitiv*, *un + wollen + Infinitiv*. Частотность употребления синонимичных синтаксисов для выражения целенаправленности действия распределяется в литературном языке и в диалектах следующим образом:

Синтаксемы	Форма существования языка	
	Литературный язык, %	Диалект, %
<i>damit</i>	9,5	—
<i>daß</i>	1,0	67,0
ВСП	0,5	17,0
<i>um + zu + Infinitiv</i>	87,5	—
<i>zu + Infinitiv</i>	1,5	5,0
<i>zu + Substantiv</i>	—	2,0
<i>Infinitiv</i>	—	3,0
<i>un + Infinitiv</i>	—	4,0
<i>un + wollen + Infinitiv</i>	—	2,0

Как показывают данные, для выражения обстоятельства цели в литературном немецком языке чаще всего употребляется инфинитивный оборот *um + zu + Infinitiv* (87,5 %), который появился в нововерхненемецком языке в XVI в. [7, 8]. При этом субъект действия синтаксемы *um + zu + Infinitiv*, как правило, совпадает с субъектом главной части предложения [1, 9]: *Man müßte ein Balsac sein, um so etwas zu bewältigen* (M. Bruns); *Um sie verwirklichen zu können, brauchte er Pluspunkte, viele Pluspunkte* (K. H. Weber).

Зависимый инфинитив с *zu* выступает в той же функции, однако значительно реже (1,5 %), напр.: *Die Lektorenbrigade ist eingeladen, zu ernten* und *körbewise Äpfel mitzunehmen* (M. Bruns).

Целенаправленность действия может быть выражена также

императивным бессоюзным сложным предложением, причем в первой части употребляется глагол движения: *Geh in die Badestube, probier sie an* (M. Bruns). Это предложение легко трансформируется в простое предложение с инфинитивным оборотом *um + zu + Infinitiv*; *Geh in die Badestube, um sie anzuprobieren*.

Для выражения обстоятельства цели в литературном немецком языке употребляется придаточное предложение с союзом *damit*, как правило, в том случае, если носители действия главной и придаточной части различны, т. е. при разносубъектности главного и придаточного предложений [2, 9]. При этом в придаточном предложении употребляется как индикатив, так и конъюнктив: *Sie zogen vom Waldsaum ab ins Innere, damit niemand sie einholen konnte* (A. Seghers); *Ich wartete jetzt ein paar Minuten, damit die beiden sich vollends aussprechen könnten* (A. Seghers).

Придаточное предложение цели с союзом *damit* при равносубъектности обеих частей сложного предложения используется редко, обычно в тех случаях, когда главное предложение выражает просьбу, приказание: *Beeilen Sie sich, damit Sie da sind, wenn der Gaudillo in die Hauptstadt einzieht* (M. Bruns).

Союз *daß* (auf *daß*) в современном немецком языке употребляется в придаточном цели лишь sporadически (в четырех случаях из ста): он все больше вытесняется союзом *damit* [9], напр.: *Ich wollte, du wärest endlich mit dem Jeremias Gotthelf fertig, daß mir bloß die Schweiz aus dem Hause kommt* (M. Bruns).

Сопоставительный анализ литературного немецкого языка и нижненемецких диалектов позволил выявить ряд особенностей, свойственных нижненемецким диалектам при выражении обстоятельства цели. Во-первых, в диалектах полностью отсутствуют придаточные предложения с союзом *damit* и инфинитивный оборот *um + zu + Infinitiv*. Основным средством выражения целенаправленности действия в диалектах служат в гипотаксисе придаточные предложения с союзом *dat* (67 %), причем носитель действия в главной и придаточной части может быть один и тот же (в семи случаях из десяти), напр.: *Un do mutt he al Nach un Dag föhren, dat he man to rechter Tied hen to Hus kümmt* (W. Wissner); *Ik schull noch'n beten wedder na School gahn, dat ik noch'n beten toleern do* (Idem). В трех случаях из десяти главное и придаточное предложения разносубъектны, напр.: *Un se stell sick glik vör de Bank, dat keeneen no ehrn Jungen rankommen kunn* (R. Kinau); *Un denn harr se mi een Büdel Appeln mitgeven, dak ik ünnerwegens ok jo nich verhungern dä* (G. Münster).

На уровне сложного предложения целевые отношения в диалектах часто находят свое выражение в бессоюзных сложных предложениях, как в повелительных, напр.: *Fro, kumm her, wi wüllt na Huus* (F. E. Peters); *Kumm, Gustav, wi Söökt em!*

(К. Hansen), так и в повествовательных: Ehr Söhn Fiete woer losschickt, he schull dat Paket na'n Dokter bringen (E. Delfs-Hansen); De Preester müß em dat vun de Seel nehmen, dorto weer he dar (F. E. Peters).

В исследуемых диалектах бессоюзные сложные предложения употребляются для выражения цели значительно чаще (17 %), чем в литературном немецком языке (0,5 %).

Характерной чертой нижненемецких диалектов является использование чуждых литературному языку конструкций *un + Infinitiv*, *un + wollen + Infinitiv* для обозначения обстоятельства цели, напр.: *Fuldwat, du kunns noch mal hen na'n Slachter gahn un hal'n mi'n beten Fleesch* (W. Wissner); *Un do ritt he vorstom hen to hus un will Hölp hal'n* (Idem).

В нижненемецких диалектах, как и в литературном немецком языке, для выражения обстоятельства цели используются:

— зависимый инфинитив без *to* (= *zu*) после глаголов движения: *Mit twee Mann sitt op'n Woogen un föhrt in't Moor, Törf hoolen* (W. Hartung);

— зависимый инфинитив с *to* (= *zu*): *Un denn hebbt wi uns an een klaren Winterdag op'n Padd maakt, unsen Boom to halen* (F. E. Peters);

— предложная группа, состоящая из предлога *to* и субстантивированного инфинитива: *An'n Obend kummt Unkel Hörby to'n Bekieken vun sien neen Verwandten* (W. Hartung).

Немецкий литературный язык и нижненемецкие диалекты существенно отличаются друг от друга набором синтаксических конструкций, служащих для выражения обстоятельства цели. В литературном немецком языке самым употребительным является инфинитивный оборот *un + zu + Infinitiv*, второе место занимают придаточные цели с союзом *damit*, в нижненемецких же диалектах эти синтаксические конструкции отсутствуют полностью. Самым типичным средством выражения цели в диалектах является гипотаксис с придаточным предложением, вводным союзом *dat*, вторыми по частотности следуют бессоюзные сложные предложения. Отличительная черта нижненемецких диалектов — использование для обозначения обстоятельства цели чуждых литературному языку конструкций *un + Infinitiv*, *un + wollen + Infinitiv*.

1. Дубровская С. А. Функционально-синтаксические синонимы цели в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.

2. Кустова Н. И. Придаточное предложение цели, инфинитивный оборот с *un...zu* и предложная конструкция как лексико-грамматические синонимы в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1976.

3. Маковский М. М. Роль синонимии в развитии грамматической структуры языка // Вопросы языкознания, грамматики, лексикологии и стилистики: Уч. зап. МГПИИЯ. М., 1961. Т. 25.

4. Матвеева Н. Н. К вопросу синонимии синтаксических единиц // Структурные особенности разговорной речи. Иркутск, 1964.

5. *Фирсова Г. М.* Выражение цели в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 1968.
6. *Шварц М. В.* Инфинитивная конструкция *im...zu* и ее синонимы в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
7. *Шендельс Е. И.* Синтаксические варианты // Филол. науки. 1962. № 1.
8. *Ярцева В. Н.* О грамматических синонимах // Романо-германская филология. М., 1957. Вып. 1.
9. *Flämig W.* Untersuchungen zum Finalsatz im Deutschen (Synchronie und Diachronie): Sitzungsberichte der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1964.
10. *Grundzüge einer deutschen Grammatik.* Berlin, 1981.

Н. А. Плещев
Свердловский
пединститут

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ДЕРИВАТОВ В АДВЕРБИАЛЬНЫХ ПОЗИЦИЯХ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из трудных вопросов, рассматриваемых в германистике, является вопрос о положении класса слов типа *ketzerisch*, *republikanisch*, *parteiisch*, *haushälterisch* в системе частей речи немецкого языка. В решении этого вопроса мы опираемся на концепцию, изложенную в ряде работ В. Г. Адмони. Сущность этой концепции состоит в утверждении тождества слова, которое в разнообразии его речевых реализаций предстает как в синтаксических позициях и морфологических формах, свойственных имени прилагательному, так и в синтаксических позициях, свойственных наречию. В основе этой концепции лежит представление о полевой структуре отношений между грамматическими явлениями в строе языка. Характеристика определенных разрядов языковых образований как промежуточных (образ общего сегмента двух пересекающихся полей, по В. Г. Адмони) позволяет в затрагиваемой здесь сфере отказаться от жесткого принципа однозначной частеречевой квалификации речевых «экземпляров» слова, тождественных в плане лексико-семантическом, а также в плане обобщенного грамматического значения — значения признака, несмотря на различия их синтаксических позиций и отчасти их морфологического оформления. Данный подход и данное решение проблемы распространяется и на область отсубстантивных относительных дериватов. Термин «относительное наречие» в связи с этим носит условный характер: он указывает не на однозначную принадлежность соответствующего разряда слов к части речи «наречие», а лишь на определенные признаки, свойственные отсубстантивным относительным дериватам при их синтаксическом подчинении глаголу, причастию или прилагательному.

Анализ относительных наречий, отобранных путем сплошной

выборки из текстов научной и художественной литературы и периодических изданий 1750—1800 гг., выявил некоторые особенности с точки зрения их словообразовательных форм и источников пополнения состава этого разряда, а также в плане их синтаксического «поведения», смысловой структуры и синтагматических связей [1]. Рассмотрим эти особенности.

Относительные наречия являются суффиксальными производными. В их образовании участвуют как исконно немецкие, так и заимствованные суффиксы: *-isch*, *-lich*, *-mäßig*, *-weise*, *-iv*, *-ell*, *-al*, *-ar*, *-os*. Наиболее употребительными являются суффиксы *-isch* и *-lich*. Относительные наречия (ОН) представлены следующими словообразовательными типами: суффиксальные производные от простых (некомпозитных) основ, от основ сложных существительных, принадлежащих словарному составу, от сложных субстантивных основ, возникающих одновременно с суффиксальной деривацией ОН, от сложных основ на базе словосочетаний (тип «сращения»).

Морфологически все ОН маркированы неизменяемостью, что можно характеризовать как их бесфлективность (в отличие от «краткой формы» прилагательного, которую есть все основания подводить под понятие «нулевой» формы флексии). Относительные наречия не имеют четких морфологических признаков, поэтому формально характеризуются синтаксическими позициями и связями. Изучение значительного объема текстов второй половины XVIII в. показало, что ОН употребляются в качестве зависимых членов глагольных, причастных и адъективных групп. В предложении ОН могут выступать и в синтаксической группе глагола и, являясь членом причастной и адъективных групп, могут оказаться в составе развернутой группы существительного. Большинство ОН (87,6 %) употребляются в глагольной группе, в основном в функции обстоятельства.

Лексико-семантическая классификация ОН затруднена. Связано это с тем, что, во-первых, выделяемая в ОН субстантивная основа характеризуется диффузностью лексического значения, во-вторых, само лексико-семантическое содержание субстантивных основ, представленных во всем корпусе ОН, разнообразно. С некоторыми оговорками можно выделить определенное число лексико-семантических групп, которые характеризуются относительно однородными признаками: ОН от нарицательных имен лиц (*caiserlich*, *slavisch*); ОН от имен собирательных совокупностей лиц (*gesellschaftlich*, *sozialistisch*); ОН-«анимализмы» (*tierisch*, *hündisch*); ОН от географических названий (названий городов, стран, регионов, а также от этнических имен лиц) (*zürcherisch*, *gothisch*) и т. п.

В связи с предметно-относительным характером семантики ОН необходим учет их синтактико-семантических связей в предложении, в которое они включены. Среди многообразия предметных отношений, выражаемых сочетаниями ОН и слов, которым

ОН подчинены в рамках соответствующих синтаксических групп, выделяются: а) агентивное отношение (*fürstlich, anrichten*); б) инструментальное отношение — орудие, средство, способ осуществления действия (*barometrisch bestimmen*); в) объектное отношение (*eine Sache richterlich ankommen lassen*); г) отношение предметно-понятийной идентификации (*der christlich geachtete Mann*); д) отношение соответствия (*ketzerisch lehren*); е) локальное (*die kirchlich umgrenzte Frömmigkeit*) и т. д.

Для определения основных тенденций развития ОН в направлении к современному языковому состоянию мы произвели выборку фактического материала из текстов, которые были изданы в период с 1950 г. по настоящее время, и выполнили анализ ОН в тех же аспектах их словообразовательных, синтаксических и семантико-функциональных характеристик.

Сопоставляя полученные данные по обоим хронологическим срезам, прежде всего следует отметить, что принципиально новых в качественном отношении явлений в сфере ОН современное языковое состояние по сравнению с первым этапом новонемецкого периода, за исключением некоторых малозначительных частных, не содержит. Тенденции развития носят характер количественных изменений и перераспределений. Прежде всего, бросается в глаза значительный общий количественный рост употреблений ОН (более чем в 2,5 раза), возросла частотность ОН в отношении к соизмеримым объемам текстов. Поскольку учитывалось распределение текстов по трем основным жанрово-стилистическим разновидностям (научно-технические тексты, газетные и журнальные тексты, художественная литература), установлено, что возрастание частотности ОН происходит более или менее равномерно во всех этих текстах. Вместе с тем довольно значительно изменяются количественные соотношения в употреблении ОН, образованных от субстантивных основ конкретно-предметного и субстантивных основ абстрактного семантического содержания. Это устанавливается не путем прямого деления основ ОН на две категории, поскольку во многих случаях по объективным причинам отнесение того или иного ОН в одну из категорий затруднено. Косвенным же образом на упомянутую тенденцию развития указывают следующие факторы, действие которых поддается количественным измерениям: 1) в массиве ОН сокращается удельный вес образований с суффиксом *-lich*, характерных прежде всего для немецких по происхождению основ, среди которых значительно выше доля основ с конкретно-предметными значениями; напротив, возрастает удельный вес как ОН с иноязычными суффиксами, так и ОН с суффиксом *-isch*, где значительно шире представлены основы абстрактной семантики; 2) в современном языке отмечается примерно в два раза больше образований ОН с основами иноязычного происхождения, которые в подавляющем большинстве принадлежат к области абстрактной лексики.

Тенденция к более высокому уровню абстрактности семантических содержаний затрагивает не только ОН как таковые, но и характеристики смысловых отношений ОН к словам, подчиняющим их себе в структуре предложения. Здесь на это обстоятельство также указывает в известном смысле косвенный признак, а именно резкое возрастание частотности употреблений ОН в сочетаниях с прилагательными и другими словесными формами, передающими статические признаки: на этом участке синтаксических связей ОН они преимущественно выражают ограничение значимости признака его отношением к той предметно-понятийной области, на которую указывает основа ОН. К частным тенденциям развития ОН, с нашей точки зрения существенным, относятся следующие: 1) в сфере словообразования — обилие ОН со сложной основой, что отражает общую тенденцию в развитии словарного состава современного языка; 2) в большом количестве представлены ОН с иноязычными компонентами, широко распространенные в современной прессе и других средствах массовой информации, ср.: *biozentrisch, chromosphärisch, extralingual, interlinguistisch, intersystemar, postgradual, quantenmechanisch, submikroskopisch, transnational etc.*

В понятии «сложная основа» мы объединяем здесь основы сложных существительных, существующих в языке независимо от отсубстантивных относительных дериватов (ООД), и сложные основы, возникающие при образовании ООД из основ, представленных в членах исходного словосочетания. Объединяются, таким образом, явления суффиксации как таковой и суффиксации, которая сопровождается одновременным словосложением, формирующим сложную основу суффиксального производного. К числу ООД со сложными основами мы относим также и те случаи, когда непосредственно составляющими в отношении к рассматриваемому ООД в качестве второго компонента присоединяется и основа какого-либо другого слова, включаемая в состав композита в позиции первого компонента. Типичные примеры: *energieökonomisch, materialökonomisch, stoffwirtschaftlich, handballsportlich, manschaftsdienstlich, wohnungsbaupolitisch, genrespezifisch, fortschrittsoptimistisch, kapillaranalytisch, programmusikalisch etc.* У ОН *energieökonomisch* словарь не представляет исходного композита (*Energieökonomisch*). Эквивалентная замена *-sprung* на *-ökonomie/-ökonomisch* закономерна, так как суффикс *-isch* в сфере абстрактной лексики более характерен для заимствованных имен, чем для немецких.

В целом ряде случаев невозможна однозначная словообразовательная интерпретация ОН (ООД) подобного типа, и следует допускать двойное словообразовательное моделирование. Так, например, ОН *militärstrategisch* с равной вероятностью могло быть образовано и по типу сращения на базе атрибутивного словосочетания *militärische Strategie* и как суффиксаль-

ный дериват от сложной субстантивной основы существительного *Militärstrategie*.

Анализ современных ОН часто связан с большими трудностями. Например, в случае ОН *lautmalendmundartlich* мы имеем дело со сложной и противоречивой картиной смысловых отношений и подчинений. С одной стороны, сочетавшиеся в форме одного ОН композиты в известных пределах независимо друг от друга могут характеризовать определяемый опорный компонент. Вместе с тем налицо определенные предпосылки в самой реальной действительности для того, чтобы можно было усматривать некоторое непосредственное смысловое отношение между значениями обоих ОН. Эта связь далеко не всегда может быть выражена каким-либо грамматически просто организованным словосочетанием. Главное в том, что такая связь, какой бы сложный характер она ни носила, не позволяет представлять оба ОН как рядоположенные определения опорного слова, в особенности в виде союзного сочинительного ряда. В рассматриваемом конкретном случае *lautmalendmundartlich* общеизвестно, что явление *Lautmalerei*, во-первых, в гораздо большей мере свойственно живой разговорной речи, не скованной литературной нормированностью, и, во-вторых, что проявления *Lautmalerei*, во всяком случае, могут носить на себе специфический отпечаток того или иного территориального диалекта. Все это — смысловые отношения, известные из общественного опыта, знания; дефисные или даже, как в этом случае, слитные формы композитов из двух ОН указывают на наличие подобных связей, не конкретизируя и не дифференцируя их смысловое содержание.

Бурный рост ОН от сложных субстантивных основ в современном немецком языке (их сейчас в четыре раза больше, чем в словаре XVIII в.) вызван необходимостью обозначать новые явления, понятия, возникающие в сфере науки, техники, общественно-политической и культурной жизни. Краткость и семантическая емкость многих сложений предопределяют предпочтительность их употребления по сравнению с соответствующими им словосочетаниями, а иногда они вытесняют последние. В качестве первого члена сложной основы ОН выступают чаще наречно-предложные компоненты и глагол. Реже употребляются в качестве первого компонента существительное и прилагательное.

Высокой продуктивностью отличаются и «копулятивные» образования (в четыре раза больше). В качестве префиксов ОН продуктивны *über-* и *anti-*. ООД *überdimensional* приобретает значение качества предельно высокой степени (интенсивности) не на основе непосредственного выражения префиксов *über-*, этого значения высокого уровня интенсивности (как, например, в случаях типа *überreich*), а на основе выражения приставкой *über* предложенного значения отношения (ср. предлог *über* в

значении «сверх чего-то»). Таким образом, *überdimensional* основывается на сочетании значений *über die Dimension* — «сверх размера»; имплицитно при этом присутствует понимание «размера» как соответствующего некоторой норме. Поэтому *überdimensional* передает значение интенсивности пространственного признака как бы сквозь призму значения сочетания *über die normale Dimension*. В смысловой структуре ОН *überdimensional* сохраняется выраженность предметного отношения, средством осмысления которого является предлог, включаемый в состав ОН в позиции префикса.

Предложное значение, то есть выражение определенного отношения к предмету (часто идеальному предмету) свойственно некоторым приставкам, восходящим к предлогам в греческом или латинском языке, напр.: *anti-* (*antikommunistisch*, *antifaschistisch*, *antiimperialistisch*); *para-* (*paradiagnostisch*, *paramilitärisch*).

В сфере синтаксиса наблюдается некоторый сдвиг в направлении большей равномерности употребления ОН во всем разнообразии синтаксических позиций и связей, в которые ОН могут включаться (и уже включались в текстах второй половины XVIII в.); имеет место также известное сокращение частотности употреблений ОН в функции предикатива. Употребление ОН в позиции предикатива коррелирует с употреблением этой категории слов в качестве предикативных атрибутов с *als* и при глаголе *halten* с предлогом *für*, ср.: *göttlich sein* — *als göttlich verehren*; *vorbildlich sein* — *als vorbildlich bezeichnen*; *künstlerisch*, *außerkünstlerisch werden* — *als künstlerisch*, *außerkünstlerisch erscheinen*; *kleinbürgerlich sein* — *für kleinbürgerlich halten*; *weltmännisch sein* — *für weltmännisch halten*.

Отмечен редкий случай, когда номинализация синтаксической группы глагола, при которой глагольно-процессуальная лексема преобразуется в суффиксальное существительное с *-ung*, а связь ОН с соответствующим глагольно-процессуальным элементом группы сохраняет наречную форму выражения. Данное синтаксическое построение и его морфологические формы в их связях друг с другом следует рассматривать как ненормативные, однако их появление в немецком языке вполне закономерно: *Auf Grund der ständigen Veränderungen der Anlage pflanzlich und baulich, kann bei der Zielstellung für die Rekonstruktion nicht der Zustand eines bestimmten Zeitabschnittes angestrebt werden, sondern nur eine Synthese der verschiedenen Varianten unter der gestalterischen Grundidee (Landschaftsarchitektur. 1983. N 1. S. 8).*

Следует полагать, что тенденции в аспекте распределения ОН по разного рода синтаксическим позициям и тенденции в области семантики ОН и смысловых отношений ОН к подчиняющим их себе словам в определенной мере взаимосвязаны. Как в той части материала, где имеет место синтаксическое подчи-

нение ОН лексемам и грамматическим формам с собственно процессуальным содержанием, так и в той части материала, где опорные члены соответствующих словосочетаний имеют значение статических признаков, отмечается широкий спектр разнообразных семантических отношений ОН к подчиняющим их словам. Вместе с тем, с одной стороны, для словосочетаний с процессуальными опорными членами, как правило, характерны такие случаи, когда ОН выступают в агентивно-инструментальных и объективных отношениях к передаваемым разными глагольными формами значениям действий. С другой стороны, смысловое отношение более абстрактного порядка, а именно отношение ограничения значимости признака, выражаемого опорным словом, предметно-понятийной сферой, которая обозначается основой ОН, характерно прежде всего для области синтаксических связей ОН с подчиняющими их себе словами, передающими значения статических признаков — преимущественно с прилагательными и адъективированными причастиями.

Сопоставление количественных данных, полученных в результате анализа фактического материала по обоим исследуемым периодам, показывает, что в первом периоде «статическая» часть синтаксических связей составляет в общем 8,1 % зарегистрированных в картотеке примеров; в современном языке удельный вес ОН — 30,8 %, т. е. в 3,5 раза больше. Соответственно сократился удельный вес «динамической» части синтаксисемантических факторов — с 80,6 до 64 %. Видимо, этот факт следует рассматривать как проявление одной из основных тенденций развития в аспектах как синтаксиса, так и семантики ОН. Отметим также две частные тенденции в сфере синтаксиса ОН в плане его исторического развития. Во-первых, довольно значительное сокращение удельного веса употреблений ОН при финитных формах глагола связано не только с возрастанием употреблений ОН при словах, передающих статические признаки, но и с ростом количества употреблений ОН при нефинитных глагольных формах также процессуального содержания. Это можно расценивать как проявление возрастающего разнообразия, широты использования грамматических возможностей ОН в современной литературной речи. Во-вторых, как уже отмечалось, сократилось, хотя отнюдь не исчезло полностью, употребление ОН в позиции предикатива (с 4,3 до 3,2 %).

1. Плещев Н. А. Отсубстантивные относительные дериваты в адвербиальных позициях в немецком литературном языке второй половины XVIII в. и тенденции их развития. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАРОМАНСКИХ ПАРАДИГМ ИМПЕРФЕКТА КОНЪЮНКТИВА

В романском языкознании нет специальных исследований, посвященных истории импф. кон., хотя соответствующий круг вопросов затрагивается в публикациях более общего характера¹. На начальном этапе развития романской грамматики, когда в поле зрения ученых находились только наиболее известные литературные языки, считалось, что импф. кон. не сохранился. В конце 70-х гг. XIX в. К. Фот показал, что это время нашло прямое продолжение в логудорском диалекте [10, S. 245], но его идея была поддержана не сразу и лишь десятилетия спустя она завоевала всеобщее признание². Позднее были высказаны предположения, что импф. кон. оставил следы за пределами Сардинии, но круг таких свидетельств до сих пор однозначно не определен. К ним относят иберороманский личный инфинитив³, а также отдельные южноитальянские формы⁴, инфинитивный прохибитив в нескольких языках⁵, балканские формы 3 л. ед. и мн. ч. *ag(e)* [см.: 1, § 81; 2, § 241; 7, п. 344], арумынский кондиционал типа *s-kintaremu*⁶, отчасти окситанский и гасконский кондиционал на *-г*⁷. Кроме иберороманских форм, эти предположения не получили широкой поддержки, так как для их обоснования не хватает однозначных фактов.

Задача реконструкции первоначальных парадигм импф. кон.

¹ Некоторые исторические сведения об импф. кон. можно найти: [10, S. 241—336; 12; 18, § 809, 810, 827, 874, 888, 935; 22, p. 128; 23, § 264; 38, § 307].

² Отмечая, что «импф. кон. всюду угас», Ф. Диц считал сардинские и португальские формы новообразованиями [см.: 8, S. 487, 492, 525, 538—539]. Даже в 1921 г. А. Цаунер писал, что импф. кон. в вульгарной латыни был утрачен [см.: 37, S. 38]. Такое представление в новых публикациях по истории романских языков объясняется не принципиальной оценкой сохранившихся рефлексов, а недостаточной информированностью авторов.

³ Личный инфинитив появляется в древнейших текстах, а соответствующие употребления обнаружены в латинских документах конца X—начала XI в. [см., напр.: 1, § 363; 15, § 363]. Отдельные употребления личного инфинитива встречаются в старолеонском (*Libro de Alexandre*, 1742), у португальцев, пишущих по-испански (*Gil Vicente*), в современном мирандском и эстремадурском диалектах [см. об этом: 20, p. 373; 24, p. 306; 36, p. 138]. Проблема происхождения личного инфинитива привлекает внимание романистов до настоящего времени. Из новейших работ можно упомянуть: [17, S. 77—103; 26, p. 243—248; 32, p. 245—248; 34, p. 603].

⁴ См.: [9, p. 128—129; 12, S. 223]. Рассматривая соответствующие формы, Г. Рольфс приходит к выводу, что они не связаны с импф. кон. [30, § 564]. Некоторые лингвисты включают в число рефлексов импф. кон. южнолуканский кондиционал на *-ег*, восходящий к ппф. инд. [см. об этом: 19, S. 328].

⁵ Специальное обсуждение см.: [4].

⁶ Предложение высказано у Т. Парраги [см.: 27, p. 82], упоминается у Г. Ivaescu [см.: 16, p. 160].

⁷ По мнению некоторых ученых, импф. кон. способствовал образованию соответствующих окситанских и гасконских форм [см.: 31, § 582; 35, p. 180].

ставилась до настоящего времени в публикациях Т. Маурера и Р. А. Холла. Она не получила удовлетворительного решения, так как Т. Маурер ограничивается, по его собственным словам, приблизительными предположениями, опирающимися только на сардинские рефлексy [22, § 70—73], а Р. А. Холл восстанавливает раннероманское («протороманское») состояние без учета изменений в пространстве и во времени [13, p. 73]. Другие авторы принимают за исходные классические латинские формы. Ареальные реконструкции в публикациях вообще не встречаются, если не считать прототипы *cantáremus*, *-aretis*, постулируемые Г. Лаусбергом для Португалии [18, § 809, 810].

Изучение форм португальского личного инфинитива, применение приемов ретроспективной и проспективной реконструкции, сопоставление с латинскими фактами и системные представления позволяют реконструировать протоиберороманские парадигмы импф. кон. Глаголы I класса спрягались по модели **kantáre*, **-áres*, **-áre(t)*, **-árémos*, **-árêtes*, **-áren(t)*. Эти праформы отразились в старопрт. *cantár*, *-áres*, *-ár*, *-ármos*, *-árdes*, *-árem*⁸. Тематический гласный **-a-* удержался во всех лицах только в ударном варианте. Хотя рефлексy 4—5 форм с ударным суффиксом не сохранились, правомерно предположить, что такие образования с архаической акцентуацией существовали, поскольку они реконструируются в других парадигмах (в протоиберороманских импф. инд. **-abámos*, **-ábátes*⁹, ппф. инд. **-ágámos*, **-ágátes*). Ретракция ударения в 4—5 формах, или его унификация по 1—3, 6 формам, произошла во всех временах под влиянием пф. инд. **-ámos*, **-ástes*, пф. кон. (фт. II) **-áremos*, **-áretes*, ппф. кон. **-ássemos*, **-ássetes*, где одностное ударение регулярно. Суффикс **-re-* сохранился только во 2 форме; его гласный закономерно утратился в 1 и 3 формах в конечном положении, в 4—5 формах в заударном неконечном слого после того, как на западе Иберии возобладала ретракция ударения⁹.

Аналогичным образом восстанавливаются парадигмы II и III спр.: **dormíre*, **vedére*, **vendére*, **-res*, **-re(t)*, **-rémos*, **-rêtes*, **-ren(t)*. Основанием для реконструкции служат старопрт. *dormír*, *vér*, *vendér*, *-res*, *-г*, *-rmos*, *-rdes*, *-rem*¹⁰.

Из других романских ареалов импф. кон. сохранился только в Сардинии. Он документирован в старологудорском и старокампианском диалектах, а в новое время он употребляется в центральной Сардинии, но не известен на юге в кампианских говорах, где его место заняли рефлексy ппф. кон., признаваемые обычно поздним испанским или каталанским

⁸ Старопортугальские и современные формы приводятся: [15, § 363; 29, p. 67—69]. Замечания по поводу диалектных форм см.: [21, p. 115].

⁹ О соответствующих фонетических явлениях см.: [15, § 143, 151].

¹⁰ Флексии обсуждаются в специальном исследовании: [3].

заимствованием¹¹. Задача реконструкции протосардинских парадигм до настоящего времени не ставилась, так как прототипы отождествлялись с латинскими формами. Сопоставительный анализ сардинских фактов с учетом иберороманских данных и системных представлений показывает, что сходные парадигмы были близки, но не тождественны латинским.

Протосардинские глаголы I класса спрягались по модели *kantāre, *-āres, *-āret, *-arémus, *-arét-e/i-s, *-āren(t). Такая парадигма отразилась с небольшими изменениями в старолог. kantare, -ares, -aret, -arémus, -aren(t), в старокамп. -arit, -arémus, -arint, в современных говорах восточного побережья (Орани, Доргали, Оргосло, Гавой, Аритцо, Фонни, Бауней) -are, -ares, -aret, -arémus, -arédēs, -arent и в Нуоро -are(po), -ares, -aret, -arémus, -arédz-e/i-s, -aren. Тематический *-a- сохранился всюду в старых текстах и в части современных говоров, поэтому его первичный характер не вызывает сомнений. Гласный -e- в логурдском во всех спряжениях распространился с XVIII в.: kantére, dormére, bendére, -éres, -éret, -erémus, -erédís, -érent¹². Исходное ударение в I спр. было разноместным, на что указывает огласовка старокампидапских форм, где заударный *-e- переходит в -i-, а ударный сохраняется [40, § 120]. Современные формы во многих говорах удержали исходное подвижное ударение. Выравнивание акцента в 4—5 формах по остальным в северо-восточной части логурдского ареала относится к поздним временам и объясняется, вероятно, подобно новокамп. améssimus, -éssidís, влиянием пф. инд. на -é(z)i, -émus. Первоначальный вариант суффикса *-ge- сохранился в старологудорском, в большинстве современных логурдских говоров, в Нуоро и в 4 форме старокампидапских парадигм¹³.

Парадигма II спр. отличалась от предыдущей только тематическим гласным: *dormíre, *-íres, *-íret, *-irémus, *-irét-e/i-s, *-íren(t). Она отразилась в старолог. dormire, -ires, -iret, -irémus, -íren(t), в старокамп. -irit, -irémus, -irint, в современных говорах восточного побережья -ire, -ires, -iret, -irémus, -irédēs, -irent, в Нуоро -ire(po), -ires, -iret, -irémus, -irédz-e/i-s, -íren. Тематический *-i- и исходное разноместное ударение однозначно прослеживаются в старых текстах и части современных

¹¹ Об импф. кон. в Сардинии см.: [8, S. 524—525; 10, S. 245 et al.; 11, p. 189—259; 13; 14, S. 133, 144, 147, 150; 23; 28, § 123, 136 et al.; 40, § 19—125].

¹² Датировка опирается на данные текстов. Впервые встречается: [14, S. 144]. На него ссылаются: [23; 40, § 121]. Ф. Диц отмечает, что -eret рядом с -aret встречается в документах XV в. [см.: 8, S. 524 со ссылкой на: 23, p. 99].

¹³ Из-за сохранения * -ge- П. Гуарнери считал формы на -arémus (I спр.), -irémus (II—III спр.) заимствованными из логурдского диалекта [см.: 11, p. 224]. М. Л. Вагнер показал, что такие образования в старокампидапском регулярны в связи с сохранением -ge- под ударением в отличие от перехода в -gi- в заударном положении [40, § 120].

говоров, поэтому их первичный характер не вызывает сомнений.

Парадигма III спр. была **videre*, **véndere*, **-éres*, **-éret*, **-erémus*, **-erét-e/i-s*, **-éren(t)*. Она реконструируется на основании старолог. *bi(de)re*, *bendere*, *-eres*, *-eret*, *-eremus*, *-eren(t)*, старокамп. *-irit*, *irémus*, *-irint*, в современных говорах восточного побережья *-ere*, *-eres*, *-eret*, *-erémus*, *-erédís*, *-erent*, в совр. лог. *-ére*, *-éres*, *-éret*, *-erémus*, *-erédzis*, *-érent*, в Нуоро *-ére(po)*, *-éres*, *-éret*, *-erémus*, *-erédz-e/i-s*, *-éren*. Первоначальный характер тематического **-e* не вызывает сомнений. Старокампиданский *-i* развивается регулярно из **-e* в безударном положении [40, § 120]. Изучение рефлексов III спр. позволяет предположить, что протосардинским 1—3, 6 формам было свойственно колебание ударения: оно падало на основу или на тематический гласный¹⁴. Накорневой акцент отразился в старокампиданском и в формах восточного побережья; ударный тематический гласный сохранился в новологудорском и нуорском. Обе группы данных в равной степени архаичны, а потому ни одной из них нельзя отдать предпочтение. Неустойчивость ударения возникла в результате свойственного Сардинии объединения общероманских IIIa и IIIб подклассов **uidere* × *uéndere*, откуда **-ére*. Преобладание накорневого ударения в ряде областей объясняется практической производностью импф. кон. от инфинитива. Закрепление акцента на тематическом гласном в Нуоро и логудорском ареале связано с влиянием пф. инд. и акцентной схемы I—II спр.

Сопоставление иберороманских и сардороманских вариантов показывает, что общероманская парадигма I спр. была **kantáre*, **-áres*, **-áre(t)*, **-arémus*, **-arét-e/i-s*, **-áren(t)*¹⁵. Тематический гласный и суффикс **-a-re-* восстанавливаются однозначно, поскольку они находят полное соответствие в обоих ареалах. Исходная акцентуация сохранилась в Сардинии, а колебание ударения в Иберии объясняется его ретракцией. Общероманская парадигма II спр. отличалась от предыдущей только тематическим гласным: **dormíre*, **-íres*, **-íre(t)*, **-irémus*, **-irét-e/i-s*, **-íren(t)*¹⁶.

В III спр. различались некорнеударный (IIIa) и корнеударный (IIIб) подклассы: **uidere*, **-éres*, **-ére(t)*, **-erémus*, **-erét*, **-e/i-s*, **-éren(t)*, **uéndere*, **-eres*, **-ere(t)*, **-erémus*, **-erét*,

¹⁴ Такое же колебание реконструируется для протосардинских 4—5 форм III спр. в през. инд. и в инфинитиве.

¹⁵ Ср. исходные формы у других авторов: **cantare*, *-ares*, *-are(t)*, *-aremos*, *-aretés*, *-aren(t)*, [22, § 70], *-arem*, *-ares*, *-aret*, *-arémus*, *-arétis*, *-arent*, **-aremus*, **-aretis* [18, § 809, 810], /*kantáre*, *-áres*, *-aret*, *-are[^]mus*, *-are[^]t[is]*, *-árent/[13]*.

¹⁶ Ср.: **partire*, **-ires*, **-ire(t)*, **-iremos*, **-iretes*, **-iren(t)*, [22, § 73], *dormíret*, *-irémus* [18, § 935], /*dormí[^]re*, *-i[^]res*, *-i[^]ret*, *-ire[^]mus*, *-ire[^]t[is]*, *-i[^]rent/[13]*.

*-e/i-s, *-eren(t)¹⁷. Реконструкция тематического гласного и суффикса не создает проблем. Полное соответствие сардинских и португальских данных однозначно показывает, что в общероманском было *-e-ge-. Более сложно восстановить исходное ударение, поскольку свидетельства расходятся. В 1—3, 6 формах оба подтипа в Иберии имели *-é-ge-, в Сардинии *-é-ge-. Так как известно, что на Пиренейском полуострове унификация IIIa и IIIb подклассов происходила за счет распространения первого, а в Сардинии путем скрещения обоих подтипов, для общероманского правомерно предположить IIIa *-é-ge-, IIIb *-e-ge-. В 4—5 формах в Иберии было *-é-ge-, а в Сардинии *-e-ge-. Эти формы соответствуют I—II спр., а потому их общероманские прототипы реконструируются на тех же основаниях.

Латинский импф. кон. по структуре не отличался от романского. Расхождения были связаны с особенностями просодики и системы окончаний. Сопоставление показывает, что латинское и общероманское образования восходят к долитературному латинскому имперфекту конъюнктива, представляющему собой итальяскую инновацию неизвестного происхождения¹⁸. Почти полное материальное совпадение импф. кон. с пф. кон. (фт. II), с одной стороны, вызывало их функциональное сближение, с другой — делало их содержательно неопределенными и ослабляло их позицию в системе. Обе формы соперничали с ппф. кон., который как морфологически более определенная и содержательно более выразительная форма¹⁹ постепенно проникал в их функциональную сферу. Омонимический конфликт разрешался вытеснением некоторых форм или их специализацией.

Древнейший путь развития отражен в Сардинии, где импф. кон. поглотил пф. кон. (фт. II) и вытеснил ппф. кон.²⁰ Однако такое направление эволюции для Романии в целом не характерно. В позднероманское время I—III вв. н. э. обозначилась тенденция к сохранению и распространению ппф. кон. за счет вытеснения импф. кон. Причем балканороманские факты показывают, что импф. кон. может утрачиваться в первую очередь из-за материального сходства с пр. кон. (фт. II), а не из-за соперничества с ппф. кон.²¹ Импф. кон. выпал здесь из системы, но ппф. кон., вопреки ожиданиям, не занял его место, а получил значение ппф. инд. В западнороманских языках ппф. кон.

¹⁷ Ср.: *sedere, -eres, -ere(t), *-eremos, *-eretes, *-eren(t) [22, § 71, 72], vidéret, vénderet, -erémus [18, § 874, 888], /tékserə, -eret, -eré mus, -ere tis, -erent/ [13].

¹⁸ О происхождении и развитии латинского импф. кон. см.: [5, § 560—561; 6, § 241].

¹⁹ См. об этом [18, § 584, 811, 830].

²⁰ Преобладание импф. кон. над ппф. кон. отмечается в Африке [см. об этом: 22, р. 128].

²¹ По мнению Э. Гамильшега, пф. кон. утратился раньше импф. кон., который сохранялся до VII—VIII вв. [см. об этом: 39, § 179].

всюду стал импф. кон., но конкретный путь развития неясен. Можно предполагать три варианта эволюции: 1) импф. кон. был вытеснен ппф. кон.; такое развитие наиболее вероятно для Иберии, где импф. кон. почти повсеместно отступил под давлением ппф. кон. при сохранении пф. кон. (фт. II); 2) импф. кон. был поглощен пф. кон. (фт. II), а его место занял ппф. кон.; такую перестройку можно предполагать для Италии и Галлии, где в диалектах сохранились рефлексy пф. кон. (фт. II), но и тут не исключена эволюция, подобная пиренейской, хотя и при полной утрате импф. кон.; 3) импф. кон. и пф. кон. (фт. II), полностью совпав, были вытеснены ппф. кон.; этот путь развития свойствен Ретии и объясняется, вероятно, ареальными особенностями фонетической эволюции.

1. Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 1952.
2. Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание. М., 1954.
3. Томашпольский В. И. Общероманский глагол: Реконструкция системы окончаний. Свердловск, 1986.
4. Томашпольский В. И. Отрицательно-побудительное предложение: В поисках общероманских прототипов // Структура и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1986.
5. Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.
6. Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М., 1950.
7. Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ. Кишинэу, 1970. Вол. 2.
8. Diez F. Grammatik der romanischen Sprachen. Bonn, 1882.
9. Façon N. Grammatica storica della lingua italiana. Bucuresti, 1964.
10. Foth K. Die Verschiebung lateinischer Tempora in den romanischen Sprachen // Romanische Studien. 1876. Bd 2.
11. Guarnerio P. L'antico campidanese // Studj romanzi. 1906. Vol. 6.
12. Gamillscheg E. Studien zur Vorgeschichte einer romanischen Tempuslehre. Wien, 1913.
13. Hall R. A. jr. Proto-Romance morphology. Amsterdam, 1983.
14. Hofmann G. Die logudoresische und campidanesische Mundart. Strassburg: Marburg, 1885.
15. Huber J. Altportugiesisches Elementarbuch. Heidelberg, 1933.
16. Ivănescu G. Istoria limbii române. Iași, 1980.
17. Körner K.-H. Wie originell ist der flektierte Infinitiv des Portugiesischen? // Portugiesische Sprachwissenschaft. 1983.
18. Lausberg H. Romanische Sprachwissenschaft. Berlin, 1962. Bd 2.
19. Lausberg H. Die Mundarten Südlukaniens. Halle, 1939.
20. Leite de Vasconcellos J. Estudos de filologia mirandesa. Lisboa, 1900. Vol. 1.
21. Leite de Vasconcellos J. Esquisse d'une dialectologie portugaise. Paris; Lisboa, 1970.
22. Maurer Th. Gramática do latim vulgar. Rio de Janeiro, 1959.
23. Meyer-Lübke W. Grammatik der romanischen Sprachen. Leipzig, 1894. Bd 2.
24. Menéndez Pidal R. El dialecto leonés // Revista de archivos, bibliotecas y museos. 1906. Vol. 10.
25. Mourin L. Ancien portugais et ancien castillan. Bruges, 1961.
26. Osborne B. On the origin of the Portuguese inflected infinitive // Papers from the 5th international conference on historical linguistics. Amsterdam, 1982.
27. Papahagi T. Aromânii. București, 1932.

28. *Pittau M.* Il dialetto di Nuoro. Bologna, 1956.
29. *Poerck G. de, Mourin L.* Ancien portugais et ancien castillan. Bruges, 1961.
30. *Rohlf's G.* Historische Grammatik der italienischen Sprache. Bern, 1952. Bd. 2.
31. *Ronjat J.* Grammaire historique des parlers provençaux modernes. Montpellier, 1937. Vol. 3.
32. *Sabatini R. N.* The Portuguese personal infinitive vs. its absence in Spanish // *Hispania*. 1984. Vol. 67. N 2.
33. *Spano G.* Ortografia sarda. Cagliari, 1940. Vol. 2.
34. *Suaréz Y. J.* More on the Portuguese personal infinitive // *Hispania*: 1984. Vol. 67. N 4.
35. *Togeby K.* Le sort du plus-que-parfait latin dans les langues romanes // *Cahiers F. de Saussure*. 1966. Vol. 23.
36. *Zamora Vicente A.* Dialectología española. Madrid, 1960.
37. *Zauner A.* Romanische Sprachwissenschaft. Berlin, 1921. Bd 1.
38. *Väänänen V.* Introduction au latin vulgaire. Paris, 1967.
39. *Vossler K.* Einführung ins Vulgärlatein. München, 1954.
40. *Wagner M. L.* Flessione nominale e verbale del sardo antico e moderno // *L'Italia dialettale*. 1938—1939. Vol. 14—15.

Е. Г. Фоменко
Запорожский
университет

МЕСТОИМЕНΙΑ КАК СРЕДСТВО СВЯЗИ В ТЕКСТЕ (исторический аспект)

Статья посвящена развитию местоимений как средств связи предложений в СФЕ в новоанглийском языке конца XV — начала XIX в., т. е. в период, когда осуществилось становление общенационального английского литературного языка [7] и в основном сложились средства связи предложений, сохранившиеся в современном языке. Исследования местоимений в тексте в различных языках весьма многочисленны [2, 6, 8]. Местоимения отдельных разрядов уже не раз были объектом анализа в английском языке, однако они изучались лишь на современном материале [1, 4, 5, 9].

В нашу задачу входило: 1) изучение изменений инвентаря и частотности местоимений как средств связи предложений; 2) определение их формальных изменений; 3) выяснение особенностей функционирования в СФЕ в XV—XIX вв. Рассматриваемый период особенно богато представлен памятниками письменности разных жанров и стилей; его можно считать весьма показательным для исследования средств связи в тексте. Материалом анализа послужила авторская речь в произведениях английских прозаиков XV—XVI вв. (начало формирования литературных норм) и XVIII—XIX вв. (кодификация и закрепление литературных норм). Общий объем материала составил около 5000 СФЕ с приблизительно равным количеством примеров по каждому срезу. В системе местоимений имеют место следующие изменения.

Инвентарные изменения. Состав местоимений как средств

связи предложений в XV—XIX вв. отличается стабильностью, значительная часть инвентаря остается неизменной. В XV—XIX вв. в авторской речи прозаических художественных произведений употреблялись местоимения одних и тех же разрядов: личные, притяжательные, указательные, неопределенные, возвратные и относительные. Употребляются они и в настоящее время. Вместе с тем в составе местоимений как средств связи в XV—XIX вв. произошли некоторые изменения: одни местоимения или местоименные словосочетания устарели, появились новые. В целом инвентарь местоимений увеличился незначительно — с 70 до 74 единиц. К утратам местоимений как средств связи в СФЕ относятся указательные *ilk/thilk*, взаимные *either other*, словосочетания *both two (twain)*, *either of both*, *neither of both*, *of the both*, *every of them*: *Than syr Gauwayn and syr Launcelot departed a grete waye in sonder* [T. Malory, p. 835]; ... *and eyther smote other in myddes of their sheldes* [idem].

Изменения наблюдаются в порядке следования компонентов словосочетаний, образуемых *they* с *both* и *all*. На первом срезе встречались как *they both*, *they all*, так и *both they*, *all they*; на втором, как и в современном языке, возможны только *they both* и *they all*: *Thenne came many Erles and Barons and noble knyghtes and praid that knyghte to saue his lyf...*; *And all they felle vpon their knees and prayed hym of mercy* [T. Malory, p. 240]; ... *and sir tristram was redy and la Beale Isoud with sir Palomydes and sir Gareth. And soo they rode alle in grene ful fressshely bysene vnto the forest* [idem, p. 540].

Новые средства связи появились, главным образом, в результате лексических замен. Так, например, по *man* было заменено на *no one*. Ср. в XV и XVIII веке: *Vortiger com to Wynchester with all his oste, but no man ne wiste the cause whi* [Merlin, p. 41]; *The party, as may be supposed, were terrified, but no one was materially hurt...* [A. Radcliffe, p. 44].

К новым средствам относятся сложное неопределенное местоимение *everybody*, протяжательное *its*, а также словосочетания *several of them*, *both of them*, *both (of) these*, *all of them*, *all of these*, *all (of) those*. Так, согласно словарям словосочетания с *all* и предлогом *of* возникли довольно поздно по аналогии с другими, образованными местоимениями с предлогом *of*. Пример из текста XVIII века: *This was only one out of innumerable instances, that every day seemed to multiply...*; *In all of them Mr. Falkland conducted himself with such unaffected propriety, as perpetually to add to the stock of his reputation* [W. Godwin, p. 70].

Удельный вес местоимений разных разрядов как средств связи предложений в рассматриваемых синхронных срезах показан в таблице, из которой видно, что частотность личных, указательных, взаимных, возвратных и относительных местоимений остается примерно одинаковой. Уменьшается доля не-

Периоды	Местоимения						
	личные	указат.	притяж.	неопр.	возвр.	взаимн.	относ.
XV—XVI вв.	77,4	11,5	4,2	5,3	0,2	0,5	0,9
XVIII—XIX вв.	71,2	11,2	13,6	2,9	0,4	0,3	0,4

определенных местоимений, резко возрастает частотность притяжательных.

Формальные изменения. Основным направлением формальных изменений местоимений как средств связи с XV по XIX вв. явилась стабилизация их форм *. В XV—XVI вв. формальная, или графическая, вариантность охватывает почти все местоимения: количество вариантов, незначительно отличающихся друг от друга в правописании, было большим. В XVIII—XIX вв. вариантность, объясняемая разницей правописания (орфографией), полностью исчезает.

В XV—XVI вв. наблюдается также вариантность, обусловленная наличием или отсутствием артикля, слитным или раздельным написанием, как, напр.: *which — the which, thother — the other*. В XVIII—XIX вв. вариантность первого рода отсутствует, значительно сокращается вариантность второго рода. Примеры вариантов, обусловленных слитным или раздельным написанием в языке второго среза: *everybody/every body, hers/her's, theirs/their's*.

Наряду с формальной, графической вариантностью в XV—XVI вв. наблюдалось варьирование, проявившееся в наличии параллельных форм у одного и того же местоимения, напр.: *them/hem, those/tho*. Так, выходят из употребления формы *eueryth, everych one, every chone, echon*, часто встречающиеся в текстах второй половины XV — начала XVI вв., напр.: *...soo there with alle came in syr Gawayne and sir Gaheryse sire Ag-raiaune and sir Mordred and there eueryche of them smote doune a knychte* [T. Malory, p. 766]. На втором срезе в отличие от первого варьирования форм не наблюдалось.

Изменения в функционировании. Отличительным признаком функционирования местоимений является образование ими цепочек замещений при обозначении лиц, предметов, ситуаций, о которых идет речь в СФЕ. На обоих срезах наиболее употребительны цепочки, образованные личными местоимениями 3-го лица *he, she, they*. Стабильны сочетания местоимений двух или трех разрядов в одной цепочке: сочетаются личные и притяжа-

* Под вариантностью понимается наличие формальных вариантов одних и тех же лингвистических единиц, то есть единиц с незначительным различием в графическом изображении, не связанным с изменениями семантики.

тельные, личные и указательные, личные и неопределенные, указательные и относительные, личные и неопределенные местоимения и некоторые другие. При этом надо признать, что в XV—XVI вв., на раннем этапе становления английской художественной прозы, сочетания местоимений в цепочке довольно однообразны, длина цепочек с местоимениями ограничена.

В XVIII—XIX вв., напротив, сочетания местоимений в цепочке более разнообразны; встречаются сочетания местоимений четырех разрядов, как в приводимом ниже СФЕ из текста XIX века: ... *These very aged persons* ... had some thing in their looks to soothe the eye, and Teniers or Wouverman would perhaps have valued *their figures* and *costume* far beyond those of their young and lovely grandchildren. *They* were stiffly and quaintly habited in their German garb ... but on *the countenances* of both ther was a gleam of joy ... *They* did not distinctly hear the kind importunities of their son and daughter ... but *they* bowed and smiled with that thankfulness which is at once wounding and grateful to the hearts of affectionate children. *They* smiled also at the beauty of Everhard ... and, finally, *they* smiled at all that was said ... [G. R. Matarin, p. 334].

Усложнение сочетаний местоимений, по-видимому, следует связать с оформлением разных единиц членения авторской речи — повествования, описания и рассуждения [3]. В XV—XVI вв. стиливая дифференциация авторской речи выражена слабо. Это в основном повествование, реже повествование с элементами описания или рассуждения. В авторской речи XVIII—XIX вв. в отличие от XV—XVI вв. содержатся разные единицы членения с четкими переходами от одной единицы к другой. Прослеживается зависимость между выбором местоимений в цепочке, ее длиной и видом текста. В описании и повествовании встречаются сочетания местоимений разных разрядов, длина цепочки может быть значительной. В рассуждении применяются лишь некоторые местоимения — указательные, относительные, личное *it*, цепочки образуются одним-двумя, реже тремя местоимениями. Это позволяет говорить об усложнении цепочек с местоимениями в зависимости от членения авторской речи.

Таким образом, общим содержанием изменений местоимений как средств связи можно считать их обогащение, усложнение, что определяется эволюцией средств связи языка в XV—XIX вв. Развитие местоимений происходило под действием внутренних и внешних факторов. Действием внутренних причин объясняется сокращение формальной вариантности местоимений. В развитии форм местоимений сказались общие тенденции языкового развития, направленные на регулирование и уточнение языковой техники. В изменчивости местоимений как средств связи предложений находит отражение усложнение структуры

текста, функционально-стилевая дифференциация авторской речи. При этом все же надо признать, что развитие структуры текста тесно соприкасается с развитием литературы, художественной прозы, которые относятся к внешним причинам эволюции языка.

Итак, совокупное действие внутренних и внешних факторов обеспечило развитие местоимений как средств связи в XV—XIX вв. и проявилось в усложнении цепочек с местоимениями, в совершенствовании их употребления в разных единицах авторской речи.

1. Волков Н. Н. Семантика и дейктические функции личных местоимений в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

2. Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). М., 1974.

3. Гальперин И. Р. Сменность контекстно-вариативных форм членения текста // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста: Виноградовские чтения XI. М., 1982.

4. Ефимов В. Г. Местоименные словосочетания в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1983.

5. Новикова Л. П. Предложения с обобщающим *it, this, that* в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

6. Откупщикова М. И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л., 1984.

7. Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.

8. Harweg R. Pronomina und Textkonstitution. München, 1968.

9. Thovenius C. Referential Pronouns in English Conversation. Lund, 1983.

В. П. Хабиров
Свердловский
пединститут

К ЭВОЛЮЦИИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КРЕОЛИЗОВАННОГО ЯЗЫКА

К креолизованным языкам относятся такие языки, которые возникли в результате интерференции между контактирующими автохтонными языками. В результате интерференции структура языка-источника мнется, однако эти изменения не столь глубоки, как это бывает при пиджинизации [2].

К креолизованным языкам относится и санго — государственный язык Центральноафриканской Республики, неоправданно называемый в зарубежной лингвистической литературе пиджином. Креолизованный санго, возникший на базе этнического санго р-на Мобае (ЦАР), входит в группу родственных языков (диалектов?) якома и нгбанди.

В результате интерференционного воздействия со стороны контактирующих с ним лингвистически близких языков структура языка санго не претерпела значительных изменений в области фонологии (если не говорить о редукции грамматически

Способ образования			Место образования						
			Вилабиаль- ные	Лабiodен- тальные	Дентальные	Палатальные	Велярные	Лабioвеляр- ные	Ларингаль- ные
Смычные шумные	чистые	глухие	p		t		k	kp	
		звонкие	b		d		g	gb	
	преназализован- ные		mb		nd		ng	ngb	
Щелевые шумные	чистые	глухие		f	s				h
		звонкие		v	z				
	преназализован- ные			mv	nz				
Сонанты	чистые				l, r	y		w	
	носовые		m		n	ṽ			

значимых тонов) и инвентарь согласных фонем креолизованного санго имеет следующий вид [4]:

Как видно из таблицы, консонантизм санго (креолизованный вариант) представлен 25 фонемами в отличие от этнического санго и близкородственного якома, насчитывающих 24 согласные фонемы. Различие в числе объясняется тем, что в языке-источнике в вариантных отношениях находятся не только [l], [r], но и [n]. В креолизованном санго в большинстве случаев [l] и [r] в интервокальной позиции находятся в отношении свободного варьирования, например, *sùrù* — *sùlù* — «рвать», *kòsàrà* — *kòsàlá* — «работа». В начальной позиции также встречается варьирование [l] и [r], напр.: *krè rǝǝ* — *krè lǝǝ* — «убегать». Между тем в ряде слов встречается только вариант [l] в интервокальной позиции: *dòlì* — «слон». В других словах — только [r], напр.: *tǝǝ* — «тело», т. е. в последнем случае [l] и [r] находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Следует заметить, что, несмотря на возможность варьирования, имеется тенденция к более частому употреблению [l] в начальной позиции, а [r] — в интервокальной.

Что касается фонемы [n], то в креолизованном санго она обладает полным фонематическим статусом (не являясь вариантом [l] и [r]) исходя из следующих противопоставлений: *pé* («быть тяжелым») — *l̄é* («глаз»), *wá ní* («огонь этот») — *wáíí* («женщина»), *tépé* («слово») — *tégé* («тело»).

В этническом санго нет ларингальной щелевой фонемы [h], вместо нее употребляется гортанный приступ [ʔ]. Сравним оба варианта:

этнический санго	креолизованный санго	
ʔíḡɔ	hínḡɔ	«птица»
ʔu	hu	«соль»
ʔungà	hínḡà	«знать»

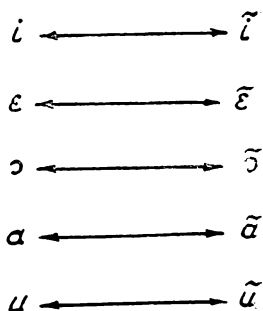
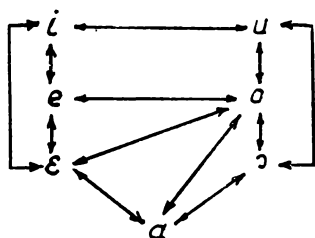
Следует заметить, что фонема [h] встречается только в начальной позиции, где может реализоваться как гортанный приступ ʔ. Перед гласными фонемами переднего ряда [i], [e] она может реализоваться как [y], а перед фонемами заднего ряда [u], [ɔ], [o] — как [w], напр.: *hínḡò* [ʔínḡɔ], *yínḡɔ* — «соль», *húnzì* [ʔúnzì], *wúnzì* — «заканчивать».

Вокализм. Анализ минимальных пар позволяет выделить в отношении гласных фонем креолизованного санго три дифференциальных признака: 1) степень открытости (первая, вторая, третья, четвертая для ротовых фонем и минимальная, средняя, максимальная для носовых фонем); 2) по артикуляционному ряду (гласные переднего — среднего — заднего ряда); 3) по признаку ротовости — назальности:

ротовые фонемы		носовые фонемы	
i	u	ĩ	ũ
e	o	ẽ	õ
ɛ	ɔ	ã	
a			

Система ротовых фонем этнического санго полностью совпадает с системой этих фонем креолизованного варианта. Однако инвентарь носовых фонем содержит только четыре фонемы *ĩ*, *ẽ*, *ũ*, *õ*, а не пять, как в межэтническом санго. В тех словах, где в других вариантах языка присутствует фонема *ã*, в этническом санго ее место занимает фонема *ẽ*. Тот факт, что в инвентаре носовых фонем креолизованного варианта санго имеется носовая *ã*, очевидно, объясняется многочисленными заимствованиями в санго из других языков, инвентарь фонем которых содержит *ã*.

Для креолизованного санго характерно варьирование согласных и гласных фонем без утраты их тождества. Схему варьирующихся гласных фонем можно представить следующим образом [1]:

Тоновая система. Креолизованный санго, как и его этнический вариант, располагает тремя существенными уровнями, тремя регистрами, на которых реализуется три точечных тона: высокий, средний, низкий,— лексических по своей функции (в отличие от этнического санго, где тон грамматически значим) и рассматриваемых как просодические элементы. Тон служит характеристикой слога, канонической формой которого в санго является структура типа CV и V, где каждая гласная представляется слоговым ядром и только гласная (всякая) является носителем тона. Структура слова, описываемая формулой CV, имеет три возможные реализации точечного тона: *dú* (высокий тон)—«рожать», *dū* (средний тон)—«отверстие, дыра», *dù* (низкий тон)—«существовать». Из девяти возможных комбинаций точечных тонов в структуре CVCV могут быть реализованы все девять: высокий — низкий: *búbà* — «портить», высокий — средний: *légè* — «дорога», высокий — высокий: *kóngó* — «радуга», средний — низкий: *ngàsà* — «коза», средний — средний: *kiŋu* — «быть сухим», средний — высокий: *yauú* — «небо», низкий — высокий: *kàngú* — «бутылочная тыква», низкий — средний: *làvù* — «пчела», низкий — низкий: *sùsù* — «рыба».

Кроме точечных тонов в фонологической системе санго имеются мелодические тоны, которые представляют собой модуляцию точечных тонов от одного регистра к другому. Другими словами, мелодический тон можно поделить на две моры, которые будут соответствовать двум точечным тонам, из которых первый реализуется на начальном модуляционном регистре, а второй — на конечном модуляционном регистре. Модуляционные регистры имеют в описании буквенное обозначение: В — высокий, С — средний, Н — низкий. В языке санго (креолизованном) можно выделить четыре мелодических тона: НВ, СВ, СН, ВН,— которые делятся на два класса по направлению повышения или понижения регистра, что фонологически значимо. Реализация методических тонов сопровождается легким удлинением гласного, но оно связано только с реализацией тона. Удвоение гласной является ни чем иным, как приемом, облегчающим передачу

на письме мелодического тона (долгота гласных не играет фонематической роли в языке санго, а увеличение абсолютной долготы гласного имеет только эмоциональный характер). Итак, классами мелодических тонов в креолизованном санго являются следующие.

Класс 1. Восходящие тоны типа: а) низкий — высокий (НВ): lá — «солнце», là — «спать», láá — предикативный элемент; б) средний — высокий (СВ): krà — «царапать», krá — «волосы», kraá — «только что» (нареч.).

Класс 2. Нисходящие тоны типа: а) средний — низкий (СН): fú — «подавать пищу», fū — «шить», fui — «глупый человек»; б) высокий — низкий (ВН): bā — «клятва», bá — «свободное место», bà — «сгибать», báà — «видеть».

Можно предположить, что наличие мелодических тонов в языке санго связано с изменением слоговой структуры слова. Например, санго (креолизированный) располагает тремя вариантами слова со значением «опускаться»: 1. zúkù; 2. zúù; 3. zú. Второй вариант возник в результате выпадения интервокального [k]. В некоторых центральноафриканских языках (нмбака-ма'бо, монжомбо) также наблюдается ослабление реализации [k] в интервокальной позиции. Очевидно, процесс образования мелодического тона, а затем его варианта с высоким точечным тоном, что свойственно и для некоторых других односложных слов с мелодическими тонами, схематично можно представить следующим образом: $CV_1CV_1 \rightarrow CV_1\dot{V}_1 \rightarrow CV\dot{V}$. В языке санго существуют и $CV_1\dot{V}_1$ и $CV\dot{V}$. К сожалению, на данном этапе развития языка невозможно установить, является ли данная схема характерной для других слов с мелодическими тонами, таких как láá — предикативный элемент, tàá — «действительный», fáà — «убивать», báà — «видеть» и др.

Выше уже говорилось, что креолизированный санго обладает тем же количеством точечных тонов, что и этнический. Однако последний отличается количеством мелодических тонов. Там имеются только низкий — высокий, низкий — средний и высокий — низкий мелодические тоны. Кроме того, не все тональные структуры слов креолизованного и этнического вариантов санго совпадают, напр.: tēnē (этнический) и tēne (креолизированный) — «камень», gēgē (этнический) и gēḡe (креолизированный) — «нога». Для креолизованного санго свойственна вообще гораздо большая вариантность в тональной системе, и это можно объяснить, как и вариативность в системе фонем, его долгим функционированием в качестве языка межэтнического общения.

Но, конечно, самым существенным в развитии креолизованного санго является переориентация способов выражения грамматических значений. Если, как уже отмечалось, этнический санго обладает грамматически значимыми тонами, выражаю-

щими значения наклонения, вида, времени, числа, то в креолизованном санго грамматически значимые тоны редуцировались и эти грамматические отношения стали выражаться аналитически с помощью предикативных элементов.

1. *Хабиров В. П.* Некоторые черты фонологической и лексической вариативности в языке санго // Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. М., 1982.

2. *Хабиров В. П.* Некоторые черты грамматической структуры креольских и креолизованных языков // Сопоставительные исследования грамматических категорий. Свердловск, 1985.

3. *Boyeldieu P., Diki-Kidiri M.* Le domaine ngbandi // SELAF. Paris, 1982.

4. *Khabirov V. P.* Description phonologique du sango de Bangni // DIMI. Brazzaville, 1974. Vol. 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Бабич Г. Н., Шипулина Д. М. Компонентный анализ как метод изучения языковых свойств слова (синтагматический аспект)	3
Гончарова Е. А. Топонимическая структура художественного текста	8
Белозерова Л. И. Структурно-семантический метод исследования составляющих текста	16
Барсук Л. В. Гипотеза об идентификации значения слова	19
Ананин В. Е. Методы выявления частных синтагматических отношений в ЛСГ эмоций	24
Каплина М. М. Обусловленность процесса авторских новообразований	27
Киктева Е. И. Развитие фразеологической системы языка в новоанглийский период	32
Лазарева Е. М. Выявление скрытых семантических компонентов слова методом контекстологического анализа	35
Скворцов О. Г. Соотношение конкретных и абстрактных ЛСВ в семантической структуре многозначного слова shade	38
Цимеринова О. С. Пути исследования отдельных макросистем глагольной лексики	46
Лукичева М. В. Синонимический статус разговорных универбов и конденсатов	50
Махова Э. Ф. Идеологическая оценка в аспекте денотативного и коннотативного значения слова	59
Минкин Л. М., Макеенко И. А. Бессоюзные сложные предложения в языке и речи	66
Морозова Е. В. Функциональный вид письменности как особая система реализации языка	71
Огуй А. Д. Становление прилагательных со значением «храбрый, мужественный» в ракурсе сопоставительно-исторического и типологического методов	75
Пестова Н. В. Реализация потенциальных возможностей системы языка в грамматике поэтического текста	79
Пирогов Н. А. Функционально-синтаксические варианты в литературном немецком языке и диалектах	84
Плещев Н. А. Тенденции развития отсубстантивных относительных дериватов в адвербиальных позициях в немецком языке	88
Томашпольский В. И. Реконструкция прароманских парадигм имперфекта конъюнктива	95
Фоменко Е. Г. Местоимения как средство связи в тексте (исторический аспект)	101
Хабиров В. П. К эволюции фонологической системы креолизованного языка	105

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ
И ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКА

Сборник научных трудов

Темплан Минпроса РСФСР
1988 г., поз. 328

Редактор
И. М. Харитонов
Технический редактор
Н. Н. Заузолкова

Сдано в набор 25.05.88. Подписано
в печать 20.05.88. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага книжно-журнальная. Печать
высокая. Гарнитура литературная.
Усл. печ. л. 7,0. Усл. кр.-отт. 7,2. Уч.-
изд. л. 7,0. Тираж 800. Заказ 185.
Цена 1 р.

Свердловский государственный педа-
гогический институт. 620219, Сверд-
ловск ГСП-135, просп. Космонав-
тов, 26.

Типография изд-ва «Уральский рабо-
чий». 620151, Свердловск, просп. Ле-
нина, 49